Айзек

АЗИМОВ

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Я, РОБОТ

Все о роботах и роботехнике

Обнаженное солнце (пер. Н.Виленская) (журнальные иллюстрации)

Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Обнажённое солнце
Глава первая. Вопрос ждет ответа
Глава вторая. Друзья встречаются
Глава третья. Имя произносится
Глава четвертая. Женщина появляется
Глава пятая. Показания даются
Глава шестая. Гипотеза отвергается
Глава седьмая. Доктор недоумевает
Глава восьмая. Космонит гневается
Глава девятая. Робот капитулирует
Глава десятая. Аналогия прослеживается
Глава одиннадцатая. Ферма обследуется
Глава двенадцатая. Выстрел не попадает в цель
Глава тринадцатая. Роботехник усмиряется
Глава четырнадцатая. Мотив выявляется
Глава пятнадцатая. Портрет создается
Глава шестнадцатая. Загадка разгадывается
Глава семнадцатая. Собрание созывается
Глава восемнадцатая. Вопрос получает ответ

Аннотация

Детектива Илайджа Бейли, мастерство которого в предыдущем расследовании было замечено и у космонитов, приглашают посетить один из Внешних Миров – Солярию, с просьбой помочь в расследовании убийства. Солярия – странный мир в котором общение людей лично, а не через голографический телеконтакт, является табу. С таких подходом и убийство, которое потребовало личного присутствия, кажется невозможным, но тем не менее оно произошло…

Айзек Азимов
Обнажённое солнце

Глава первая
Вопрос ждет ответа

Иллюстрации ***H.R.Van Dongen***

Элайдж Бейли мужественно боролся с паникой.

Паника начала зарождаться в нем недели две назад, а то и раньше, с того самого дня, когда Бейли вызвали в Вашингтон и с порога объявили о новом назначении.

Вызов в Вашингтон уже сам по себе был достаточным поводом для волнения. В официальном письме, кроме распоряжения, не было никаких подробностей — легче от этого не становилось. К вызову прилагались транспортные талоны на

самолет, что только усугубляло ситуацию.

Тревожило то, что дело срочное, раз ему предписывается лететь, беспокоила и сама мысль о полете. Но с той тревогой вполне можно было справиться. Как-никак, Элайдж Бейли летал самолетом уже четыре раза, однажды даже пересек континент. И хотя полет — вещь неприятная, шагом в неизвестное его не назовешь.

А потом, перелет из Нью-Йорка в Вашингтон продолжается всего час. Самолет отправляется с нью-йоркской взлетной полосы N° 5, которая, как и все государственные взлетные полосы, подобающим образом защищена. Выход в открытую атмосферу происходит только по достижении скорости полета. А сядут они на вашингтонской второй полосе, тоже укрытой.

Более того, Бейли хорошо знал, что в самолете не будет окон. Там хорошее освещение, приличная еда, все необходимые удобства. Полет, управляемый по радио, пройдет гладко. Вряд ли движение будет вообще чувствоваться, когда самолет поднимется в воздух.

Бейли убеждал в этом себя и свою жену Джесси, которая никогда еще не летала, а потому мысль о полете приводила ее в ужас.

— Не нравится мне, что ты летишь, Элайдж, —

сказала она. — Это как-то неестественно. Почему бы тебе не поехать экспрессом?

— Потому что тогда дорога займет десять часов, — Бейли кисло усмехнулся, — а еще потому, что я служу в полиции и должен выполнять указания начальства, если, конечно, хочу сохранить свой класс *С-6.*

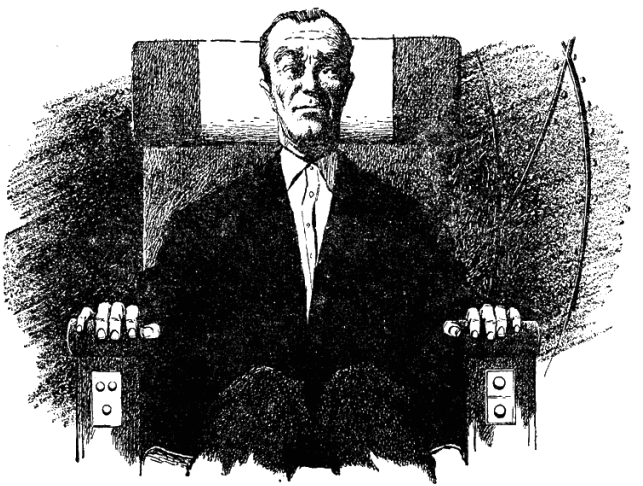
Разумеется, последний довод оспорить было невозможно.

Заняв место в самолете, Бейли уставился на узкий газетный рулон, который непрерывно разматывался с катушки на уровне его глаз. Город гордился этой услугой. В тексте содержались новости, очерки, юморески, познавательные статьи, немного беллетристики. Говорили, что рулоны вскоре заменит видеопленка — когда пассажир смотрит в свой визор, он еще лучше отвлекается от окружающего,

Бейли не сводил глаз с рулона не только потому, что это отвлекало, но и потому, что того требовал этикет. В самолете, кроме него, было пятеро пассажиров (этого Бейли просто не мог не заметить), и каждый имел право на свои личные страх и тревогу в зависимости от характера и воспитания.

Бейли, разумеется, и самому не понравилось

бы, если бы кто-то вторгся в его собственные переживания. Он не хотел, чтобы посторонние видели, как побелели костяшки его пальцев, вцепившихся в ручки кресла, и не желал никому показывать влажный след, который оставят там его руки.



— Я в безопасности, — твердил он себе. — Самолет — это маленький Город.

Но себя не обманешь. Слева от него была стальная стенка в дюйм толщиной, он чувствовал ее локтем. А за ней — ничего.

Ну пускай воздух! Все равно — ничего.

Тысяча миль пустоты в один конец, тысяча — в другой. И пара миль под ними.

Бейли так и подмывало взглянуть вниз, на верхушки зарывшихся в землю Городов, мимо которых они пролетали: Нью-Йорка, Филадельфии, Балтиморы, Вашингтона. Он представлял себе гроздья куполов, похожие на низкие гряды холмов. Он никогда их не видел, но знал, что они там, внизу. А под куполами, на милю вглубь и на десятки миль во все стороны, протянулись Города.

Бейли думал о бесконечных муравьиных переходах Городов, где столько народу; о квартирах, столовых, фабриках, экспресс-дорогах; там уютно и тепло, там люди.

А он сидит в металлической скорлупке, что мчится сквозь пустоту!

У него дрожали руки. Бейли заставил себя сосредоточиться на полоске текста и стал читать.

Ему попался рассказик о путешествии по Га-

лактике, героем которого, по всей видимости, был землянин.

Бейли пробурчал что-то вслух, но тут же поймал себя на том, что забылся и нарушил тишину.

Но ведь это просто смешно. Что за детские игры — притворяться, будто земляне способны завоевать космос. Галактика! Галактика для землян закрыта. Ее захватили космониты, чьи предки столетия назад родились на Земле. Уроженцы Земли первыми достигли Внешних Миров и приспособили их для жизни, а их потомки поставили заслон эмиграции, не выпуская своих кузенов с Земли.

Городская цивилизация Земли завершила дело, заключив землян в Городах, за стенами страха перед открытым пространством, отрезав их от роботизированных ферм и рудников своей же собственной планеты.

Иосафат, горько подумал Бейли. Если нас это не устраивает, давайте что-нибудь делать, а не тратить время на сочинение сказок.

Но делать было нечего, и Бейли это знал.

Потом самолет совершил посадку, и все пассажиры, включая Бейли, вышли и разошлись в разные стороны, так и не посмотрев друг па друга.

Бейли взглянул на часы и решил, что успеет освежиться перед тем, как явиться в Министерство Юстиции. Это хорошо. Шум и суета, огромный сводчатый зал аэропорта, от которого на всех уровнях расходились городские коридоры — все, что Бейли видели слышал, вселяло в него чувство безопасности, уюта, погруженности в недра Города, в его чрево. Тревога прошла, и для полноты счастья недоставало только душа.

Для посещения туалетной комнаты необходимо было временное разрешение, но командировочное удостоверение Бейли сразу уладило дело. Ему поставили нужный штамп с предоставлением отдельной кабины, указав во избежание недоразумений точную дату, и вручили листок с адресом.

Бейли был рад почувствовать под ногами бегущую дорожку. Он просто наслаждался, переступая с одной на другую и с возрастающей скоростью приближаясь к экспресс-дороге. Он легко вскочил на полотно и занял место, положенное ему по классу.

Час пик еще не наступил, так что свободные места были. И в туалетной, когда Бейли добрался туда, тоже не было излишней толкотни. Кабина, которую ему выделили, была в приличном состо-

янии, и мини-прачечная работала исправно.

Щедро израсходовав положенный запас воды и освежив одежду, Бейли почувствовал, что готов предстать перед начальством. По иронии судьбы он даже развеселился.

Заместитель министра Альберт Минним был человек небольшого роста, складный, румяный, с пробивающейся сединой. Все углы его фигуры были сглажены и округлены. От него веяло чистотой и слабым запахом тоника. Все в нем говорило о жизненных благах и щедрых пайках, которыми пользуется правительство.

Бейли рядом с ним казался себе желтым и костлявым, Он чувствовал, какие у него большие руки, вверившиеся глаза, какой он весь угловатый.

— Садитесь, Бейли, — приветливо сказал Минним. — Вы курите?

— Только трубку, сэр, — ответил Бейли и достал ее, а Минним спрятал сигару, которую было извлек.

Бейли тут же пожалел о своих словах. Сигара лучше, чем ничего — надо было взять. Хотя ему и повысили норму табака, когда недавно перевели из *С-5* в *С-6,* об изобилии все-таки говорить не приходилось.

— Пожалуйста, как хотите, — сказал Минним и с отеческим терпением стал ждать, пока Бейли тщательно набьет трубку и раскурит ее.

— Мне так и не сказали, зачем меня вызвали в Вашингтон, сэр, — сказал Бейли, глядя на трубку.

— Знаю, — улыбнулся Минним. — Сейчас мы это поправим. Вы временно переводитесь на другую работу.

— За пределами Нью-Йорка?

— Да, довольно далеко от него.

Бейли поднял брови и задумался.

— А на какой срок, сэр?

— Не могу сказать точно.

Бейли прикинул в уме преимущества и недостатки, сопряженные с переводом. Как приезжий, временный житель Города, он скорее всего будет пользоваться более высоким уровнем жизни, чем положено ему по классу. С другой стороны, очень сомнительно, чтобы Джесси и их сыну Бентли разрешили сопровождать его. Конечно, в Нью-Йорке о них позаботятся, но Бейли был человек семейный, и мысль о разлуке со своими восторга не вызывала.

Далее, новое назначение означало работу особого рода — это хорошо, и ответственность повыше той, что обычно возлагается на рядового детек-

тива — это могло быть затруднительно. Бейли не так давно испытал, что такое ответственность, расследуя убийство космонита вблизи Нью-Йорка, и его не слишком радовала перспектива снова столкнуться с чем-нибудь подобным.

— Может быть, вы скажете, сэр, куда меня направляют? — спросил он. — В чем суть моего задания? О чем, собственно, речь?

Взвешивая в уме слова заместителя министра «довольно далеко», Бейли заключал с самим собой пари относительно места командировки. «Довольно далеко» звучало загадочно, и он прикидывал: Калькутта? Сидней? Тут он заметил, что Минним достал-таки сигару и не спеша закуривает. Иосафат, подумал Бейли. Не решается сказать. Время тянет.

Минним вынул сигару изо рта и сказал, глядя на дымок:

— Министерство Юстиции временно командирует вас на Солярию.

Какой-то миг Бейли еще цеплялся за обманчивые ассоциации: кажется, Солярия в Азии? Или в Австралии? Потом встал и резко спросил:

— То есть на один из Внешних Миров?

— Верно, — подтвердил Минним, не глядя на него.

— Но это же невозможно. Кто пустит землянина во Внешний Мир?

— Обстоятельства иногда вынуждают пересматривать правила, детектив Бейли. На Солярии совершено убийство.

Губы Бейли дрогнули в непроизвольной улыбке.

— Несколько за пределами нашей юрисдикции, не так ли?

— Они обратились за помощью.

— За помощью? К нам? На Землю? — Бейли не верил своим ушам. Обитатели Внешних Миров относились к былой родине с презрением или в лучшем случае покровительственно. Чтобы они — и вдруг обратились за помощью? — На Землю? — повторил он.

— Невероятно, — признался Минним, — и тем не менее так. Они хотят, чтобы следствие вел детектив-землянин. Сообщение получено по дипломатическим каналам на самом высшем уровне.

Бейли снова сел.

— Но почему я? Я немолод, мне сорок три года. У меня жена и ребенок. Я не могу покинуть Землю.

— Это не наш выбор, детектив. Они сами назвали вас.

— Меня?!

— Инспектор Элайдж Бейли, *С-6*, служащий в полиции города Нью-Йорка. Они знают, чего хотят, и вы, конечно, знаете почему.

— Я не гожусь для такой задачи, — настаивал Бейли.

— Они считают, что годитесь. До них, очевидно, дошли сведения о том, как вы расследовали убийство космонита.

— Мало ли что они могли слышать? Я думаю, что истину сильно приукрасили.

— Во всяком случае, — пожал плечами Минним, — они запросили вас, а мы дали свое согласие. Все бумаги готовы, так что можете отправляться. Во время вашего отсутствия ваша жена и ребенок будут получать довольствие по классу С-7 — такой разряд присвоен вам на время командировки. — Минним многозначительно помолчал. — В случае успешного выполнения задания разряд может стать постоянным.

Все происходило слишком быстро для Бейли. Как же так? Он просто не может покинуть Землю. Что они, не понимают?

Он услышал свой ровный голос, самому показавшийся неестественным:

— Что за убийство? При каких обстоятельствах

оно произошло? Почему они не могут разобраться сами?

Минним передвинул ухоженными пальцами несколько предметов у себя на столе и покачал головой.

— Об убийстве и его обстоятельствах мне ничего неизвестно.

— А кому известно, сэр? Не могу же я отправиться туда полным болваном? — А внутренний голос в отчаянии повторял: не могу же я покинуть Землю!

— Никто не знает. На Земле — никто. Соляриане нас не посвятили. В том и будет заключаться ваша работа: выяснить, что это за убийство, для расследования которого понадобился землянин. Точнее, это только часть вашей работы.

— А если я откажусь? — осмелился выговорить Бейли, заранее зная ответ и прекрасно понимая, чем грозит деклассификация ему и, главное, семье.

Минним не упомянул о деклассификации, а сказал мягко:

— Вы не можете отказаться, инспектор. Придется поработать.

— На соляриан? Да пропади они пропадом!

— На нас, Бейли. На нас. — Минним помол-

чал. — Вы же знаете, в каком положении находится Земля, — знаете не хуже меня.

Да, Бейли знал, как и любой житель Земли. Население всех пятидесяти Внешних Миров, вместе взятых, гораздо меньше земного, однако военный потенциал космонитов выше раз в сто. В этих малонаселенных роботизированных мирах производство энергии на душу населения в тысячу раз превышает земные показатели, а именно количество энергии на душу населения определяет военный потенциал, уровень жизни, благосостояние и все остальное.

— Одним из факторов, который позволяет сохранять это положение, — сказал Минним, — является наше невежество. Да-да, невежество. Космониты знают о нас все — видит Бог, они посылали на Землю достаточно миссий, — мы же не знаем о них ничего, а если и знаем, так только с их слов. Земляне еще не бывали ни на одном из Внешних Миров. Вы первый.

— Я не смогу… — начал Бейли.

— Сможете. Вам предоставляется уникальная возможность. Они сами пригласили вас на Солярию, сами поручают вам работу. Вы вернетесь с ценной для Земли информацией.

Бейли мрачно посмотрел на заместителя ми-

нистра.

— Значит, придется стать шпионом?

— О шпионаже речь не идет. Вам не придется делать ничего такого, что не входило бы в ваши обязанности. Пользуйтесь глазами и головой, вот в все. Наблюдайте! Когда вернетесь, на Земле найдутся специалисты, которые расшифруют и проанализируют ваши наблюдения.

— Надо понимать, что мы ка краю пропасти, сэр?

— Почему вы так думаете?

— Посылать землянина во Внешний Мир очень рискованно. Космониты нас ненавидят. Я откошусь к ним вполне доброжелательно, однако мое появление там, хотя бы по их же приглашению, может вызвать межзвездный конфликт. Правительство Земли вполне могло бы отказать космонитам, если бы захотело. Могли бы сказать, что я болен. Космониты испытывают патологический страх перед болезнями и ни за что не приняли бы меня в таком случае.

— Вы предлагаете нам поступить именно так?

— Нет. Если бы у правительства не имелось серьезных оснований посылать меня туда, я бы наверняка остался на Земле. Отсюда следует, что главное как раз шпионаж. А раз так, должна

быть серьезная причина не стоит идти на такой риск лишь ради того, чтобы я поглазел там по сторонам.

Бейли ожидал взрыва и даже приветствовал бы его ради разрядки напряжения, но Минним только холодно улыбнулся.

— А вы умеете, я вижу, смотреть в корень. Впрочем, я иного и не ожидал. — Минним перегнулся к Бейли через стол. — Сейчас я скажу вам то, что вы не будете обсуждать ни с кем — даже с другими представителями администрации. Наши социологи пришли к определенным выводам относительно обстановки в Галактике. С одной стороны, пятьдесят Внешних Миров — малонаселенные, роботизированные, могущественные, здоровые, с высокой продолжительностью жизни. С другой стороны — наш мир, перенаселенный, технически отсталый, с низкой продолжительностью жизни, полностью под влиянием Внешних Миров, Такое положение неустойчиво и долго не продлится,

— Ничто не длится долго,

— Да, но нам осталось совсем немного. Самое большее — сотня лет. На наш век хватит, но у нас есть дети. Мы станем слишком опасны для космонитов, чтобы они позволили нам существо-

вать. Нас на Земле восемь миллиардов, и все мы ненавидим их.

— Космониты исключили нас из галактического сообщества, ведут торговлю так, как выгодно им, диктуют нашему правительству свои условия, презирают нас — так чего же они хотят, благодарности?

— Верно, поэтому в будущем нас ждет следующее: мятеж, расправа — еще мятеж, еще расправа — и столетие спустя Земля как обитаемый мир перестанет существовать. Так говорят социологи.

Бейли поежился — с социологами и их компьютерами не поспоришь.

— Но чего же в таком случае ждут от меня?

— Информации. В нашем социологическом прогнозе есть большой пробел — отсутствие информации о Внешних Мирах. Приходится делать выводы на основе общения с теми немногими космонитами, которых присылают сюда. Приходится полагаться на то, что они сами соизволят сообщить, поэтому нам известны только и исключительно их сильные стороны. Пусть они подавятся своими роботами, малым населением, долгой жизнью, но в чем же их слабость? Есть ли такой фактор или факторы, которые, будь они только нам известны, могли бы отклонить неиз-

бежность нашей гибели? Что-нибудь, чем мы бы могли руководствоваться, чтобы дать Земле шанс на выживание?

— Может быть, лучше послать туда социолога, сэр?

— Если бы мы могли послать, кого хотим, — потряс головой Минним, — то послали бы еще десять лет назад, когда социологи представили свой прогноз. Но сейчас мы впервые получили возможность послать туда человека. Они запрашивают детектива, и это нам на руку. Детектив — тоже социолог, на свой, практический, лад, иначе ему не стать хорошим детективом. А ваш послужной список доказывает, что вы хороший детектив.

— Благодарю вас, сэр, — машинально ответил Бейли. — А если у меня возникнут осложнения?

— Это риск, с которым сталкивается каждый полицейский, — отмахнулся Минним. — В любом случае надо лететь. Время отправления назначено, и корабль ждет вас.

— Ждет? — остолбенел Бейли. — Когда же я отправляюсь?

— Через два дня.

— Тогда мне надо вернуться в Нью-Йорк. Моя жена…

— Мы поговорим с вашей женой. Она не должна знать о вашем задании, сами понимаете. Ей скажут, чтобы она пока не ожидала от вас вестей.

— Но это же бесчеловечно. Мне необходимо ее видеть. Может быть, мы больше не встретимся.

— То, что я скажу, покажется вам еще более бесчеловечным — но разве каждый раз, уходя на службу, вы не говорите себе, что, возможно, виделись с женой последний раз? Инспектор Бейли, все мы должны исполнять свой долг.

Трубка у Бейли погасла пятнадцать минут назад, а он того и не заметил.

Больше Бейли ничего не сказали. Об убийстве никто ничего не знал. Он переходил от чиновника к чиновнику и наконец оказался у космического корабля, все еще толком не веря в происходящее.

Корабль походил на гигантскую пушку, нацеленную в небо. В воздухе ощущалась сырость; Бейли зябко поежился. Стояла ночь, и он был благодарен за это судьбе. Ночь выстроила вокруг свои черные стены, переходящие в черный потолок неба. Было пасмурно, и яркая звездочка, проглянувшая в просвете между тучами, заставила Бейли вздрогнуть, хотя ему доводилось бывать в планетарии.

Крохотная искорка, невообразимо далекая.

Бейли смотрел на нее с любопытством, почти без страха. Она казалась совсем крохотной, размером с песчинку, а ведь вокруг таких вот огоньков вращаются планеты, на которых живут властители Галактики. Солнце тоже такое, подумал Бейли, только оно ближе и теперь светит по ту сторону Земли.

Он вдруг представил себе Землю — каменный шарик под пленочкой влаги и газа, а вокруг, со всех сторон, пустота. И земные Города, едва выступающие над поверхностью, ненадежно укрепившиеся между твердью и воздухом. По коже пошли мурашки.

Корабль, разумеется, принадлежал космонитам. Межзвездная торговля была полностью в их руках. Бейли был совсем один здесь, за чертой Города. Его долго мыли, скребли и стерилизовали, прежде чем сочли возможным, по космонитским стандартам, допустить на борт. И все-таки навстречу ему выслали не человека, а робота — ведь Бейли нес на себе сотни разновидностей болезнетворных бактерий перенаселенного Города. У Бейли был к ним иммунитет, но евгенически выводимые космониты таковым не обладали.

Массивный робот выступил из мрака, его глаза тускло светились красным.

— Инспектор Элайдж Бейли?

— Да, — отрезал Бейли, чувствуя, как зашевелились волосы на затылке. Элайджа, как истого землянина, передергивало при виде робота, исполняющего человеческую работу. Его напарником по расследованию убийства космонита тоже был робот — Р. Дэниел Оливо, но то совсем другое дело. Дэниел был…

— Пожалуйста, следуйте за мной, — сказал робот, трап, ведущий на корабль, залил яркий свет.

Бейли поднялся по трапу и очутился на борту корабля.

— Вот ваша каюта, инспектор Бейли, — сказал робот. — Вам предписано находиться в ней до конца рейса,

Правильно, запирайте, подумал Бейли. Так оно надежнее — под замком.

В коридорах, по которым он шел, было пусто. Сейчас, наверно, роботы их дезинфицируют. А этого, который его сопровождал, подвергнут, поди, бактерицидной обработке.

— Здесь имеется санузел с водопроводом, — продолжал робот. — Пищу вам будут приносить. Иллюминаторами можно управлять с помощью вот этой панели. Сейчас они закрыты, но если вы пожелаете наблюдать космическое простран-

ство…

— Не надо, бой, — с некоторой поспешностью сказал Бейли, — пусть остаются закрытыми.

Как было принято у землян, он обратился к роботу «бой», но тот не возражал. Да и как он мог возразить? Его поведение регулировалось законами роботехники. Робот согнул свой массивный корпус в пародии на почтительный поклон и вышел.

Бейли остался один и мог теперь осмотреться. Во всяком случае, тут было получше, чем в самолете. Самолет просматривался из конца в конец, Бейли видел его пределы, а корабль был большой. В нём имелись коридоры, разные уровни, отсеки. Прямо как маленький Город. Бейли вздохнул почти с облегчением.

Свет мигнул, и металлический голос из репродуктора проинструктировал Бейли, как вести себя во время ускорения.

Бейли прижало к переборке, снабженной гидравлическим амортизатором, раздался рокот двигателя, воспламененного протонным микрореактором. Послышался свист разрываемой атмосферы, который делался все тоньше и выше и через час совсем затих.

Корабль взмыл в космос.

Все чувства в Бейли как-то притупились, и он не ощущал связи с реальностью. Он твердил себе, что с каждой секундой отдаляется на тысячи миль от Земли и от Джесси, но в голове это не укладывалось.

На второй день — или на третий (он мог судить, о времени только по чередованию еды и сна), Бейли испытал странное ощущение, как будто его вывернули наизнанку. Он понял, что это Скачок — уму непостижимый, почти мистический, мгновенный переход через гиперпространство, перенесший корабль со всем его содержимым из одной точки космоса в другую, через много световых лет. Потом последовал еще один провал времени и еще один Скачок, снова провал и снова Скачок.

Ну вот, сказал себе Бейли, я теперь за десятки световых лет от Земли, за сотни, за тысячи.

Точной цифры он не знал — да и кто на Земле ведал, где находится Солярия? Бейли мог побиться об заклад, что никто об этом и понятия не имеет. Он чувствовал себя ужасно одиноким.

Корабль начал замедлять ход, и к Бейли вошел робот. Своими красными глазами он внимательно осмотрел пристежные ремни, ловко подтянул гайку, проверил амортизатор.

— Посадка через три часа, — сказал он. — Пожалуйста, оставайтесь в этой комнате. За вами придет человек, который проводит вас в вашу резиденцию.

— Подожди, — нервно сказал Бейли. Пристегнутый, он чувствовал себя беспомощным. — В какое время дня мы совершим посадку?

— По галактическому времени, — тут же ответил робот, — будет…

— По-местному, бой. По местному! Иосафат!

— Солярианские сутки, — как ни в чем не бывало продолжал робот, — состоят из 28, 35 стандартных часов. Они делятся на десять декад, каждая из которых делится на сто центад. По расписанию мы прибываем на двадцатой центаде пятой декады.

Бейли ненавидел этого робота. Ненавидел за тупость, за то, что он вынуждает его, Бейли, задать прямой вопрос и тем выдать свою слабость. Ну что ж, делать нечего. Бейли спросил с видимым безразличием:

— Это будет светлое время суток?

— Да, господин, — кратко ответил робот и вышел.

Светлое! Придется выйти на поверхность планеты среди бела дня.

Бейли не мог даже представить, как это будет выглядеть. Порой он наблюдал открытое пространство, находясь в стенах Города, и даже выходил в него на какие-то мгновения. Но всегда поблизости находились стены, то есть убежище.

На какое убежище может он рассчитывать теперь? Не будет даже ложных стен ночной тьмы, чтобы помочь ему.

Но нельзя же проявить слабость перед космонитами — будь он проклят, если проявит. Бейли стиснул зубы, прислонился к противоперегрузочной переборке и стал мужественно бороться с паникой.

Глава вторая
Друзья встречаются

Он изнемогал в этой борьбе — одних доводов рассудка было недостаточно.

Люди всю свою жизнь живут в открытом пространстве, твердил он себе, Так живут, космониты. Так жили наши предки на Земле. Укрываться совсем не обязательно. Только мое сознание говорит мне, что это не так, но оно ошибается.

Все впустую. Нечто такое, что было сильнее и выше рассудка, взывало об укрытии и начисто отвергало открытое пространство.

Бейли начинал понимать, что терпит поражение. В конце концов он все же струсит, задрожит и будет представлять собой жалкое зрелище. Космонит, которого пришлют за ним (с фильтрами против бактерий в носу и в перчатках для пущей безопасности), не сможет почувствовать к нему даже здорового презрения — одно только омерзение.

Бейли держался из последних сил.

Корабль совершил посадку, ремни автоматически отстегнулись, амортизирующее устройство

ушло обратно в стену, но Бейли остался сидеть. Он боялся, но решил не подавать виду.

Когда тихо открылась дверь отсека, Бейли отвел взгляд, но краем глаза увидел высокую фигуру с волосами цвета бронзы. Космонит, один из гордых потомков землян, что отреклись от своего родства.

— Партнер Элайдж! — сказал космонит.

Бейли рывком повернулся к нему, широко раскрыл глаза и почти непроизвольно вскочил.

Он увидел лицо с высокими скулами, совершенно безмятежные черты, безупречное тело, невозмутимые голубые глаза.

— Д-дэниел!

— Я рад, что вы меня помните, партнер Элайдж, — сказал космонит.

— Как не помнить! — Бейли испытал глубокое облегчение. Это была частица Земли, его друг, утешитель и спаситель. Бейли захотелось вдруг броситься к космониту, стиснуть того в объятиях, засмеяться, хлопнуть по спине — словом, проделать все глупости, подобающие старым друзьям, которые встретились после долгой разлуки.

Но инспектор удержался — что-то удержало его. Он всего лишь сделал шаг вперед, протянул руку и сказал:

— Разве я мог вас забыть, Дэниел.

— Мне очень приятно, — кивнул Дэниел. — Я, как вам хорошо известно, тоже не в состоянии забыть вас, пока нахожусь в рабочем состоянии. Рад нашей встрече.

Дэниел крепко, но не больно пожал руку Бейли — и отпустил ее.

Бейли от души понадеялся, что робот не может заглянуть к нему в мозг и прочесть там, что на одно безумное мгновение, которое не совсем еще миновало, Бейли воспылал к Дэниелу нежной дружбой, почти любовью.

Нельзя же, в конце концов, питать такие чувства к этому Дэниелу Оливо — он ведь не человек, а всего лишь робот.

Робот, так похожий на человека, сказал:

— Я попросил протянуть рукав от корабля к нашей роботизированной транспортной машине.

— Рукав! — не понял Бейли.

— Да. Это распространенное приспособление. Часто применяется в космосе для перехода или переноса груза с одного корабля на другой, чтобы не пользоваться специальным противовакуумным снаряжением. Вы, очевидно, с этим приспособлением незнакомы.

— Нет, но могу себе представить.

— Довольно трудно соединить таким образом корабль и сухопутный транспорт, но я, тем не менее; потребовал, чтобы это было сделано, К счастью, миссия, доверенная нам с вами, имеет первостепенную важность, и все вопросы решаются незамедлительно.

— Значит, вам тоже поручили расследовать это убийство?

— Разве вас не информировали? Жаль, что я не сказал вам сразу же. — Однако сожаление, как и прочие чувства, не отражались на безучастном лице робота, — Доктор Хэн Фастольф, с которым вы встречались на Земле во время нашей общей работы и которого, надеюсь, вы помните, первый предложил вас в качестве следователя. И поставил условием, что я снова буду работать с вами.

Бейли невольно улыбнулся. Доктор Фастольф являлся гражданином Авроры, а Аврора была самым мощным из Внешних Миров, Очевидно, советы аврорианца имели здесь вес.

— Нельзя разбивать команду, которая хорошо сработалась, а? — сказал Бейли. Восторг, вызванный появлением Дэниела, начинал проходить, и тревога снова сжимала грудь.

— Не ручаюсь, что доктор Фастольф имел в виду именно это, партнер Элайдж. Судя по распоряже-

ниям, я скорее заключил бы, что в его интересы входило назначить работать с вами того, кто знаком с вашим миром и, соответственно, с вашими небольшими странностями,

— Странностями? — нахмурился обиженный Бейли. Применительно к себе это слово ему не нравилось.

— Так, например, я сразу подумал о том, что нужно протянуть рукав. Мне хорошо известно ваше неприятие открытого пространства, поскольку вы росли в земном Городе.

Бейли резко сменил тему. То ли потому, что его назвали человеком со странностями и надо было отыграться, то ли потому, что жизнь научила его сразу распутывать все логические неувязки.

— На корабле обо мне заботился робот. Робот, — не без ехидства ввернул Бейли, — который и выглядит как робот. Вы его знаете?

— Я говорил с ним перед тем, как подняться на борт.

— Как его зовут? И как его можно вызвать?

— РХ-2475. На Солярии роботов называют только по серийным номерам. — Дэниел перевел взор на контрольную панель у двери. — Вот кнопка его вызова.

Бейли взглянул туда же. Кнопка, на которую

указал Дэниел, была обозначена «РХ», так что ее функция не вызывала сомнений. Бейли нажал ее, и минуты не прошло, как явился робот, который выглядел как положено роботу.

— Ты РХ-2475? — спросил Бейли.

— Да, господин.

— Ты недавно говорил мне, что за мной должен кто-то прийти. Это он? — Бейли показал на Дэниела,

Роботы встретились взглядами, и РХ-2475 сказал:

— По документам, да.

— Больше тебе ничего о нем не говорили? Тебе описали его внешность?

— Нет, господин. Только назвали имя.

— Кто назвал?

— Капитан корабля, господин.

— Он солярианин?

— Да, господин.

Бейли облизнул губы. Следующий вопрос будет решающим.

— Какое же имя тебе назвали?

— Дэниел Оливо, господин.

— Хорошо, бой! Можешь идти.

Робот изобразил поклон, повернулся кругом и ушел.

Бейли задумчиво посмотрел на своего партнера.

— Вы мне сказали не всю правду, Дэниел.

— В каком смысле, партнер Элайдж?

— Разговаривая с вами, я кое-что вспомнил, РХ-2475 говорил мне, что за мной придет человек. Я отчетливо это помню.

Дэниел спокойно выслушал его и ничего не ответил.

— Я подумал, что робот мог ошибиться, — продолжал Бейли. — Или должен был действительно прийти человек, а потом его заменили вами, а РХ-2475 о том не информировали. Но, как вы сами слышали, выяснилось, что это не так. Робот проверял у вас документы, ему назвали ваше имя. Только назвали не полностью, а, Дэниел?

— Да, мое имя роботу назвали не полностью, — согласился Дэниел.

— Вас ведь зовут не Дэниел Оливо, а Р. Дэниел Оливо, верно? То есть робот Дэниел Оливо.

— Совершенно верно, партнер Элайдж.

— Отсюда следует, что РХ-2475 не сообщили, что вы робот. Подразумевается, что вы человек. С вашей внешностью такой маскарад возможен.

— Не могу оспаривать ход ваших рассуждений.

— Тогда продолжим. — Бейли охватила свире-

пая радость. Он шел по следу. Пусть это был не такой уж важный след, но сейчас Бейли делал то, что умел делать хорошо. Настолько хорошо, что его стоило тащить сюда через весь космос. — Итак, зачем нужно было обманывать несчастного робота? Ему все равно, робот вы или человек. Он бы в любом случае подчинился приказу. Поэтому разумно будет предположить, что солярианский капитан, который информировал робота, и солярианские чиновники, которые информировали капитана, тоже не знали, что вы робот. Как я уже сказал, это разумное предположение, но, может быть, не единственное. Что скажете — прав я или нет?

— Полагаю, что вы правы.

— Ладно, значит, отгадал. Но в чем же тогда дело? Доктор Хэн Фастольф, рекомендуя вас солярианцам как моего партнера, умолчал о том, что вы робот. Разве это не опасно? Соляриане будут очень недовольны, если узнают правду. Зачем было это делать?

— Мне объяснили так, партнер Элайдж, — ответил андроид. — Сотрудничество с человеком из Внешнего Мира поднимет вас в глазах солярианцев, а сотрудничество с роботом — унизит. Поскольку я знаю ваши обычаи и легко могу сработаться

с вами, было признано разумным позволить солярианам считать меня человеком, причем прямого обмана, то есть заявления, что я человек, не было.

Бейли как-то не верилось в это. Такое внимание к чувствам землянина несвойственно космонитам, даже таким просвещенным, как Фастольф. Нет ли тут другого объяснения, подумал он и спросил:

— Кажется, Солярия славится во Внешних Мирах своими роботами?

— Я рад, что вас посвятили в основы солярианской экономики, — сказал Дэниел.

— Никто меня не посвящал. Я знаю, как пишется слово «Солярия», и тем мои познания о ней ограничиваются.

— Тогда я не понимаю, партнер Элайдж, что заставило вас задать этот вопрос, так как он исключительно точен. Вы попали в цель. В моей памяти записано, что во всех пятидесяти Внешних Мирах Солярия широко известна разнообразием и совершенством выпускаемых ею роботов. Она поставляет модели различных модификаций во все Внешние Миры.

Бейли кивнул с мрачным удовлетворением. Дэниелу, конечно, не понять его интуитивного

умозаключения, исходящего из того, что человек слаб. А объяснять Бейли не собирался. Если Солярия — производитель роботов, известный на всю Галактику, у доктора Хэна Фастольфа и его сотрудников могли быть чисто личные и вполне людские мотивы продемонстрировать собственного робота экстра-класса. О том, чтобы щадить чувства землянина, никто и не думал.

Им просто лестно одурачить солярианских экспертов, подсунув вместо человека аврорианского робота.

Бейли почувствовал себя намного лучше. Странное дело: вся мощь его интеллекта была бессильна побороть панику, а уступка собственному тщеславию сделала это мгновенно.

Помогло и сознание того, что космониты тоже грешат тщеславием.

Иосафат, все мы люди, подумал он. Даже и космониты.

Вслух он произнес почти весело:

— Долго еще ждать машину? Я готов.

Рукав, протянутый по просьбе Дэниела, не очень подходил для своей нынешней задачи. Человек и андроид шли по гибкой кишке, которая раскачивалась и прогибалась под их весом. В космосе, как смутно догадывался Бейли. по ней

было бы легко перелететь с корабля на корабль — достаточно один раз оттолкнуться.

На другом конце рукав сморщился, будто стиснутый рукой великана. Дэниел, у которого был фонарик, встал на четвереньки, и Бейли пришлось последовать его примеру. Таким манером они преодолели последние двадцать футов и наконец добрались до своего транспорта.

Дэниел закрыл дверь, плотно задвинул ее. Что-то сильно щелкнуло — наверное отсоединили рукав.

Бейли с любопытством осмотрел машину — ничего экзотического в ней не было, Два сиденья, одно за другим, каждое рассчитано на троих. С обоих концов каждого сиденья — дверцы. Глянцевитые прямоугольники — должно быть, окна, — черные и непрозрачные, разумеется, поляризованные. Бейли знал, как это делается.

Кабину освещали два круглых желтых светильника на потолке. Единственное, что бросилось в глаза, Бейли, — репродуктор на панели перед первым сиденьем и отсутствие какого-либо управления.

— Водитель, наверно, сидит за перегородкой? — спросил он.

— Совершенно верно, партнер Элайдж. А ко-

манды подаются таким образом. — Он щелкнул рычажком, красный огонек рядом замигал, и Дэниел произнес: — Можно отправляться. Мы готовы.

Машина слегка зашумела, их чуть-чуть прижало к спинке сиденья, но тут же шум и давление прекратились, и за ними ничего не последовало.

— Мы что, уже едем? — удивился Бейли.

— Да, эта машина движется не на колесах, а на диамагнитной силовой подушке. Чувствуется только торможение или ускорение.

— А повороты?

— Машина автоматически уравновешивает крен. То же происходит на подъемах и спусках.

— Сложное, должно быть, управление, — сухо заметил Бейли.

— Полностью автоматизированное. Машину ведет робот

— Угу. — Бейли уже узнал все, что хотел. — Нам долго ехать?

— Около часа. По воздуху было бы быстрее, но я позаботился о том, чтобы поместить вас в укрытие, а солярианский аэроплан нельзя изолировать настолько плотно, как эту машину, в которой мы едем.

Бейли такая заботливость привела в раздра-

жение — он почувствовал себя ребенком под опекой няньки. Почти так же раздражала его, как ни странно, речь Дэниела. Ему казалось, что эти безупречно правильные фразы быстро выдадут, кто тот такой.

Бейли обратил испытующий взгляд на Р. Дэниела Оливо. Робот, сидя неподвижно, смотрел прямо перед собой, и пристальное внимание Бейли его, как видно, не смущало.

Кожа Дэниела была сделана безукоризненно, каждый волосок на голове и на теле любовно и искусно посажен на место. Под кожей вполне натурально двигались мускулы. Усилий не пожалели, не упустили ничего — даже самую малость. Но Бейли знал по опыту, что на конечностях и грудной клетке Дэниела есть невидимые швы, по которым робота можно вскрыть и починить в случае надобности. Он знал, что под этой столь натуральной кожей находится металл и силикон, что в черепной коробке помещается позитронный мозг — мощный, но все-таки позитронный, что «мысли» Дэниела — всего лишь короткие импульсы позитронов, бегущие по тщательно продуманным и собранным электронным схемам.

Но что может разоблачить его в глазах спе-

циалиста, не знающего заранее, кто он? Легкая неестественность речи? Полная невозмутимость, отсутствие эмоций? Самое его совершенство?

Однако время идет. Бейли сказал:

— Давайте поговорим, Дэниел. Думаю, вы перед отправкой сюда получили кое-какую информацию о Солярии?

— Да, партнер Элайдж.

— Хорошо — а вот мне ее дать не потрудились. Каковы размеры планеты?

— Диаметр 9500 миль. Это самая большая из трех планет системы и единственная обитаемая. По климату и атмосфере напоминает Землю, процент плодородных земель выше, чем на Земле, а содержание полезных ископаемых — ниже, но разрабатываются они менее интенсивно. Солярия экономически самостоятельна и благодаря экспорту роботов обеспечивает себе высокий уровень жизни.

— Население?

— Двадцать тысяч, партнер Элайдж.

Бейли сделал прикидку и мягко сказал:

— Вы, наверно, хотели сказать — двадцать миллионов? — Обладая лишь приблизительными сведениями о Внешних Мирах, Бейли тем не менее знал, что, как ни мало они населены,

количество их обитателей исчисляется все-таки миллионами.

— Двадцать тысяч, партнер Элайдж, — повторил робот.

— Значит, планета заселена недавно?

— Отнюдь нет. Солярия объявила о своей независимости два столетия назад, а заселена была за век до этого. Численность населения намеренно поддерживается в пределах двадцати тысяч — подобную цифру сочли оптимальной сами соляриане.

— Какую же часть планеты они занимают?

— Всю плодородную зону.

— Сколько это будет в квадратных милях? Тридцать миллионов квадратных миль, включая пограничные районы.

— И это на двадцать тысяч человек?

— Здесь работает также около двухсот миллионов позитронных роботов, партнер Элайдж.

— Иосафат! Что же получается — десять тысяч роботов на человека?

— Самый высокий показатель во Внешних Мирах, партнер Элайдж. Второе место занимает Аврора, а там на человека приходится всего пятьдесят роботов.

— Зачем им столько роботов? Куда девать такое

количество продовольствия?

— Производство продуктов питания — не самое главное в экономике Солярии. Важнее горные работы, а самое важное — производство энергии.

У Бейли голова закружилась при мысли о таком количестве роботов. Двести миллионов! И так мало людей. Должно быть, эти роботы прямо-таки кишат повсюду. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что Солярия населена исключительно роботами — трудно было бы разглядеть тонкую человеческую прослойку.

Бейли вдруг потянуло увидеть все своими глазами. Он вспомнил беседу с Миннимом и социологический прогноз, согласно которому Земле угрожает гибель. Все это казалось далеким и нереальным, но помнилось. Собственные заботы и переживания после отлета с Земли заслонили невероятные истины, о которых столь хладнокровно, выговаривая каждый звук, вещал Минним, но не стерли их из памяти.

Бейли всегда старался добросовестно нести службу, и даже страх перед открытым пространством не мог помешать ему исполнять свои обязанности. Сведения, полученные от космонитов — в данном случае от космонитского робота, — имелись и у земных социологов. Необ-

ходимы личные наблюдения — и его долг, хоть и неприятный, заняться ими. Бейли посмотрел вверх.

— Эта штука убирается, Дэниел?

— Простите, партнер Элайдж, я не совсем понял вас.

— Верх машины съемный? Можно убрать его так, чтобы мы оказались… под открытым небом? (Он чуть не сказал по привычке «под куполом».)

— Да, можно.

— Тогда сделайте это, Дэниел. Я хочу посмотреть.

— Простите, но я не могу этого допустить, — серьезно ответил робот.

— Послушайте, Р. Дэниел! — изумленно воскликнул Бейли, подчеркнув это «Р». — Скажу иначе. Я приказываю вам опустить верх.

Ведь он же робот, хоть и человекоподобный. Он обязан подчиняться приказам.

Но Дэниел, не двинувшись с места, сказал:

— Я вынужден сослаться на то, что моя первая обязанность — не причинять вреда вам. Из моих инструкций и личного опыта следует, что находиться в открытом пространстве для вас вредно. Поэтому я не могу исполнить ваше приказание.

Бейли почувствовал, как кровь бросилась ему

в лицо, и в то же время понял, что сердиться бесполезно. Да, Дэниел робот, а Бейли хорошо знал Первый Закон Роботехники. Тот гласил: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

Мозг позитронного робота, из какого бы мира робот ни происходил, целиком подчиняется этой основополагающей формуле. Робот, разумеется, обязан выполнять приказы, но лишь при одном первостепенном условии. Подчинение приказам — только Второй Закон Роботехники. Он гласит:

«Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону».

Бейли заставил себя говорить спокойно и рассудительно.

— Мне кажется, я мог бы немного выдержать, Дэниел.

— Мне так не кажется, партнер Элайдж.

— Позвольте мне судить самому, Дэниел.

— Если это приказ, партнер Элайдж, я не могу ему подчиниться.

Бейли снова откинулся на спинку мягкого сиденья. О том, чтобы применить силу, и речи быть не могло. Дэниел раз в сто сильнее человека из

плоти и крови и вполне способен остановить Бейли, не причинив ему ни малейшего вреда.

Бейли был вооружен и мог бы наставить на Дэниела бластер, но, достигнув минутного превосходства, потерпел бы потом полный провал. Роботу угрожать бесполезно. Закон самосохранения — лишь Третий Закон роботехники, и он гласит: «Робот должен заботиться о своей безопасности постольку, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам».

Дэниел не сможет нарушить Первый Закон даже под угрозой гибели, а Бейли совсем не хотелось уничтожать напарника.

А из машины выглянуть все-таки подмывало. Им словно овладела навязчивая идея. Нельзя допустить, чтобы между ним и Дэниелом утвердились отношения ребенка и няни.

На миг Бейли задумался — не приставить ли бластер к собственному виску. Открой верх, или я убью себя. Противопоставить Первому Закону более грозную опасность.

Но он знал, что не сделает этого — уж слишком подло. Противно было даже представить себе такую картину.

— Пожалуйста, спросите у водителя, сколько миль нам еще осталось ехать, — устало сказал

он.

— Пожалуйста, партнер Элайдж.

Дэниел наклонился и щелкнул рычажком. В это время Бейли тоже наклонился и крикнул:

— Водитель! Опусти верх машины!

Человеческая рука вернула рычажок в прежнее положение и осталась на нем. Бейли, часто дыша, взглянул в глаза Дэниелу.

Тот застыл на миг, словно его электронные извилины не могли сразу оценить новую ситуацию. Впрочем, столбняк миновал, и робот протянул руку к рычажку. Бейли предвидел это. Сейчас Дэниел уберет его руку (осторожно, не причиняя вреда), включит динамик и отменит приказ.

— Вы не сможете убрать мою руку, не повредив ее, — сказал Бейли. — Предупреждаю вас. Вы рискуете сломать мне палец.

Он говорил неправду, и сам это знал, Но Дэниел не стал ничего предпринимать. Вред против вреда. Позитронному мозгу нужно было взвесить оба варианта и перевести их в электрические импульсы, что означало дополнительную задержку.

— Опоздали, — сказал Бейли. Он выиграл. Верх машины скользнул вниз, и салон залил резкий белый свет солярианского солнца.

В первом приступе ужаса Бейли хотел закрыть глаза, но пересилил себя. На него хлынул невероятно огромный, голубовато-зеленый простор. Бейли чувствовал, как лицо обдувает неуправляемый воздух, но ничего не мог толком рассмотреть, Что-то промелькнуло мимо — то ли робот, то ли животное, то ли неодушевленный предмет, подхваченный потоком воздуха. Бейли не заметил — они ехали слишком быстро.

Синева, зелень, воздух, шум, движение — а надо всем яростный, безжалостный, устрашающий лик белого светила.

Бейли откинул голову и уставился прямо на солярианское солнце. Глазами, которые сейчас не защищало рассеивающее стекло верхнего яруса Города, он смотрел на обнаженное солнце.

В тот же миг он почувствовал у себя на плечах руки Дэниела. В смятении Бейли лихорадочно твердил себе: надо смотреть! Надо увидеть все, что можно. А Дэниел, похоже, собирался ему помешать.

Но не посмеет же робот остановить человека силой! Эта мысль преобладала над прочими. Дэниел не может помешать ему — и все же руки Дэниела тянут вниз.

Бейли попытался вырваться из стальных объя-

тий и потерял сознание.

Глава третья
Имя произносится

Когда он пришел в себя, он снова был в укрытии, в безопасности. Перед глазами плясало лицо Дэниела, все в черных мушках — а когда Бейли моргал, они становились красными.

— Что случилось? — сказал Бейли.

— Я сожалею, — сказал Дэниел, — что вы пострадали, несмотря на мое присутствие, Прямые лучи солнца вредны для человеческого зрения, но я надеюсь, что короткое облучение, которому вы подверглись, не причинило вам большого вреда и ваше недомогание вскоре пройдет. Когда верх открылся, я был вынужден вернуть вас на место, и вы потеряли сознание.

Бейли скорчил гримасу. Оставалось неясным — то ли он лишился чувств от волнения (или страха), то ли его оглушили. Пощупав челюсть и лоб, Бейли убедился, что боли нет, но воздержался от прямого вопроса — ему как-то не очень хотелось знать правду.

— Это было не так уж и страшно, — сказал он.

— По вашей реакции, партнер Элайдж, я скло-

нен был думать, что вы испытали неприятные ощущения.

— Вовсе нет, — заупрямился Бейли. Мушки перед глазами припадали, и глаза уже не так слезились. — Жаль только, что так мало удалось рассмотреть. Мы слишком быстро едем. Проехали мы робота или мне показалось?

— Мы проехали нескольких роботов. Мы едем по землям Кинбальда, занятым под фруктовые сады.

— Придется попробовать еще раз.

— Пока я рядом, у вас ничего не получится. Кстати, я выполнил ваше распоряжение.

— Распоряжение?

— Если вы помните, партнер Элайдж, перед тем, как приказать водителю опустить верх, вы велели мне узнать у него, сколько миль нам осталось ехать. Десять миль, и мы будем на месте минут через шесть.

Бейли хотел было спросить Дэниела, не сердится ли тот, что партнер перехитрил его — вот бы посмотреть, как это совершенное лицо лишится своего совершенства, — но удержался. Дэниел, конечно, ответит просто «нет», без гнева и раздражения. Останется таким же спокойным и серьезным, как всегда — его безмятежность

ничем не проймешь.

— Все равно мне придется привыкать, Дэниел, — сами знаете.

— К чему относятся ваши слова? — спросил робот.

— Иосафат! Да все к нему же, к свежему воздуху. Из него ведь состоит вся планета.

— Вам не придется выходить на открытый воздух, — сказал Дэниел и, как будто этим было все сказано, продолжал: — Машина замедляет ход, партнер Элайдж. Полагаю, мы прибыли. Теперь нужно будет подождать, пока протянут рукав к помещению, которое будет служить нам штаб-квартирой.

— Не нужно рукава, Дэниел. Если мне придется работать снаружи, незачем откладывать обучение.

— Вам не придется работать снаружи, партнер Элайдж. — Робот хотел продолжить, но Бейли отмахнулся. Он сейчас был не в настроении выслушивать утешения Дэниела и заверения, что все будет хорошо и о нем позаботятся.

Чего ему недоставало, так это искренней убежденности в том, что он сможет сам позаботиться о себе и выполнить свою задачу. Вид и ощущение открытого пространства трудно было вынести.

Может случиться так, что, когда придет время, Бейли не хватит смелости. Ему это будет стоить самоуважения, а Земле — шанса на выживание. И все из-за какого-то пустого пространства.

Бейли стиснул зубы. Снова выйти на воздух, на солнце, в пустоту!

Элайдж Бейли чувствовал себя жителем какого-нибудь небольшого Города, вроде Хельсинки, который приехал в Нью-Йорк и с трепетом считает его горизонты. Со слов Дэниела он успел составить впечатление об ожидавшем его «помещении», однако действительность опрокинула все предположения. Он шел по бесконечным комнатам. Панорамные окна были старательно зашторены, так что внутрь не проникал ни единый отблеск тревожного дневного света. Скрытые светильники бесшумно загорались, когда Бейли с Дэниелом входили в комнату, и так же тихо гасли, когда они выходили.

— До чего много комнат, — удивился Бейли, — до чего много. Прямо как маленький городок, Дэниел.

— Да, может показаться и так, партнер Элайдж, — хладнокровно отвечал робот.

На взгляд землянина, это было странно. Зачем селить его по соседству со столькими космонита-

ми? Он спросил:

— А сколько еще человек будет здесь жить?

— Здесь, конечно, буду жить я — и некоторое количество роботов.

Следовало бы сказать — других роботов, подумал Бейли. Лишний раз подтвердилось, что Дэниел намерен изображать человека — даже когда нет другой публики, кроме Бейли, который слишком хорошо знает правду. Но ему надо было выяснить другое:

— Роботов? А человек сколько?

— Ни одного, партнер Элайдж.

Они только что вошли в комнату, где от пола до потолка тянулись полки с книгофильмами. В трех углах комнаты стояли проекторы с большими вертикальными 24-дюймовыми экранами, в четвертом углу висел киноэкран, Бейли раздраженно спросил:

— Неужели всех выгнали, чтобы я в одиночестве слонялся по этому мавзолею?

— Помещение предназначено для вас одного. Подобные жилища приняты на Солярии повсеместно.

— Тут все так живут?

— Все.

— А зачем им столько комнат?

— Здесь принято посвящать каждую комнату определенной цели. Вот это — библиотека. Имеются также музыкальная комната, гимнастический зал, кухня, кондитерская, столовая, мастерская, различные помещения для ремонта и испытания роботов, две спальни…

— Стоп! Откуда вы это знаете?

— Это входит в массив информации, полученной мною на Авроре.

— Иосафат! Кто же следит за порядком? — Бейли сделал широкий жест рукой.

— Группа домашних роботов. Они приставлены к вам и позаботятся о том, чтобы вам было удобно.

— Но мне не нужно столько, — сказал Бейли. Ему захотелось сесть и больше не двигаться с места. Довольно с него этих комнат.

— Мы можем ограничиться одной комнатой, если пожелаете. Такая возможность предусматривалась заранее. Однако, принимая во внимание солярианские обычаи, сочли разумным все же построить этот дом.

— Построить?! — вытаращил глаза Бейли, — Вы хотите сказать, его построили ради меня одного? Вот это все? Специально?

— Полностью роботизированная экономика…

— Знаю, знаю. А что сделают с домом, когда я уеду?

— Скорее всего, снесут.

Бейли сжал губы. Снесут! Ну конечно. Сначала строят громадное здание для одного-единственного землянина, а потом уничтожают все, к чему он прикасался. Стерилизуют почву, на которой стоял дом! Дезинфицируют воздух, которым дышал землянин! При всем могуществе космонитов и у них есть свои смешные слабости.

То ли Дэниел прочел мысли партнера, то ли правильно истолковал выражение его лица, но он сказал:

— Вам может показаться, партнер Элайдж, что дом будет снесен из-за боязни инфекции. Если так, советую вам воздержаться от отрицательных эмоций по этому поводу. Страх космонитов перед заболеваниями не доходит до такой степени. Постройка дома просто не представляет для них никакой трудности. Не принимаются во внимание и затраты по его сносу. По закону, партнер Элайдж, этот дом просто невозможно сохранить. Он находится в поместье Хенниса Грюера, а в каждом поместье закон допускает только одно жилище, принадлежащее его владельцу. Этот дом выстроен по особому распоряжению, для

особого случая. Он предназначен для нашего проживания в течение определенного времени, пока мы не завершим свою миссию.

— А кто такой Хеннис Грюер?

— Глава солярианской Службы Безопасности. Мы скоро увидимся с ним.

— Скоро? Иосафат, Дэниел. Когда же я узнаю хоть что-нибудь? Я работаю в вакууме, и мне это не нравится. С тем же успехом я мог бы вернуться на Землю. С тем же успехом… — Бейли почувствовал, что впадает в истерику, и вовремя остановился.

Дэниел и бровью не повел — просто ждал, когда будет можно вставить слово.

— Сожалею, что вас это так раздражает. Мои знания о Солярии действительно обширнее ваших, но сведения относительно убийства столь же ограничены, как и у вас. Именно агент Грюер должен сообщить все, что нам следует знать. Таково указание солярианского правительства,

— Тогда отправимся к Грюеру. Далеко ехать? — Бейли содрогнулся от мысли о новой поездке и почувствовал знакомую тяжесть в груди.

— Ехать никуда не придется, партнер Элайдж. Агент Грюер будет нас ждать в переговорной комнате.

— И для переговоров есть комната? — пробурчал себе под нос Бейли. Вслух он спросил: — Он уже ждет нас?

— Должно быть, да.

— Тогда пойдемте, Дэниел!

Хеннис Грюер был лыс — абсолютно лыс. На его гладком черепе отсутствовал хотя бы даже намек на волосы.

Бейли сглотнул и попытался, из вежливости, не пялить глаза на голый череп, но у него не получалось. На Земле существовало определенное мнение о космонитах, внедренное самими же космонитами. Космониты бесспорные властители Галактики; космонит должен быть высоким, с бронзовой кожей и такими же волосами, красивым, сильным, спокойным и аристократичным.

Короче, таким, как Р. Дэниел Оливо, но притом человеком.

Космониты, которых присылали на Землю, так и выглядели — возможно, их отбирали специально.

Но вот перед ним космонит, который вполне мог бы сойти за землянина. Он лыс, и нос у него неправильной формы. Не так чтобы очень, но на лице космонита приметна даже легкая асимметрия.

— Добрый день, сэр, — сказал Бейли. — Извините, если заставили ждать. — Вежливость никогда не повредит — ему ведь работать с этими людьми.

У Бейли мелькнула было мысль пересечь комнату, до смешного громадную, и подать Грюеру руку, но он тут же раздумал. Космониту, конечно, не понравится такое приветствие: пожимать руку, на которой полно земных бактерий!

Грюер сидел настолько далеко от Бейли, насколько было возможно, сунув руки в длинные рукава — пожалуй, и с фильтрами в носу, хотя Бейли их не было видно. Инспектору показалось, что Грюер неодобрительно косится на Дэниела, как бы думая: что за странный космонит, стоит так близко к землянину.

Стало быть, Грюер тоже не знает правды. Но тут Бейли заметил, что Дэниел стоит на некотором расстоянии от него — дальше, чем обычно.

Ну конечно! Излишняя близость насторожила бы Грюера. Дэниел должен вести себя, как человек.

Грюер заговорил приветливо и дружелюбно, но не переставая коситься на Дэниела: то отведет глаза, то снова взглянет.

— Нет-нет, вы подошли как раз вовремя. Добро

пожаловать на Солярию, господа. Вы хорошо устроились

— Да, сэр, вполне, — ответил Бейли. Может быть, этикет требовал, чтобы ответил Дэниел, как «космонит»? Но Бейли тут же с негодованием отверг эту мысль. Иосафат! Следствие поручено ему, а Дэниел — всего лишь помощник. Бейли в данном случае не стал бы играть вторую скрипку и при настоящем космоните, а уж о роботе нечего и говорить — даже если робот такой, как Дэниел.

Но Дэниел и не пытался опередить Бейли, а Грюер не выказал удивления или неодобрения — он просто переключил все внимание на Бейли и сказал:

— Вам ничего не говорили, инспектор Бейли, относительно убийства, для расследования которого потребовалась ваша помощь. И вы, должно быть, в недоумении. — Он встряхнул рукавами, откинув их назад, и сложил руки на коленях. — Пожалуйста, присядьте, господа.

Они сели, и Бейли сказал:

— Да, мы испытываем недоумение. — Он отметил, что Грюер без перчаток.

— Это входило в наши намерения, инспектор, — продолжал Грюер. — Было желательно, чтобы вы прибыли сюда со свежей головой, не

делая предвзятых выводов. Вам тотчас же предоставят отчет о преступлении и о мерах, которые мы сумели предпринять. Боюсь, инспектор, что вы, с вашим опытом, сочтете наши действия до смешного непрофессиональными, У нас на Солярии нет полиции.

— Совсем никакой? — спросил Бейли.

Грюер улыбнулся и пожал плечами.

— Видите ли, у нас и преступности нет. Население очень маленькое и разбросано по всей планете. Нет почвы для преступности — нет и полиции.

— Понятно. Однако преступление все-таки произошло.

— Верно — но это первое тяжкое преступление за последние два века.

— И, к несчастью, именно убийство.

— Да, к несчастью. К тому же убит такой человек, потерять которого было крайне нежелательно. Это исключительно тяжелая утрата для всех нас. В высшей степени зверское убийство.

— Относительно личности убийцы, вероятно, нет никаких предположений? (Иначе зачем было выписывать детектива с Земли?)

Грюер явно чувствовал себя неловко. Он снова покосился на Дэниела, который сидел неподвиж-

но и впитывал информацию, как и полагается мыслящей машине. Бейли знал, что Дэниел может в любое время воспроизвести все, что услышит, с любого места, от начала до конца. Записывающее устройство в человеческом облике.

Знал ли о том Грюер? Решительно, он смотрел на Дэниела как-то странно,

— Нет, я бы не сказал, что убийца неизвестен, — ответил солярианин. — В сущности, только один человек имел возможность совершить убийство.

— Вы уверены? Или хотите сказать, что этот человек *подозревается* в убийстве? — Бейли не доверял голословным утверждениям и неодобрительно относился к кабинетной дедукции, которая сразу приходит к неопровержимому выводу вместо того, чтобы подобрать несколько вариантов.

Но Грюер покачал своей лысой головой.

— Нет. Возможность была только у него. Остальные исключаются. Полностью исключаются.

— Полностью?

— Уверяю вас.

— Тогда в чем же проблема?

— Проблема существует. Тот человек тоже не мог совершить преступления.

— Значит, его никто не совершал, — спокойно

заметил Бейли.

— И все же оно совершилось. Рикэн Дельмар убит.

Уже кое-что, подумал Бейли. Иосафат, наконец-то! У меня есть имя убитого.

Он достал свой блокнот и старательно записал это имя — отчасти из ехидного желания подчеркнуть, что наконец получил хоть какой-то факт, отчасти, чтобы не так бросалось в глаза присутствие рядом записывающей машины, которой нет нужды делать заметки.

— Как оно пишется? — спросил он.

Грюер продиктовал ему по буквам.

— Его профессия, сэр?

— Фетолог.

Бейли записал, решив пока не вдаваться в подробности, и спросил:

— Кто бы мог подробно рассказать мне, как произошло убийство? Желательно, чтобы это был очевидец.

Грюер сумрачно усмехнулся и снова мельком взглянул на Дэниела.

— Обратитесь к вдове убитого, инспектор.

— Вдова?

— Да. Ее зовут Глэдия, — Грюер произнес имя по слогам, сделав ударение на втором.

— У них есть дети? — Не получив ответа, Бейли поднял глаза со своего блокнота. — Дети, сэр?

Грюер брезгливо поджал губы, точно попробовал на вкус что-то мерзкое и его затошнило. Потом процедил:

— Вряд ли я смогу вам ответить.

— То есть как?

Грюер поспешно продолжил:

— Во всяком случае, дело вполне терпит до завтра. Я знаю, что вы проделали трудный путь, господин Бейли, вы устали и, должно быть, проголодались.

Бейли хотел было возразить, но обнаружил, что мысль о еде ему необычайно мила.

— Не хотите ли отобедать с нами? — предложил он Грюеру, не думая, что космонит согласится. А все-таки Грюер в последний раз обратился к нему «господин Бейли», а не «инспектор». Уже кое-что.

Грюер, как и следовало ожидать, ответил:

— К сожалению, у меня деловое свидание, и я вынужден вас покинуть.

Бейли встал. Вежливость требовала проводить Грюера до дверей. Но, во-первых, Элайдж вовсе не горел желанием приближаться к входной двери и к тому, что за ней, а во-вторых, не знал, где эта

самая дверь. Грюер улыбнулся и кивнул ему.

— Мы скоро увидимся. Ваши роботы знают комбинацию, по которой можно связаться со мной.

И пропал.

Бейли вскрикнул. Грюер исчез без следа вместе со стулом, на котором сидел. Стена позади и пол под его ногами мгновенно приняли другой вид.

— Его здесь и не было, — спокойно сказал Дэниел. — Трехмерное изображение. Я думал, вы знаете на Земле они ведь тоже существуют.

— Не такие, — пробормотал Бейли. Трехмерное изображение на Земле заключено в куб силового поля, которое мерцает на окружающем фоне, да и само изображение слегка переливается. На Земле его не спутаешь с реальностью. Но здесь…

Неудивительно, что Грюер был без перчаток. Носовые фильтры ему в таком случае тоже ни к чему.

— Не хотите ли поесть, партнер Элайдж? — спросил Дэниел.

За обедом Бейли ждало испытание. Появились роботы. Один накрывал на стол, другой подавал.

— Сколько их тут, Дэниел? — спросил Бейли.

— Около пятидесяти, партнер Элайдж.

— Им обязательно оставаться здесь, пока мы едим? — Один из роботов пристроился в углу,

обратив к Бейли свою блестящую красноглазую физиономию.

— Один обычно остается на случай, если понадобятся его услуги. Если вам не нравится, достаточно приказать — и он уйдет.

— Да пусть его стоит! — пожал плечами Бейли.

В нормальных условиях он счел бы обед превосходным, но сейчас ел машинально. Он рассеянно отметил, что Дэниел тоже ест, поглощая пищу невозмутимо, но старательно. Потом ему, конечно, придется опорожнить фтористоуглеродный пакет, куда попадает «съеденная» пища, но Дэниел честно играл свою роль.

— Сейчас уже ночь? — спросил Бейли.

— Да, — ответил Дэниел.

Бейли мрачно смотрел на свою кровать. Она была слишком просторной, равно как и спальня. Одеял, в которые можно зарыться, не было — одни простыни. Как-то неуютно.

Неуютно и неудобно! Бейли только что скрепя сердце принял душ в кабинке по соседству со спальней. Это, конечно, верх роскоши, но все же негигиенично.

— Как выключается свет? — буркнул он. Изголовье кровати мягко светилось, Должно быть, для просмотра книг перед сном, но у Бейли сейчас не

было настроения.

— Он погаснет, как только вы расположитесь ко сну

— Опять роботы?

— Это их работа.

— Иосафат! Эти соляриане хоть что-нибудь делают сами? Как только робот не пришел потереть мне спину, пока я мылся!

Дэниел сказал без тени юмора:

— Он пришел бы, если бы вы позвали. Что до соляриан, то они поступают, как им удобно. Ни один робот не станет делать то, что ему не приказано, если только это не требуется для блага человека.

— Что ж, спокойной ночи, Дэниел.

— Я буду в другой спальне, партнер Элайдж. Если вам что-нибудь понадобится, то в любое время ночи…

— Знаю. Роботы придут.

— На тумбочке есть кнопка вызова. Нажмите ее — и я приду тоже.

Бейли никак не мог заснуть. Он все представлял себе свой новый дом, который едва держится на внешней оболочке планеты, а рядом затаилось гнусное чудище — пустота.

Его земное жилье — уютная, удобная, тесная

квартирка — находилась в скоплении других жилищ. От поверхности Земли его отделяли десятки горизонтов и тысячи людей.

Но ведь даже и на Земле, внушал себе Бейли, люди живут на самом верхнем горизонте, за которым уже воздух. Да! И потому эти квартиры дешевле всех остальных.

Потом он стал думать о Джесси, которая была за тысячу световых лет от него. Бейли страшно хотелось вылезти сейчас из постели, одеться и пойти к ней. Его мысли путались. Вот был бы туннель, хороший, надежный туннель из крепкого камня и стали, отсюда и до Земли, тогда он шел бы и шел по нему…

Шел бы и шел, и пришел обратно на Землю, к Джесси, где так уютно и безопасно…

Безопасно.

Бейли открыл глаза. Дрожа всем телом, он приподнялся на локте, не совсем соображая, что делает.

Безопасность! Хеннис Грюер возглавляет солярианскую Службу Безопасности. Так сказал Дэниел. Что значит «безопасности»? Если то же, что на Земле, а скорее всего так и есть, то этот Грюер отвечает за охрану Солярии от вторжений извне и переворотов изнутри.

Почему он занимается убийством? Только потому, что на Солярии нет полиции и Служба Безопасности, в принципе, лучше всех должна разбираться в подобных делах?

Грюер, похоже, чувствовал себя свободно с Бейли, но то и дело посматривал на Дэниела. Не потому ли, что питал насчет того определенные подозрения? Если Бейли было приказано смотреть в оба, то и Дэниел вполне мог получить такое же задание.

Со стороны Грюера было бы естественно заподозрить их в шпионаже. Это его работа — подозревать шпионов везде, где только можно. Но Бейли он не слишком опасался — Бейли землянин, представитель самого отсталого мира в Галактике.

Другое дело Дэниел, гражданин Авроры — старейшего, самого крупного и развитого из Внешних Миров.

А ведь Грюер не перемолвился с Дэниелом ни словечком, вспомнил Бейли.

Снова все тот же вопрос; почему Дэниел так старательно притворяется человеком? Первоначальное объяснение этого тщеславной гордостью создателей Дэниела теперь казалось Бейли легковесным. Становилось очевидным, что для такого маскарада были причины посерьезнее.

Человек может пользоваться дипломатическим иммунитетом, рассчитывать на определенную учтивость в обращении. Робот не может. Но почему же тогда Аврора не послала сюда настоящего человека, а предпочла сделать отчаянную ставку на подделку? Ответ напрашивался сам собой. Настоящий аврорианец, настоящий космонит никогда не пошел бы на такое тесное и долгое сотрудничество с землянином.

А если все верно, почему Солярия придает этому убийству такое значение, что допустила к себе и землянина, и аврорианца?

Бейли понял, что попал в капкан.

Его держит в капкане доверенное ему дело. Держит опасность, угрожающая Земле. Окружающая среда, которую он с трудом переносит, ответственность, которой он не может пренебречь. И в довершение всего, он попал в гущу какого-то космонитского конфликта, сути которого не понимает.

Глава четвертая
Женщина появляется

Наконец Бейли уснул. Он не помнил, когда это произошло — просто мысли вдруг смешались, а в следующий момент изголовье его кровати уже светилось, и потолок заливал прохладный, подобный дневному, свет. Бейли посмотрел на часы. Прошло несколько часов, и роботы, которые занимались домом, решили, что хозяину пора вставать.

Интересно, проснулся ли Дэниел, подумал Бейли — и упрекнул себя в отсутствии логики. Дэниел ведь не спит. Разве что для полного сходства с человеком имитирует и сон тоже. Переодевается ли он на ночь?

И тут, как по заказу, появился Дэниел.

— Доброе утро, партнер Элайдж. — Он был полностью одет и выглядел вполне отдохнувшим. — Хорошо спали?

— Да, — сухо ответил Бейли, — а вы? — Он встал с постели и отправился в ванную побриться и проделать прочие утренние процедуры. — Если робот придет меня брить, — крикнул он Дэние-

лу, — отошлите его. Они мне действуют на нервы. Даже когда я их не вижу.

Бреясь, он смотрел на себя в зеркало и немного удивлялся тому, что выглядит так же, как на Земле. Вот если бы в зеркале был другой землянин, с которым можно посоветоваться, а не просто его собственное отражение, Бейли передал бы ему то, что удалось узнать, хотя новостей не густо…

— Маловато! Надо узнать побольше, — сказал он зеркалу, надел чистое белье (роботы обо всем позаботились, чтоб им пусто было), вышел, вытирая лицо, и натянул брюки.

— Дэниел, вы можете ответить мне на пару вопросов?

— Как вам известно, партнер Элайдж, я всегда отвечаю на все вопросы по мере своих знаний.

Или по букве инструкции, подумал Бейли и спросил:

— Почему на Солярии всего двадцать тысяч населения?

— Такую цифру, — сказал Дэниел, — получили путем вычислений.

— Да, но вы уходите от ответа. Планета способна вместить миллионы — почему же только двадцать тысяч? Вы сказали, что соляриане считают эту цифру оптимальной. Почему?

— Таков их образ жизни.

— Вы хотите сказать, что они контролируют рождаемость?

— Да.

— И оставляют планету пустовать? — Бейли сам не знал, почему прицепился именно к населению, но это был один из немногих известных ему фактов — больше особенно не о чем было спрашивать,

— Планета не пустует, — ответил Дэниел. — Она поделена на поместья, и каждым управляет один человек.

— Каждый живет в своем поместье? Двадцать тысяч поместий, и в каждом по солярианину?

— Нет, поместий меньше. В них живут также и жены владельцев.

— А городов нет? — Бейли похолодел.

— Ни одного, партнер Элайдж. Они живут совершенно раздельно и никогда не встречаются друг с другом — только в самых чрезвычайных обстоятельствах.

— Они что, отшельники?

— И да и нет.

— Что это значит?

— Агент Грюер посетил вас вчера, пользуясь видеосвязью. Соляриане наносят друг другу визи-

ты именно так и не иначе.

— Это и к нам относится? От нас тоже ожидают подобного поведения?

— Так здесь принято.

— Как же я буду вести следствие? Если я захочу кого-нибудь повидать…

— Вы можете связаться с любым человеком на планете, не выходя из дома, партнер Элайдж, С этим не будет никаких проблем. Не придется беспокоить себя и покидать помещение. Потому я и говорил по прибытии сюда, что вам нет необходимости привыкать к открытому пространству. И это к лучшему. Иной порядок вещей был бы для вас крайне неудобен.

— Я сам буду судить, что мне удобно, а что нет, — сказал Бейли. — Сегодня первым делом, Дэниел, я свяжусь с Глэдией, вдовой убитого. И если видеоконтакта будет недостаточно, поеду к ней лично. Мне решать.

— Посмотрим, что окажется наиболее приемлемым и осуществимым, — уклончиво сказал Дэниел. — Пойду распоряжусь насчет завтрака.

Глядя в широкую спину робота, Бейли про себя посмеялся. Дэниел Оливо разыгрывает командира. Но если ему велено не давать Бейли узнать больше, чем абсолютно необходимо, то у Бейли

тоже есть свой козырь.

Его партнер — всего лишь Р. Дэниел Оливо. Все, что нужно, — это сказать Грюеру или кому-нибудь еще, что Дэниел робот, а не человек.

А с другой стороны, легенда Дэниела тоже может пригодиться. Козырь не обязательно предъявлять сразу. Иногда он ценнее, когда в рукаве. Поживем — увидим, подумал Бейли и пошел вслед за Дэниелом в столовую.

— Как здесь вызывают на видеосвязь? — спросил инспектор.

— Сейчас устроим, партнер Элайдж, — ответил Дэниел и нажал одну из клавиш вызова. Тут же вошел робот.

И откуда они берутся, подумал Бейли. Когда бродишь по этому безлюдному лабиринту, называемому домом, ни одного робота не видно. Что они, прячутся, когда приближаются люди? Подают друг другу сигнал и убираются с дороги?

А по вызову являются без промедления.

Бейли присмотрелся к вошедшему роботу. Он был гладкий, но не блестящий, а матовый, серого цвета, и только на правом плече выделялось цветовое пятно — маркировка в виде шахматной доски. Белые и желтые клетки (точнее, золотые и серебряные, так блестел металл) располагались

то ли в определенном, то ли в. произвольном порядке.

— Проводи нас в переговорную, — сказал ему Дэниел.

Робот молча поклонился и хотел идти.

— Погоди, бой, — сказал Бейли. — Как тебя зовут? Робот повернулся к Бейли лицом и четко произнес:

— У меня нет имени, господин. Мой серийный номер, — робот указал металлическим пальцем себе на плечо, — АСХ-2745.

Дэниел и Бейли последовали за ним в большую комнату, которую Бейли узнал — вчера здесь сидел на стуле Грюер. Там их ждал другой робот — с бесконечным терпением машины, не знающей, что такое скука. Первый робот поклонился и ушел.

Пока он откланивался, Бейли сравнивал наплечные знаки обоих роботов. Золотые и серебряные квадратики на них располагались по-разному. Шесть на шесть квадратов, составляющих шахматную доску, дают 2*36* различных комбинаций, то есть 70 миллиардов. Более чем достаточно.

— Видно, на все есть свой робот, — сказал Бейли. — Один провожает сюда, другой отвечает

за связь.

— У солярианских роботов очень узкая специализация, партнер Элайдж.

— Понятно почему, раз их так много. — Второй робот, если не считать наплечного знака и каких-то позитронных различий в пористом платино-иридиевом мозгу, был близнецом первого. Бейли спросил его:

— Твой серийный номер?

— АСС-1129, господин.

— Я буду звать тебя просто бой. Я хочу поговорить госпожой Глэдией Дельмар, вдовой Рикэна Дельмара. Дэниел, как узнать ее адрес, чтобы легче было найти?

— Не думаю, что нужна еще какая-то информация, — мягко ответил Дэниел. — Если позволите, я спрошу робота…

— Лучше я сам. Итак, бой, ты знаешь, как вызвать эту даму?

— Да, господин. У меня есть номера всех господ. — Робот не вкладывал гордости в свой ответ — он просто констатировал факт, как если бы сказал: «Я сделан из металла, господин».

— Неудивительно, партнер Элайдж, — вставил Дэниел. — В память следует заложить всего около десяти тысяч номеров, а это немного.

Бейли кивнул.

— А другой Глэдии Дельмар, случайно, нет? Как бы не ошибиться.

— Господин? — недоуменно переспросил робот.

— Я думаю, робот не понял вашего вопроса, — сказал Дэниел, — Мне кажется, на Солярии не встречаются одинаковые имена. Они регистрируются при рождении, и человеку не дают имени, которое в данное время занято другим.

— Что ж — век живи, век учись, — сказал Бейли. — Тогда, бой, скажи мне, что надо делать — дай номер, или как там это называется, и можешь идти.

После заметной паузы робот спросил:

— Господин сам желает произвести вызов?

— Ну да.

Дэниел легонько тронул Бейли за рукав.

— Одну минуту, партнер Элайдж.

— Ну что еще?

— Мне кажется, роботу будет проще. Это его специализация.

— Уж конечно, у него это получится лучше, чем у меня, — буркнул Бейли. — Я могу и напутать. И все же, — Бейли твердо посмотрел на непроницаемого Дэниела, — я предпочитаю сделать вызов

сам. Я здесь приказываю или нет?

— Приказываете вы, партнер Элайдж, и ваши приказы будут выполняться, если позволит Первый Закон. И все же, с вашего разрешения, я хотел бы поделиться с вами тем, что мне известно о солярианских роботах. Роботы здесь специализированы более узко, чем в других мирах. И хотя физически солярианский робот способен на многое, умственно он пригоден для работ того или иного типа. Работа за пределами его специальности требует повышения потенциала, то есть прямой ссылки на один из Трех Законов. И наоборот — невыполнение работы по своей специальности для робота также невозможно без прямой ссылки на один из Законов.

— Ну хорошо — ведь мой прямой приказ приводит в действие Второй Закон, так или нет?

— Верно. Но сопутствующее повышение потенциала вызывает у робота «неприятные ощущения». Это редкий случай; соляриане почти никогда не вмешиваются в повседневную деятельность роботов. Во-первых, никто не захочет исполнять обязанности робота, во-вторых, в этом нет необходимости.

— Вы что, Дэниел, хотите сказать, что робот обижается, если я делаю работу за него?

— Как вам известно, партнер Элайдж, понятие «обида» в том смысле, какой вкладывают в него люди, к роботу неприменимо.

— Что же тогда?

— Насколько я могу судить, то, что испытывает при этом робот, так же отрицательно действует на него, как обида на человека.

— Но я-то не солярианин. Я землянин и не люблю, когда роботы делают что-то за меня.

— Я рекомендовал бы вам принять во внимание, что такое отношение к роботам может быть расценено нашими хозяевами как неуважение, поскольку в подобном обществе должны существовать более или менее твердые установки на то, как следует обращаться с роботами и как не следует. Если мы будем обижать наших хозяев, вряд ли это облегчит нашу задачу.

— Ладно, — сказал Бейли. — Пусть робот делает свое дело.

Хотя он уступил, инцидент принес определенную пользу. Поучительно было узнать, до чего бессовестно роботизировано общество. Если уж роботы существуют, от них так просто не отделаешься, и человек, пожелавший избавиться от них хотя бы на время, обнаруживает, что это ему не удастся.

Прикрыв глаза, Бейли смотрел, как робот идет к стене. Пусть социологи на Земле разбираются и делают свои выводы. Он тоже кое-что выяснил — для себя.

Половина стены скользнула вбок, и открылась контрольная панель, которая была бы впору электростанции обширного городского сектора.

Бейли страдал по своей трубке. Его предупредили, что курение на Солярии — вопиющее нарушение приличий, и даже не позволили взять трубку с собой. Бейли вздохнул. Иногда бывает так приятно стиснуть в зубах чубук и ощутить в руке теплую чашечку.

Робот орудовал быстро, ловко переключая различные реле и подбирая нужные силовые поля.

— Сначала абонента запрашивают, будет ли он отвечать на вызов, — объяснил Дэниел. — Ответ, разумеется, принимает робот. Если абонент на месте и согласен ответить, устанавливается двусторонняя связь.

— Зачем нужна такая сложная техника? Ведь большей частью панели робот совсем не пользуется.

— Я не располагаю полной информацией, партнер Элайдж. Но иногда проводятся групповые сеансы, иногда — сеансы в движении. Эти виды

связи требуют усложненных операций, особенно последний.

— Господа, согласие на сеанс получено, — объявил робот, — Можно начинать, когда вы будете готовы.

— Мы готовы, — проворчал Бейли, и не успел он договорить, как дальняя часть комнаты осветилась. Дэниел спохватился:

— Я забыл предупредить робота, чтобы он затенил изображение открытого пространства, Очень сожалею. Я должен…

— Ничего, — содрогнувшись, сказал Бейли. — Выдержу. Не вмешивайтесь.

Перед ним была ванная, по крайней мере, он так решил. В одном углу помещался, насколько он мог судить, маленький косметический кабинет, и Бейли представил себе, как робот или роботы своими точными движениями создают прическу и макияж, в которых хозяйке не стыдно показаться на люди.

Назначения некоторых предметов он просто не знал — бесполезно было и угадывать. Облицовка стен складывалась в искусный узор, обманывающий глаз, — казалось, что там изображено нечто реальное, но потом становилось ясно, что это только абстракция. Эффект был успокаивающий

и почти гипнотический — так поглощала внимание роспись.

Просторную душевую кабину — Бейли рассудил, что видит именно ее — заслоняла какая-то преграда, но не материальная, — скорее то был видеоэффект: мерцающая непрозрачная стена. В поле зрения никого не было.

Бейли посмотрел на пол: определить, где кончается его комната и начинается другая, было нетрудно, поскольку ясно виднелась черта, за которой менялось освещение. Бейли подошел к этой черте и, на миг замявшись, сунул за нее руку.

Он ничего не почувствовал — как будто опустил руку в одну из несовершенных земных голограмм. Но там он продолжал бы видеть ладонь — может быть, нечетко, с наложившимся на нее изображением, но видел бы, — а здесь она исчезла, точно кисть обрезали по запястье.

А если шагнуть за черту? Наверное, там вообще ничего не видно — сплошная чернота. Мысль о таком надежном укрытии почти радовала.

Но тут послышался голос, Бейли посмотрел вверх и неуклюже отскочил.

Говорила, надо полагать, Глэдия Дельмар. Верхняя часть мерцающей преграды исчезла, и

показалась голова. Голова улыбнулась Бейли.

— Я говорю — здравствуйте, извините, что заставила вас ждать. Я скоро высохну.

У нее было вытянутое лицо, довольно широкое в скулах, которые выступали, когда она улыбалась, И плавно сужавшееся к полным губам и маленькому подбородку. Голова была невысоко от пола — Бейли определил, что рост женщины примерно пять футов два дюйма. Это было нетипично, по крайней мере, на взгляд Бейли — космонитке полагалось быть высокой и статной. И волосы у нее не отливали бронзой — светло-каштановые с желтизной, средней длины. Сейчас они развевались — должно быть, под струей теплого воздуха. Картина получалась весьма приятная.

— Если хотите, мы прервем сеанс и подождем, пока вы… — смутился Бейли.

— Нет-нет. Я почти закончила, и мы вполне можем поговорить. Хеннис Грюер говорил мне, что вы собираетесь меня повидать. Вы ведь прилетели с Земли? — Она буквально пожирала его глазами.

Бейли кивнул и сел.

— А мой партнер — с Авроры.

Она улыбнулась и продолжала смотреть на

Бейли, будто диковинкой был именно он — впрочем, так и есть, подумал Бейли. Подняв руки, она пропускала волосы между пальцев — наверное, чтобы скорей высушить. Руки у нее были тонкие и изящные. Очень привлекательная женщина, подумал Бейли.

Потом в смущении решил, что Джесси бы это не понравилось.

— Нельзя ли, госпожа Дельмар, — заговорил Дэниел, — завесить или поляризовать окно, которое мы видим? Моего партнера беспокоит дневной свет. Возможно, вы слышали, что на Земле…

Молодая женщина (на взгляд Бейли, ей было лет двадцать пять, однако, вздохнул он, наружность космонитов весьма обманчива) приложила ладони к щекам и воскликнула:

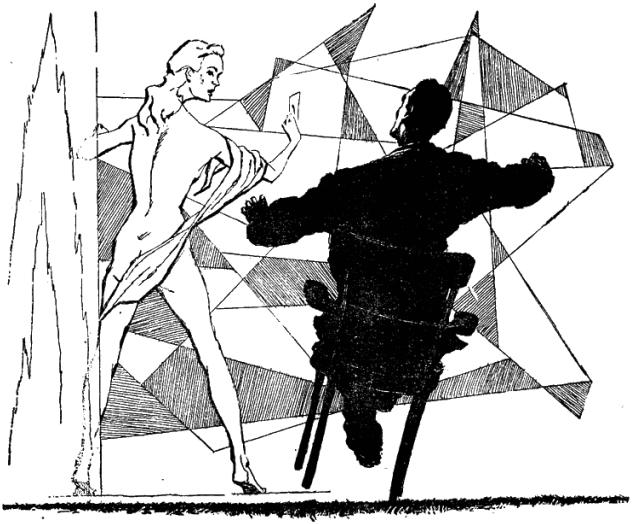
— Ну конечно же! Я знаю. Как смешно и глупо с моей стороны. Простите меня — я сейчас, одну минутку. Здесь рядом робот… — Она вышла из сушилки, чтобы нажать кнопку вызова, продолжая рассуждать: — Я всегда говорила, что в комнате должно быть несколько кнопок. Что это за дом, в котором нельзя достать до кнопки с любого места — она должна быть хотя бы футах в пяти. Просто… В чем дело?

Она уставилась на Бейли, который вскочил, опрокинул свой стул, покраснел до корней волос и поспешно вернулся.

— Не могли бы вы, госпожа Дельмар, — спокойно сказал Дэниел, — вернуться в кабину, когда вызовете робота? Или надеть что-либо на себя, если вам не трудно?

Глэдия удивленно оглядела свою наготу и сказала:

— Ах да, конечно.



Глава пятая
Показания даются

— Ведь это только видеосеанс, понимаете? — с раскаянием говорила Глэдия. Она завернулась в покрывало, оставив открытыми руки и плечи. Одна нога виднелась до половины бедра, но Бейли, который полностью оправился и чувствовал себя полнейшим дураком, стоически переносил это зрелище.

— Все дело в неожиданности, госпожа Дельмар, — сказал он.

— Пожалуйста, зовите меня Глэдия, если это не противоречит вашим обычаям.

— Хорошо, Глэдия. Ничего страшного не случилось. Хочу вас заверить, что ничего отталкивающего в этом не было, понимаете? Просто неожиданно. — Мало того, что я свалял дурака, думал он, так бедная девочка еще сочтет, что на нее смотреть противно. Хотя как раз… как раз…

Он не стал додумывать до конца, но твердо понял, что никогда не сможет рассказать об этом Джесси.

— Я знаю, что оскорбила вас, — сказала Гл-

эдия, — но поверьте, не нарочно, Просто я не подумала. Конечно, я знаю, что надо уважать чужие обычаи, но они бывают такие странные. То есть не то чтобы странные, — торопливо поправилась она, — просто не такие, как у нас и так легко забываются. Например, я забыла затемнить окна.

— Ничего, ничего, — пробормотал Бейли. Глэдия перешла теперь в другую комнату, где все окна были завешены и свет стал иным — более мягким, искусственным.

— Что касается другой моей оплошности, — серьезно продолжала она, — это ведь только видеосеанс, поймите. Вы же не возражали против разговора, когда я была в сушилке и на мне все равно ничего не было.

— Видите ли, — сказал Бейли, желая, чтобы она оставила наконец эту тему, — слышать вас — одно, а видеть — другое.

— Но в том-то и дело. Вы же не меня видите. — Она слегка покраснела и потупила глаза. — Надеюсь, вы не думаете, что я была бы способна вот так выйти из сушилки, если бы кто-то на меня *смотрел.* А по видео…

— Какая же разница?

— Громадная. Вот вы сейчас смотрите на мое

изображение. Вы не можете коснуться меня, не чувствуете моего запаха. Будь вы здесь — тогда конечно, а так я по меньшей мере в двухстах милях от вас. Понимаете?

— Но видеть-то я вас вижу, — возразил Бейли.

— Нет, не меня. Мое изображение. По видео.

— Ну и что?

— В том-то и состоит разница.

— Понял, — сказал Бейли и не солгал. Эту разницу трудно уловить сразу, но своя логика в ней есть.

— В самом деле поняли? — чуть склонив голову набок, спросила Глэдия.

— Да.

— Значит, не будете возражать, если я сниму с себя покрывало? — улыбнулась она.

Дразнится, подумал Бейли — надо бы поймать ее на слове. Но вслух сказал:

— Не отвлекайте меня от работы. Обсудим в другой раз.

— А ничего, что я сижу в нем, или мне одеться более официально? Я серьезно.

— Нет-нет, не надо.

— Можно мне тоже звать вас по имени?

— Если представится случай.

— Как вас зовут?

— Элайдж.

— Хорошо, — Она поудобнее устроилась на стуле, который выглядел твердым и был сделан из какого-то керамического материала, но принимал форму тела Глэдии, как бы обнимая ее.

— Перейдем к делу, — сказал Бейли.

— К делу, — повторила она.

Перейти к делу оказалось невероятно трудно. Бейли не знал даже, с чего начать. На Земле он спросил бы имя, фамилию, класс, Город и сектор проживания — задал бы миллион стандартных вопросов. Ответы он мог при этом и знать, но такое вступление облегчало переход к более серьезной фазе. Так он знакомился с человеком, определяя свою дальнейшую тактику, чтобы не действовать наобум.

Но разве здесь можно хоть на что-то опереться? Даже глагол «видеть» здесь не имеет однозначного смысла, и кто знает, скольких слов это еще касается? Как часто они с Глэдией не будут понимать друг друга, сами о том не ведая?

— Вы давно замужем, Глэдия? — спросил он.

— Десять лет, Элайдж.

— Сколько вам лет?

— Тридцать три.

Бейли почувствовал смутное удовлетворение,

Ей вполне могло быть все сто тридцать три.

— Ваш брак был счастливым? — продолжал он.

— Что вы имеете в виду? — смутилась Глэдия.

Бейли растерялся, Как определить, что такое счастливый брак? И что понимают под счастливым браком соляриане?

— Ну, например… вы часто встречались?

— Что? Хочу надеяться, что нет. Мы не животные, знаете ли.

Бейли вздрогнул.

— Но вы ведь жили в одном доме? Я думал…

— Разумеется, раз мы были женаты. Но у меня свои комнаты, а у него — свои. Он занимался очень важным делом, которое поглощало почти все его время, у меня — своя работа. Мы общались по видео, когда было нужно.

Но вы ведь *виделись*, верно?

— Об этом, как правило, не говорят. Хорошо, мы виделись.

— Есть ли у вас дети?

Глэдия с негодованием вскочила на ноги.

— Это уж слишком. Что за неприличные…

— Ну-ка спокойно. Спокойно! — Бейли стукнул кулаком по ручке кресла. — Не создавайте мне трудностей. Я расследую убийство, понятно вам?

Убийство. Убит ваш муж. Хотите вы, чтобы убийца был обнаружен и понес наказание, или нет?

— Вот и спрашивайте про убийство, а не про…

— Мне приходится задавать самые разные вопросы. Вот, например, я хотел бы знать, принесла вам горе смерть мужа или нет. — И добавил с намеренной грубостью: — Глядя на вас, этого не скажешь.

— Я жалею обо всех, кто умирает, — надменно ответила она, — особенно если человек молод и представляет ценность для общества.

— А то, что он был вашим мужем, не влияет на ваши чувства?

— Он был назначен мне, и мы… да, мы встречались по графику… и… — быстро проговорила она, — если уж вам так нужно знать, у нас не было детей, поскольку их нам еще не предписывали. Не могу понять, какое все это имеет отношение к сожалению о смерти человека.

Может, и не имеет, подумал Бейли. Это зависит от нравов и обычаев, а их-то он и не знает. Он сменил тему.

— Мне говорили, вы можете рассказать, как произошло убийство.

Она вдруг вся напряглась.

— Я нашла тело — так это называется?

— Значит, самого убийства вы не видели?

— О нет, — выдавила она.

— Ну хорошо, расскажите мне, как вы его нашли. Не спешите, рассказывайте своими словами. — Он откинулся на стуле и приготовился слушать.

— На тридцать второй пятой… — начала она.

— Сколько это по стандартному времени? — быстро спросил Бейли.

— Не могу сказать. В самом деле не знаю. Вы сможете выяснить потом.

Голос у нее дрожал, и глаза широко раскрылись. Слишком серые, чтобы назвать их голубыми, решил Бейли.

— Он пришел ко мне, — продолжала Глэдия. — Это был наш день по графику, и я знала, что он придет.

— Он всегда приходил в назначенные дни?

— О да. Он был очень сознательный человек, истинный солярианин. Никогда не пропускал назначенных дней и всегда приходил в одно и то лее время. Подолгу он, разумеется, не оставался, Нам не предписывали де… — Она никак не могла выговорить это слово: и Бейли кивнул. — Как я уже сказала, он всегда приходил в определенное время, чтобы не создавать неудобства. Мы немно-

го разговаривали. Эти встречи — сущее мучение, но ему никогда не изменял такт, — такой был человек. Потом он уходил, чтобы поработать над каким-то своим проектом — не знаю, каким именно. На моей половине у него была специальная лаборатория, где он мог работать в назначенные дни. Была у него, разумеется, и своя лаборатория, гораздо больше этой.

Чем же он занимался в своей лаборатории, подумал Бейли? Скорее всего, фетологией, что бы это ни означало,

— Он не показался вам каким-то необычным? Взволнованным?

— Нет. Нет. Он никогда не волновался, — Она подавила смешок. — Всегда полностью владел собой, как ваш друг. — Она указала на Дэниела, который при этом не шелохнулся.

— Понимаю, Продолжайте, пожалуйста.

— Вы не возражаете, если я немного выпью? — прошептала Глэдия.

— Сделайте одолжение.

Глэдия слегка нажала на подлокотник. Не прошло и минуты, как вошел молчаливый робот и подал ей какой-то теплый напиток (Бейли было видно, как он дымится). Глэдия пригубила его и отставила.

— Вот так будет лучше. А можно задать вам нескромный вопрос?

— Спрашивайте что хотите.

— Знаете, я ведь много читала о Земле. Меня она всегда интересовала. Такой странный мир… извините, я не то хотела сказать.

— Любой мир кажется странным людям, которые в нем не живут, — чуть нахмурился Бейли.

— Вы совсем другие. Я хотела задать вам один вопрос… надеюсь, что вам, как землянину, он не покажется грубым… Солярианяна я никогда бы о таком не спросила. Ни за что.

— Спрашивайте, Глэдия.

— Вот вы и ваш друг — господин Оливо, да?

— Да.

— Это ведь не видео?

— То есть?

— Я говорю о вас двоих. Вы ведь находитесь в одной комнате?

— Да, мы оба здесь.

— И вы могли бы дотронуться до него, если бы захотели.

— Мог бы.

— О-о. — Она окинула их взглядом, в котором читалось — что? Отвращение? Возмущение?

Бейли пришло в голову: а что, если встать,

подойти к Дэниелу и отвесить ему оплеуху? Интересно, как бы она реагировала?

— Вы хотели рассказать о событиях того дня, когда муж пришел навестить вас. — Бейли был уверен, что отступление от темы, сколь оно ни интересно, все же было вызвано именно нежеланием рассказывать дальше.

Глэдия снова пригубила свой напиток.

— Тут особенно нечего рассказывать. Я видела, что он собирается уйти, и знала заранее, что так будет — он всегда занимался какой-нибудь творческой работой. Поэтому я вернулась к своим занятиям. А минут пятнадцать спустя услышала крик.

Она замолчала, и Бейли поторопил ее:

— Какой крик?

— Кричал Рикэн. Мой муж. Слов никаких не было, просто крик — испуганный. Нет! Скорее удивленный, выражающий потрясение. Я раньше никогда не слышала, чтобы он кричал.

Она приложила ладони к ушам, как будто крик все еще звучал в них, и ее покрывало соскользнуло вниз, обнажив тело до талии. Она этого не заметила, а Бейли уставился в блокнот.

— И что вы тогда сделали? — спросил он.

— Побежала. Я не знала, где он…

— Но вы, кажется, сказали, что он пошел в лабораторию на вашей половине.

— Да, Элайдж, но я не знала, где лаборатория. Неточно знала. Я никогда не бывала там — это было его хозяйство. Знала примерно, что она где-то в западном крыле, и так растерялась, что даже не догадалась позвать робота — он бы меня сразу провел туда, но без зова, конечно, ни один прийти не мог. Когда я все-таки добралась туда — нашла кое-как, — Рикэн был мертв.

К сильнейшему замешательству Бейли, она понурила голову и заплакала, ничуть не стесняясь, — просто зажмурилась, а по щекам медленно потекли слезы. Глэдия плакала беззвучно, только плечи немного дрожали.

Потом она открыла глаза и посмотрела на Бейли, не утирая слез.

— Я никогда раньше не видела мертвых. Он был весь в крови, а его голова… Я сумела вызвать робота, он вызвал других, и они, наверно, позаботились обо мне и о Рикэне — я ничего не помню.

— Что значит — позаботились о Рикэне?

— Унесли его и убрали комнату. — В ее голосе прозвучало негодование хозяйки, отвечающей за порядок в доме, — Комната была в ужасном состоянии.

— А что сделали с телом?

— Не знаю — сожгли, должно быть, как всякое мертвое тело.

— Вы не вызывали полицию?

Она ответила непонимающим взглядом, и Бейли вспомнил, что полиции-то нет.

— Но к кому-то ведь вы обращались. Иначе как об этом узнали?

Роботы вызвали доктора, А мне пришлось позвонить Рикэну на работу — сообщить его роботам, что он не вернется.

— Доктора вызвали к вам, не так ли?

Глэдия кивнула и, видимо, только сейчас заметила, что покрывало сползло ей на бедра. Она поправила его, пробормотав с несчастным видом:

— Извините. Извините.

Бейли неловко было смотреть, как она сидит там такая беспомощная, дрожащая, с лицом, искаженным ужасом недавнего воспоминания.

Она никогда раньше не видела мертвых. Не видела крови и проломленных черепов. Пусть супружеские отношения на Солярии довольно прохладны, ей все-таки пришлось столкнуться со смертью человека.

Бейли сам не знал, что надо говорить или делать

дальше. Ему хотелось извиниться и отпустить ее — но ведь он полицейский при исполнении служебных обязанностей.

С другой стороны, в этом мире нет полиции. Понимает ли она, что входит в его обязанности?

Медленно и со всей доступной ему мягкостью он спросил:

— Глэдия, вы ничего больше не слышали? Ничего, кроме крика вашего мужа?

Она подняла глаза, все такая же красивая, несмотря на слезы — а может быть, даже красивее — и сказала:

— Ничего.

— Никто не убегал? Не было других голосов?

— Нет, я ничего не слышала.

— Когда вы нашли тело мужа, он был совершенно один? Присутствовали только вы двое?

— Да.

— Никаких следов чужого присутствия?

— Я не заметила. Там в любом случае не могло никого быть.

— Почему вы так думаете?

Вопрос ее, видимо, шокировал, потом она сказала уныло:

— Я все забываю, что вы с Земли, Там не могло никого быть. Мой муж не виделся ни с кем, кроме

меня, с самого детства. Рикэн был не тот человек, чтобы с кем-то встречаться. Он очень строго соблюдал все правила.

— Может быть, это произошло помимо его воли. Ведь мог же кто-то явиться без приглашения, без ведома вашего мужа? И он вынужден был встретиться с этим человеком, как бы строго ни соблюдал правила.

— Он тут же вызвал бы роботов и приказал им прогнать пришельца. Он бы обязательно так поступил! Да никто бы и не стал являться к мужу без приглашения. У меня это просто в голове не укладывается. Рикэн никого бы к себе не пригласил — смешно далее думать об этом.

— Ваш муж убит ударом по голове, правда? — мягко спросил Бейли. — Вы ведь не станете этого отрицать.

— Кажется, да, Он был весь…

— Не будем вдаваться в подробности. Было ли в комнате какое-либо механическое устройство, которым можно было разбить ему голову с помощью дистанционного управления?

— Конечно, нет. Я, по крайней мере, не видела.

— Думаю, вы бы заметили, будь там что-нибудь подобное. Отсюда следует, что существовала рука, а в ней имелся предмет, способный сокрушить

мужской череп — и эта рука опустилась. Значит, кто-то должен был находиться в четырех футах от вашего мужа. И кто-то все-таки его посетил.

— Никто не мог этого сделать, — серьезно сказала Глэдия. — Ни один солярианин.

— Солярианин, способный на убийство, не остановился бы и перед личным визитом, вам не кажется?

Впрочем, как сказать, подумал про себя Бейли. На Земле он знал одного хладнокровного убийцу, которого схватили только потому, что он не смог нарушить неписаный закон, требующий соблюдения полной тишины в общественном туалете.

— Вы не понимаете, — покачала головой Глэдия. — Для землян личное общение в порядке вещей, поэтому вам не понять... — Похоже, ее разбирало любопытство — даже глаза немного оживились. — Вам ведь это кажется вполне нормальным, правда?

— Я всегда воспринимал такое общение как должное.

— И оно вас не беспокоит?

— Нет, с чего бы?

— В фильмах этого не показывают, а я всегда хотела знать... ничего, если я спрошу?

— Спрашивайте, — флегматично ответил Бей-

ли.

— Вам назначена жена?

— Я женат. Назначениями у нас не занимаются.

— И вы встречаетесь с женой, когда хотите, и не видите в том ничего особенного?

Бейли кивнул.

— А вот когда вместе, если вы захотите… — она приподняла руки в локтях, словно подыскивала нужные слова. — Вы можете… в любое время… — она не решалась, а Бейли не делал попытки ей помочь. — Да нет, ничего. И зачем только я пристаю к вам? Вы все узнали, что хотели? — Вид у нее был такой, будто она вот-вот расплачется снова.

— Еще одно, Глэдия. Забудьте, что никто не мог посетить вашего мужа. Предположим, кто-то все-таки его посетил. Кто это мог быть?

— Угадывать бесполезно. Никто.

— Нет, вы не правы. Агент Грюер говорил, что они кого-то подозревают. Значит, кто-то должен быть.

Глэдия невесело улыбнулась уголком рта.

— Я знаю, кого он имеет в виду.

— Да? Кого же?

Она приложила свою маленькую руку к груди.

— Меня.

Глава шестая
Гипотеза отвергается

— Я бы сказал, партнер Элайдж, — заговорил вдруг Дэниел, — что подобный вывод напрашивается сам собой.

— Почему? — удивленно спросил Бейли.

— Дама утверждает, — сказал Дэниел, — что была единственной, с кем встречался или согласился бы встретиться ее муж. Солярианские нравы не допускают иной вероятности. Агент Грюер должен был прийти к разумному и даже неизбежному выводу, что солярианин мог встречаться только со своей женой. А если рядом мог находиться лишь один человек, только он способен нанести удар и только он — вернее, она — могла быть убийцей. Агент Грюер, как вы помните, сказал, что у него на примете один-единственный человек. Другой возможности он не видел. Итак?

— Он сказал также, — заметил Бейли. — что тот человек тоже не мог этого сделать.

— Он, должно быть, подразумевал, что на месте преступления не нашли орудия убийства. Воз-

можно, госпожа Дельмар могла бы разрешить эту загадку? — Дэниел учтиво обернулся к Глэдии, которая все еще сидела в кадре, опустив глаза и плотно сжав губки.

Иосафат, подумал Бейли, про леди-то мы и позабыли — а все потому, что я не в себе. Его выводил из терпения Дэниел, подходивший ко всему без эмоций, и будоражил собственные чувства. Бейли не стал углубляться в свои ощущения и сказал:

— На сегодня все, Глэдия. Как там у вас прекращайся связь? До свидания.

— Обычно говорят «сеанс окончен», но «до свидания» мне нравится больше. Вы, кажется, огорчены, Элайдж. Не надо — я уже привыкла к тому, что все считают, будто преступление совершила я, так что не огорчайтесь.

— А вы не совершали его, Глэдия?

— Нет, — сердито ответила она.

— В таком случае, до свидания.

Сердитая Глэдия исчезла, но Бейли некоторое время чувствовал на себе взгляд ее необыкновенных серых глаз. Хотя она и сказала, что привыкла к разговорам, то была явная ложь — ее гнев говорил об этом яснее всяких слов. Интересно, на какую еще ложь она способна?

Оставшись наедине с Дэниелом, Бейли сказал:

— Дэниел, не такой уж я дурак.

— Никогда не считал вас дураком, партнер Элайдж.

— Тогда скажите — с чего вы взяли, что на месте преступления не нашли оружия? Таких показаний никто не давал — я не слышал ничего, что позволило бы прийти к такому выводу,

— Вы правы. Я получил дополнительную информацию, которая вам пока неизвестна.

— Я так и знал. Что за информация?

— Агент Грюер сказал, что пришлет нам отчет о расследовании. Этот отчет у меня — он прибыл утром.

— Почему вы не показали его мне?

— Я посчитал, что ваше расследование будет более продуктивным, если вы, хотя бы на первых порах, будете вести его по своему усмотрению, не опираясь на выводы других, которые, по собственному их признанию, не достигли удовлетворительных результатов. Я сознавал, что на мой собственный логический процесс упомянутые выводы повлияли, отчего и не принимал участия в разговоре.

Логический процесс! Бейли неожиданно припомнил свою беседу с одним роботехником — тот сказал, что робот руководствуется логикой, но не

здравым смыслом.

— Однако под конец вы включились, — заметил он

— Да, партнер Элайдж, но только потому, что получил информацию, подтверждающую подозрения агента Грюера,

— Какую именно?

— Она была заложена в поведении госпожи Дельмар.

— Уточните, пожалуйста, Дэниел.

— Согласитесь: если бы эта дама была виновна и пыталась обелить себя, она прежде всего постаралась бы убедить в своей невиновности следователя.

— И что же?

— Если бы она смогла сыграть на слабостях следователя, она бы сделала это, не так ли?

— Весьма гипотетично.

— Вовсе нет, — спокойно возразил Дэниел. — Думаю, вы заметили, что она полностью сосредоточилась на вас.

— Потому что говорил с ней я.

— Она обращалась к вам одному в самом начале встречи, когда еще не догадывалась, что говорить с ней будете вы. По логике, она скорее могла бы ожидать, что следствие буду вести я, аврорианец.

И все же обращалась к вам.

— Что же отсюда следует?

— То, что сна возложила свои надежды на вас, как на землянина, партнер Элайдж.

— Почему на меня?

— Она изучила все, что касается Земли — сама несколько раз упомянула об этом. Она знала, о чем я говорю, когда я попросил закрыть источники дневного освещения в начале нашей беседы. Не выказала удивления или непонимания, какие вполне пристали человеку, незнакомому с земными обычаями.

— Ну-ну?

Если она интересовалась Землей, разумно предположить, что ей известна одна из слабостей землян. Она не могла не знать, что обнаженное тело на Земле — табу, не могла не понимать, как подействует подобное зрелище на землянина.

— Она объяснила, что это видеосеанс…

— Да, объяснила. И вы считаете ее объяснение убедительным? Дважды она показалась в таком виде, который вы должны были счесть неприличным…

— По-вашему, она пыталась меня соблазнить?

— Отвлечь вас от роли объективного следователя. Мне так показалось. И хотя я не могу

реагировать на подобные стимулы, как человек, но по своим инструкциям могу судить, что дама вполне соответствует любым стандартам физической привлекательности. Более того, по вашему поведению я заключил, что вы это понимаете и ее наружность вам приятна. Я сказал бы даже, что госпожа Дельмар действовала верно, если хотела расположить вас в свою пользу.

— Послушайте, — смутился Бейли, — какое бы впечатление она на меня ни произвела, я остаюсь офицером полиции, полностью соблюдающим профессиональную этику. Учтите это. А теперь давайте посмотрим отчет.

Бейли молча прочел отчет, затем вернулся к началу и перечитал с первой строчки.

— Появляется новая деталь, — сказал он. — Робот.

Дэниел кивнул.

— Она не упомянула о нем, — задумчиво заметил Бейли.

— Вы неверно поставили вопрос. Вы спросили ее: была ли она одна, когда обнаружила тело. Вы спросили, не присутствовал ли еще кто-нибудь на месте преступления. Робот же — не «кто-нибудь».

Бейли кивнул. Окажись сам в положении до-

прашиваемого, он вряд ли упомянул бы, что на месте преступления присутствовал, скажем, стол.

— Наверное, надо было спросить, присутствовали ли там роботы. — Черт, откуда ему знать, какие здесь надо задавать вопросы? — Насколько законны показания робота, Дэниел?

— Что вы имеете в виду?

— Может ли робот на Солярии быть свидетелем? Может давать показания?

— Почему вы в этом сомневаетесь?

— Робот — не человек, Дэниел. На Земле он законным свидетелем не считается.

— А след ноги считается, хотя в нем еще меньше человеческого, чем в роботе. Ваша планета нелогично подходит к данному вопросу. На Солярии показания роботов допускаются при условии компетентности последних.

Бейли не стал спорить, оперся подбородком о кулак и снова перебрал в уме все, что касалось того робота.

Охваченная ужасом Глэдия Дельмар, стоя над телом мужа, вызвала роботов. Когда те явились, она лежала без сознания.

Роботы доложили, что нашли ее рядом с мертвым телом. Но там был еще кое-кто — или кое-что:

робот. Этот робот не пришел вместе с остальными — он уже был на месте. И он не принадлежал к домашней обслуге. Ни один из роботов его раньше не видел и не знал его назначения.

Не удалось ничего выяснить и у самого робота: он вышел из строя. Координация движений была нарушена, как, видимо, и функции позитронного мозга. Робот не мог дать ни единого правильного ответа и произвести ни единого правильного действия и после тщательного осмотра был признан экспертом-роботехником абсолютно негодным.

Единственными связными словами, которые беспрестанно повторял робот, были: «Ты хочешь убить меня... ты хочешь убить меня... ты хочешь убить меня...»

Никакого орудия, которое могло быть использовано для нанесения смертельного удара, обнаружено не было.

— Сейчас я поем, Дэниел, — сказал вдруг Бейли, — а потом мы снова поговорим с агентом Грюером — по видео, само собой.

Хеннис Грюер, когда Бейли связался с ним, еще сидел за столом. Он ел медленно, тщательно отбирая кушанья с разных блюд и внимательно всматриваясь в каждый кусок, будто в поисках нового, лучшего сочетания.

Ему, наверно, лет двести, подумал Бейли. Уже устал от еды.

— Приветствую, господа, — сказал Грюер. — Вы, должно быть, получили наш отчет, — И, блеснув лысиной, перегнулся через стол положить себе что-то на тарелку.

— Да. А также имели интересную беседу с госпожой Дельмар.

— Хорошо. И к какому же выводу вы пришли — если пришли?

— Я сделал вывод, что она невиновна, сэр, — ответил Бейли.

Грюер метнул на него цепкий взгляд.

— Вот как?

Бейли кивнул.

— Но ведь она единственная могла с ним встречаться, единственная была рядом…

— Это я уяснил. Но как бы ни были строги солярианские нравы, сей факт не является решающим. Если позволите, я объясню.

— Разумеется, — и Грюер вернулся к своему обеду.

— У каждого убийства есть три «кита», одинаково важные; мотив, средство и возможность. Чтобы обвинение было прочным, должны быть обоснованы все три пункта. Согласен с вами в

том, что возможность у госпожи Дельмар была. Но о мотиве я пока ничего не слышал.

— Нам он тоже неизвестен, — пожал плечами Грюер, бросив взгляд в сторону молчаливого Дэниела.

— Хорошо. У подозреваемой нет мотива, но предположим, что у нее мания убийства. Допустим это и будем рассуждать дальше, Итак, она приходит к мужу в лабораторию и по какой-то причине вдруг собирается его убить. Она замахивается — скажем, дубинкой или другим тяжелым предметом, и Дельмар осознает, что жена не шутит. В страхе он восклицает: «Ты хочешь убить меня!» Он стремится убежать, и тут ему на затылок обрушивается удар. Кстати, доктор осматривал труп?

— И да и нет. Роботы вызвали доктора к госпоже Дельмар, и он заодно осмотрел труп.

— В отчете об этом не упоминается.

— О подобной мелочи вряд ли стоило упоминать, Человек умер, и, когда доктор приступил к видеоосмотру: покойный был уже раздет, обмыт и подготовлен для кремации обычным порядком.

— Другими словами, роботы уничтожили все улики, — раздраженно сказал Бейли. — Вы сказали, это был видеоосмотр? Доктор не осматривал

труп лично?

— Великий Космос! Ну и мысли у вас! Я уверен, что доктор осмотрел труп в разных ракурсах и крупным планом. Врачи не могут иногда не контактировать с пациентами, но контакт с трупом у меня даже я голове не укладывается. Медицина — грязное занятие, но даже врачи должны где-то провести черту.

— Ну хорошо — я, собственно, хотел узнать вот что: говорил ли доктор что-нибудь относительно раны?

— Я понял, куда вы клоните. Полагаете, что удар был слишком сильным для женщины?

— Женщины слабее мужчин, сэр. Тем более если женщина такая маленькая, как госпожа Дельмар.

— Но слабенькой ее не назовешь, инспектор. Будь у нее подходящее оружие, сила тяжести и принцип рычага сделали бы полдела. И потом, женщина, когда она в бешенстве, способна на самые поразительные вещи.

— Вы упомянули об оружии, — пожал плечами Бейли. — Где оно?

Грюер протянул руку к пустому стакану. В поле зрения появился робот и наполнил стакан бесцветной жидкостью — может быть, водой.

Грюер взял стакан и вновь поставил, будто раздумал пить.

— В отчете сказано — мы не смогли его обнаружить.

— Я знаю, что сказано в отчете. Хотел только удостовериться кое в чем. Оружие искали?

— Искали, и очень старательно.

— Вы лично?

— Нет, роботы, но под моим непрестанным наблюдением. Мы не смогли обнаружить ничего, что сошло бы за орудие убийства.

— Это свидетельствует в пользу госпожи Дельмар, не так ли?

— Да, — спокойно подтвердил Грюер. — Одна из загадок дела. Потому-то мы и не обвинили госпожу Дельмар. По этой причине я и сказал вам, что подозреваемая тоже не могла совершить преступления, Следовало, наверно, сказать — видимо, не могла.

— Видимо?

— Должно быть, она как-то избавилась от оружия. Просто мы пока не догадались как.

— Вы рассмотрели все варианты? — строго спросил Бейли.

— Думаю, да.

— Давайте проверим. Человек убит ударом

по голове, и оружия на месте преступления не обнаружено. Единственное, что можно здесь предположить, — что его унесли. Рикэн Дельмар отпадает — он был мертв. Могла ли унести оружие госпожа Дельмар?

— Разумеется.

— Каким образом? Когда пришли роботы, она лежала на полу без сознания. Она могла притворяться — но была там. Сколько времени прошло с момента убийства до прихода первого робота?

— Нам неизвестно, во сколько точно было совершено убийство.

— Я читал отчет, сэр. Один из роботов показал, что слышал шум и крик, причем кричал доктор Дельмар. Очевидно, этот робот был ближе всех к месту убийства. Сигнал вызова зажегся через пять минут, и роботу, должно быть, понадобилось меньше минуты, чтобы явиться в лабораторию. — Бейли вспомнилось, как молниеносно являются роботы по вызову. — За пять минут, пусть даже за десять, куда могла госпожа Дельмар унести оружие; чтобы вовремя вернуться и симулировать обморок?

— Она могла уничтожить его в мусоросжигателе.

— Судя по отчету, мусоросжигатель тоже ис-

следовали, и гамма-анализ осадка показал, что за последние сутки там не уничтожалось никаких крупных предметов.

— Знаю. Я просто приважу примеры возможных вариантов.

— Да, но существует одно очень простое объяснение. Полагаю, все домашние роботы Дельмаров были обследованы и допрошены?

— О да.

— Они были в нормальном состоянии?

— Да.

— Не мог ли один из них унести оружие, не понимая, что несет?

— Никто из них ничего не уносил с места преступления. И ничего не трогал.

— Неужели? А кто тогда подготовил тело для кремации?

— Это не в счет. Таков обычный порядок.

— Иосафат! — промолвил Бейли, с трудом сохраняя спокойствие. — Теперь предположим, что на месте преступления был кто-то еще.

— Это невозможно. Как мог кто-либо вторгнуться к доктору Дельмару?

— Предположим! — крикнул Бейли. — Роботам ведь и в голову не пришло, что там мог быть посторонний. Не думаю, чтобы они сразу же

обыскали местность вокруг дома. В отчете об этом не говорится.

— Никакого обыска не производилось, пока мы не начали искать оружие, но до тех пор прошло порядочно времени.

— И вокруг дома не искали следов наземного или воздушного транспорта?

— Нет.

— Значит, если бы кто-то имел дерзость вторгнуться, как вы говорите, к доктору Дельмару, этот кто-то мог убить его, а потом преспокойно уйти. Никто бы его не остановил и даже не заметил. Вдобавок, убийца пребывал бы в уверенности, что все сочтут подобный визит невозможным.

— Так и есть — он невозможен.

— Еще одно, — сказал Бейли. — Только одно. Тут замешан робот. Он присутствовал на месте преступления.

— Робот не присутствовал на месте преступления, — в первый раз заговорил Дэниел. — Иначе ничего бы не произошло.

Бейли резко обернулся к коллеге, а Грюер, который снова поднял свой стакан, поставил его на место.

— Разве не так? — спросил Дэниел.

— Да, верно, — подтвердил Грюер. — Робот не

позволил бы человеку причинить вред другому человеку. Первый Закон.

— Ладно, — сказал Бейли. — Согласен. Но он должен был находиться поблизости, раз был уже на месте, когда пришли остальные роботы. Допустим, он был в соседней комнате. Убийца приближается к Дельмару, тот кричит; «Ты хочешь убить меня», Домашние роботы этих слов не слышали — слышали только крик, потому и не являлись без вызова. Но тот робот слышал — и пришел незваный, повинуясь Первому Закону. И опоздал. Возможно, он видел, как произошло убийство.

— Последнюю стадию он мог наблюдать, — согласился Грюер. — Потому и вышел из строя. Видеть, как человеку наносят вред, и не помешать — грубое нарушение Первого Закона, а от этого позитронный мозг в большей или меньшей степени расстраивается. В данном случае степень расстройства была особенно велика. — Грюер вертел в пальцах свой стакан с водой, не сводя с него глаз.

— Значит, робот был свидетелем убийства. Его допрашивали?

— А что толку? Он же вышел из строя. Знай твердил себе: «Ты хочешь убить меня». Мне кажется,

вы верно восстановили картину преступления. Скорее всего, это были последние слова Дельмара, отпечатавшиеся в сознании робота, который затем полностью разладился.

— Но мне сказали, что Солярия специализируется на роботах. Неужели свидетеля никак нельзя было починить? Залатать его схемы?

— Нельзя, — отрезал Грюер.

— А где этот робот теперь?

— Его сдали в утиль.

— Странно получается, — поднял брови Бейли, — Ни мотива, ни орудия, ни свидетелей, ни улик. А если улики и были, то их уничтожили. У вас только одна подозреваемая, и все, похоже, убеждены в ее виновности; по крайней мере, убеждены в том, что никто другой виновным быть не может. Очевидно, что и вы придерживаетесь этого мнения. В таком случае, я вас спрашиваю: зачем вы посылали за мной?

— Что-то вы разволновались, господин Бейли, — нахмурился Грюер. — Господин Оливо, — обратился он к Дэниелу.

— Да, агент Грюер?

— Вы не прошлись бы по дому проверить, все ли окна закрыты и затемнены? Наверное, на инспектора Бейли влияет открытое пространство.

Бейли крайне удивился. Он хотел было возразить и приказать Дэниелу сидеть на месте, но вовремя уловил отчаяние в голосе Грюера и немую мольбу в его взгляде.

Он промолчал и позволил Дэниелу уйти.

С лица Грюера как будто упала маска, обнажив страх.

— Это оказалось легче, чем я думал, — признался он. — Знаете, я все подыскивал предлог остаться с вами наедине — но даже мечтать не мог, что этот аврорианец согласится выйти просто так, по моей просьбе. Ничего другого в голову не пришло.

— Ну вот мы и одни, — сказал Бейли.

— Я не мог свободно говорить в его присутствии. Этот аврорианец здесь лишь потому, что нам навязали его в придачу к вам. — Грюер подался вперед. — Дело не только в убийстве. Не только в том, кто убийца. На Солярии существуют партии, тайные организации…

— Ну в этом я вам помочь не могу, — опешил Бейли.

— Нет, можете. Поймите! доктор Дельмар был традиционалом. Он верил в добрый старый строй. Но у нас хватает людей, которые стоят за перемены, и Дельмару заткнули рот.

— Кто, госпожа Дельмар?

— Возможно, она послужила орудием. Дело не в ней. Важно, кто за ней стоит.

— Вы уверены в том, что говорите? У вас есть доказательства?

— Только косвенные, к сожалению. Рикэн Дельмар напал на какой-то след, Он уверял меня, что у него доказательства есть, и я ему верил, Я достаточно хорошо его знал — он не дурак и не ребенок. К несчастью, он почти ничего не рассказывал, но это было естественно — он хотел довести свое расследование до конца, прежде чем представить дело властям. И должно быть, до чего-то докопался, иначе его бы не посмели убрать так, а открытую. Дельмар сказал мне только одно: опасность угрожает всему человеческому роду.

Бейли как громом поразило. Он как будто снова услышал Миннима, но на этот раз дело обстояло еще хуже. К нему что, все теперь будут обращаться с бедствиями космического масштаба?

— А почему вы считаете, что я могу вам помочь?

— Потому что вы землянин. Понимаете? У нас, соляриан, нет опыта в подобных делах. Мы, так сказать, не разбираемся в людях. Нас тут слишком мало. Не очень-то приятно говорить вам это,

господин Бейли. Коллеги смеются надо мной, а некоторые сердятся, но у меня определенно есть такое чувство. Мне кажется, что вы, земляне, просто обязаны разбираться в людях гораздо лучше нашего, раз живете такой кучей. Тем более детективы. Так?

Бейли слегка кивнул, но придержал язык.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — продолжал Грюер, — Я не смел говорить с другими о расследовании, которое вел Дельмар, потому что не знал, кто именно замешан в заговоре, а Дельмар не хотел посвящать меня в детали, пока не установит все в точности. Но даже если бы Дельмар добился успеха, что бы мы делали потом? Как следует поступать с враждебными элементами? Я не знаю. Я с самого начала чувствовал, что нам нужен землянин. А когда я услышал, как вы расследовали убийство космонита на Земле, то понял, что нам нужны вы. Я связался с аврорианцами, которые столь тесно сотрудничали с вами в том деле, и через них вышел на правительство Земли. Только своих коллег никак не мог убедить. Но тут случилось убийство, и это был такой шок для всех, что я добился согласия. В тот момент они согласились бы на что угодно. — Грюер помялся и добавил:

— Нелегко просить землянина о помощи, но приходится. Что бы там ни было, помните: беда грозит всему человечеству. И Земле тоже.

Значит, Земле грозит двойная опасность. Нельзя было не верить искреннему отчаянию Грюера.

Но если убийство подоспело так кстати, чтобы помочь Грюеру осуществить то, чего он так добивался, то было ли оно чистой случайностью? Перед Бейли открылись новые пути для размышлений, но он не подал виду.

— Меня прислали сюда помогать, сэр, — сказал он. — И я сделаю все, что в моих силах.

Грюер поднес наконец к губам свой стакан, глядя поверх него на Бейли.

— Хорошо. Пожалуйста, ни слова аврорианцу. В чем бы ни заключалось дело, Аврора может быть в нем замешана. Что-то они слишком заинтересовались. Например, настояли на том, чтобы дать вам в партнеры господина Оливо. Аврора — планета могущественная, пришлось согласиться. Они сказали, что посылают господина Оливо лишь потому, что он уже работал с вами, но может быть и так, что им нужен здесь свой человек, а? — Он отпил из стакана, не спуская глаз с Бейли.

Бейли задумчиво потер костяшками пальцев

щеку.

— Ну если… — Не договорив, он вскочил со стула и бросился к своему собеседнику, забыв, что видит всего лишь изображение. Грюер, выкатив глаза и держась за горло, хрипел:

— Жжет… жжет…

Стакан выпал из его руки, содержимое разлилось по полу. Упал и сам Грюер с искаженным болью лицом.

Глава седьмая
Доктор недоумевает

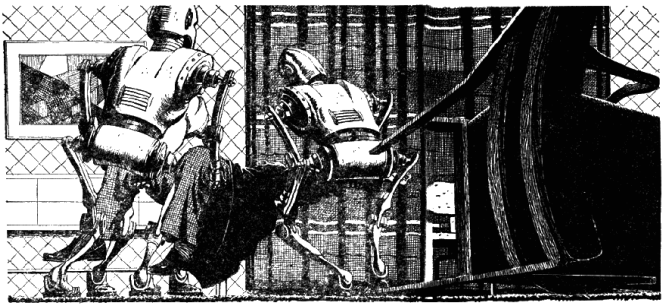
На пороге появился Дэниел.

— Что случилось, партнер Элайдж?

Но все было ясно и без объяснений. Дэниел закричал звенящим голосом:

— Роботы Хенниса Грюера! Вашему хозяину плохо! Роботы!

В столовой тут же появился металлический слуга, а через пару минут к нему присоединилась дюжина других. Трое осторожно подняли и унесли Грюера, остальные принялись наводить порядок и подбирать с пола осколки.



Дэниел крикнул им:

— Слушайте, роботы, — не трогайте осколки! Обыщите дом. Ищите чужого человека. Предупредите всех роботов, работающих в имении. Пусть прочешут каждый акр. Если найдете чужого господина, задержите его. Не причиняйте ему вреда (излишний совет), но не позволяйте уйти, Если не найдете никого, дайте мне знать — я остаюсь на связи.

Когда роботы разошлись, Бейли сказал Дэниелу:

— Начинается. Это, конечно, был яд.

— Да. По-видимому, вы правы, партнер Элайдж. — Дэниел как-то странно, точно у него ослабли колени, опустился на стул. Бейли раньше никогда не замечал за ним таких чисто человеческих черточек.

— Мой механизм не выдерживает подобных испытаний, — сказал Дэниел.

— Вы же ничем не могли ему помочь.

— Я понимаю — и все же чувствую что-то вроде блокировки в мозговых схемах. Так, должно быть, случается с человеком, пережившим шок.

— Что ж, придется себя пересилить. — Бейли не питал никакой жалости к занемогшему роботу. — Надо разобраться, кто приложил к этому руку. Нет яда без отравителя.

— Это могло быть и пищевое отравление.

— Случайное пищевое отравление? В столь чистоплотном мире? Никогда. Кроме того, яд был добавлен в напиток, и симптомы были внезапными, так что сомневаться не приходится. Это был яд, причем большая доза. Вот что, Дэниел, я пойду в другую комнату и все обдумаю. А вы свяжитесь с госпожой Дельмар. Проверьте, дома ли ока, и узнайте, на каком расстоянии ее имение от имения Грюера.

— То есть вы думаете, что она…

Бейли остановил его жестом.

— Просто узнайте, хорошо?

И вышел из комнаты — ему необходимо было остаться одному. Ясно, что два столь тесно связанных по времени преступления в таком обществе, как солярианское, не могли произойти независимо друг от друга. А если между ними есть связь, то напрашивается предположение, что рассказ Грюера о заговоре был правдивым.

Бейли чувствовал, как нарастает в нем знакомое возбуждение. Когда он прибыл сюда, его занимали грозящие Земле бедствия и собственные переживания — убийство казалось чем-то отдаленным. Теперь же началась охота. Бейли стиснул челюсти, и на скулах выступили желваки.

Как-никак убийца или убийцы нанесли удар в его присутствии, и это задело Бейли за живое. Выходит, с ним совсем не считаются? В Бейли взыграла гордость уязвленного профессионала. По крайней мере, теперь можно заняться этим делом, как обычным убийством, не забивая себе голову земными проблемами.

В комнату сначала заглянул, потом вошел Дэниел.

— Я сделал, как вы просили, партнер Элайдж.

Связался с госпожой Дельмар. Она дома. Ее имение более чем в тысяче миль от имения агента Грюера.

— Я сам потом с ней поговорю. Как вы думаете, — задумчиво спросил Бейли, — она имеет отношение к этому преступлению?

— Скорее всего, не прямое, партнер Элайдж.

— Так значит, косвенное?

— Она могла поручить кому-то убить Грюера.

— Кому-то? Но кому?

— Этого я сказать не могу, партнер Элайдж.

— Если кто-то действовал по ее поручению, он должен был присутствовать на месте преступления.

— Да, кто-то должен был там появиться, чтобы отравить напиток.

— Но разве нельзя было отравить напиток заранее? Намного раньше?

— Я думал об этом, партнер Элайдж, — спокойно сказал Дэниел, — потому и воспользовался выражением «скорее всего», говоря о причастности госпожи Дельмар к преступлению. Вполне вероятно, что она побывала у Грюера раньше. Было бы полезно проверить ее передвижения.

— Проверим. И выясним, бывала ли она там вообще. — Бейли скривил губы. Он так и знал, что

когда-нибудь логика подведет робота. Как говорил тот роботехник: логика, лишенная здравого смысла. — Пойдемте обратно в переговорную и посмотрим, что там у Грюера.

Комната Грюера сияла чистотой и свежестью. Никто бы не сказал, что меньше часа назад на полу корчился в агонии человек.

У стены стояло трое роботов в обычной позе почтительного ожидания.

— Что слышно о вашем хозяине? — спросил Бейли.

— У него доктор, господин, — ответил средний робот.

— Доктор лечит его по видео или присутствует лично?

— По видео, господин.

— Что говорит доктор? Хозяин будет жить?

— Пока неизвестно, господин.

— Вы обыскали дом?

— Очень тщательно, господин.

— Не обнаружили постороннего господина?

— Нет, господин.

— Есть какие-нибудь следы недавнего присутствия постороннего?

— Никаких, господин.

— Имение обыскивается?

— Да, господин.

— Есть результаты?

— Нет, господин.

Бейли кивнул и сказал:

— Я хочу поговорить с роботом, который сегодня прислуживал за столом.

— Он на проверке, господин. Функции нарушены.

— Но говорить он может?

— Да, господин.

— Тогда давайте его сюда — немедленно.

Но немедленно не получилось, и Бейли начал раздраженно:

— Я же сказал…

— Солярианские роботы общаются между собой по радио, — вставил Дэниел, — и робот, которого вы хотели видеть, уже вызван. Если он задерживается, то причиной тому неполадки, вызванные недавним происшествием.

Бейли кивнул. О радио он мог бы догадаться и сам. Если этот мир держится на роботах, между ними должна быть какая-то связь, иначе вся система рухнет. Стало понятно, каким образом вслед за вызовом одного робота сразу является дюжина других — но только если в них есть необходимость, и не иначе.

Появился нужный Бейли робот. Он хромал, приволакивая ногу, Что это с ним, подумал Бейли — и пожал плечами. Непосвященному не понять, как проявляются нарушения позитронного мозга даже у примитивных земных роботов. Из-за одной поврежденной схемы могла отказать, как например сейчас, нога. Это о многом говорило роботехнику и ровно ми о чем — дилетанту.

Бейли осторожно начал:

— Помнишь бесцветную жидкость, которую ты наливал хозяину в бокал?

— Да, гофподин, — ответил робот.

Еще и дефект речи!

— Что это была за жидкость?

— Вода гофподин.

— Только вода? Ничего больше?

— Только вода, гофподин.

— Где ты ее взял?

— Из крана в режервуаре, гофподин.

— Ты принес воду сразу или она оставалась какое-то время на кухне?

— Хожяин не любил слифком холодной воды, гофподин. Было отдано пофтоянное рафпоряженис набирать ее за цас до еды.

Очень удобно, подумал Бейли, — для того, кто об этом знал.

— Скажи, чтобы меня связали с доктором, как только он закончит свой осмотр. Тем временем пусть другой робот объяснит, как работает резервуар для воды. Мне нужно знать, как здесь устроено водоснабжение.

Вскоре появился доктор. Это был самый старый космонит из всех виденных Бейли — то есть, по оценке инспектора, доктору, должно быть, перевалило за триста. На руках у него выступили вены, а коротко остриженные волосы совсем побелели. У доктора была привычка постукивать ногтем по краю передних зубов, которая раздражала Бейли. Звали его Алтим Тул.

— К счастью, больного вырвало, — сообщил доктор, — и он освободился от солидной порции яда. Но его жизнь все еще под вопросом. Какая трагедия. — Он тяжело вздохнул.

— Какой это яд, доктор? — спросил Бейли.

— Боюсь, что не знаю. — (Тук-тук-тук.)

— Что? Как же вы его лечите?

— Стимулирую нервно-мышечную систему, чтобы избежать паралича, а в остальном полагаюсь на природу. — На желтом, точно из выделанной кожи высшего качества лице доктора, застыло беспомощное, умоляющее выражение, — У нас очень мало опыта в подобных делах. Не

припомню, чтобы такое случалось за все двести лет моей практики.

Бейли смерил его взглядом.

— Но о том, что существуют яды, вы, надеюсь, слыхали?

— О да. — (Тук-тук.) — Это общеизвестно.

— У вас есть справочные книгофильмы, к которым можно обратиться.

— Это займет много дней. Минеральные яды весьма многочисленны. На Солярии применяются инсектициды, возможно получить и бактериальные токсины. Даже с помощью книгофильмов сборка оборудования и подбор метода анализа затянутся надолго.

— Если никто на Солярии в этом не разбирается, — оборвал его Бейли, — предлагаю вам связаться с другими мирами. А пока что проверьте кран резервуара в имении Грюера. Отправляйтесь туда лично, если нужно, и сделайте это.

Бейли помыкал почтенным космонитом, как роботом, нисколько не заботясь о том, допустимо ли такое поведение — впрочем, и космонит воспринимал подобное обращение с собой как должное.

— Но как можно отравить кран? — засомневался доктор. — Я уверен, что это невозможно.

— Скорей всего, да, — согласился Бейли, — но все же проверьте, чтобы убедиться полностью.

Кран резервуара действительно вряд ли следовало принимать в расчет. Как объяснил Бейли робот, резервуар был типичным для Солярии устройством. Вода поступала в него из ближайшего источника и соответствующим образом очищалась от микроорганизмов и органических веществ. Потом вода подвергалась аэрации и обработке ионами по вкусу хозяина. Маловероятно, чтобы яд прошел незамеченным, не отразившись на показаниях приборов.

Но если удастся исключить резервуар, определится время преступления. Значит, вода могла быть отравлена только в течение того часа, когда кувшин, во исполнение причуды Грюера, отстаивался на кухне (*на воздухе,* с содроганием подумал Бейли).

Доктор Тул озабоченно спрашивал:

— А как мне проверить кран?

— Иосафат! Возьмите какое-нибудь животное и введите ему в вену воду из-под крана — или заставьте выпить. Соображать надо. То же самое проделайте с водой из кувшина и, если она отравлена, а скорее всего, так и есть, сделайте пару анализов по книгофильмам — хотя бы самые

простые. Делайте хоть что-нибудь!

— Погодите, погодите. О каком кувшине вы говорите?

— О том, в котором отстаивалась вода. Из которого робот налил Грюеру отравленную воду.

— Милый вы мой, да эту воду, наверное, давно вылили. Разве слуги допустят такой беспорядок, как неубранный кувшин?

Бейли застонал. Ясно, что не допустят. Попробуй сохрани улики, если роботы так и норовят уничтожить их ради порядка в доме. Надо было приказать им сохранить воду, но этот мир ему чужд, и он все время совершает ошибки.

Иосафат!

Вскоре поступило сообщение, что имение Грюера проверено и никаких следов постороннего присутствия в нем не обнаружено.

— Тайна сгущается, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — У нас не осталось никого на роль отравителя.

Бейли, погруженный в свои мысли, слушал его краем уха.

— Что? Вовсе нет. Вовсе нет. Дело, наоборот, проясняется. — Он не стал объяснять дальше, зная, что Дэниел его не поймет и не поверит в то, что Бейли считал истиной. А Дэниел не просил объяснений — такое вторжение в человеческие мысли роботу не подобает.

Бейли нервничал, сознавая со страхом, что вскоре пора будет ложиться спать, а значит, усилится боязнь открытого пространства и возрастет тоска по Земле. Его обуревало почти лихорадочнее желание действовать, сделать что-нибудь еще.

— Пожалуй, поговорю с госпожой Дельмар, — сказал он Дэниелу. — Скажите роботам, пусть соединят нас.

Они перешли в переговорную, и Бейли стал смотреть, как ловко орудует робот своими железными пальцами. В голове у инспектора толклось

множество мыслей, и вдруг все они пропали: половину комнаты занял стол, изысканно накрытый к обеду.

— Здравствуйте, — сказал голос Глэдии, которая туг же появилась в кадре и села. — Не удивляйтесь, Элайдж. Просто сейчас время обеда, и я соответственно переоделась. Видите?

Так и есть. Она была в светло-голубом платье до щиколоток, с длинными рукавами. Шею облегал желтый рюш, чуть светлее ее волос, теперь тщательно уложенных.

— Я не хотел вам мешать, — сказал Бейли.

— Я еще не начинала. Может быть, отобедаете со мной?

— Как так? — насторожился Бейли.

— Какие вы, земляне, смешные, — засмеялась она. — Не собственной персоной, конечно. Как это было бы возможно? Просто идите в свою столовую, и там вы и тот, другой, сможете пообедать со мной.

— Но если я уйду…

— Ваш робот будет поддерживать связь.

Дэниел утвердительно кивнул, и Бейли, все еще нерешительно, направился к двери. Глэдия вместе с накрытым столом двинулась вслед за ним.

— Видите? — ободряюще улыбнулась она. —

Ваш связист держит контакт.

Бейли и Дэниел поднялись по движущемуся полотну — Бейли не помнил, что пользовался им раньше. Видимо, в этом немыслимом жилище между комнатами были разные ходы и выходы; Бейли, в отличие, разумеется, от Дэниела, знал о существовании лишь некоторых из них.

Глэдия за столом продолжала плыть вслед за ними — то сквозь стены, то под полом, то над полом. Бейли остановился и пробормотал;

— К этому надо привыкнуть.

— У вас кружится голова? — сейчас же спросила Глэдия.

— Немного.

— Тогда вот что: скажите своему связисту, чтобы оставил меня здесь, а когда придете в столовую и все будет готово, он нас соединит.

— Я распоряжусь, партнер Элайдж, — сказал Дэниел.

Их стол тоже был накрыт. В тарелках дымился коричневый суп, в котором плавали кубики мяса, а в середине стола ждала, когда ее разрежут, большая жареная курица. Дэниел быстро отдал указание роботу-официанту, и оба прибора мигом сдвинули на один конец стола.

Как по сигналу, стена напротив пропала, стол

как будто вытянулся в длину, и на противоположном его конце появилась Глэдия. Комната соединилась с комнатой и стол со столом до того аккуратно, что, если бы не разный рисунок на стенах и на полу и не различие в сервировке, легко было бы поверить, что они действительно обедают вместе.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала Глэдия, — правда, удобно?

— Очень, — сказал Бейли. Он осторожно попробовал суп, нашел его превосходным и подлил себе еще. — Вы слышали, что случилось с агентом Грюером?

На лицо Глэдии легла тень, и она отложила ложку.

— Ужасно, правда? Бедный Хеннис.

— Вы называете его по имени — вы его знаете?

— Я знаю почти всех выдающихся людей на Солярии. Мы, соляриане, почти все знакомы друг с другом — это естественно.

В самом деле, естественно, подумал Бейли, Много ли их, в конце концов?

— Тогда вы, может быть, знаете и доктора Алтима Тула. Он лечит Грюера.

Глэдия тихо засмеялась. Робот нарезал ей мясо и положил на тарелку мелкие подрумяненные

картофелины и морковь соломкой.

— Конечно, знаю. Он и меня лечил.

— Когда он лечил вас?

— Как раз после того… несчастья. С моим мужем.

— Он что, единственный доктор на планете? — изумился Бейли.

— О нет. — Глэдия зашевелила губами, будто подсчитывая, — Их по крайней мере десять. И еще один молодой человек изучает медицину. Но доктор Тул — из лучших. У него самый большой опыт. Бедный доктор Тул.

— Почему бедный?

— Ну, вы же знаете — у доктора такая скверная работа. Приходится посещать людей, а иногда даже и трогать их руками. Но доктор Тул очень ответственно относится к своему делу и посещает больного, когда считает это необходимым. Он лечил меня с самого детства и всегда был такой добрый и милый, что я, честно говоря, почти не возражала бы против его визита. Например, он был у меня в тот последний раз.

— Вы хотите сказать — когда погиб ваш муж?

— Да. Можете себе представить, что почувствовал доктор, когда увидел, как я лежу рядом с мертвым мужем.

— Мне сказали, что тело он осматривал по видеофону.

— Тело — да. Но со мной было по-другому, Убедившись, что я жива и серьезной опасности нет, он велел роботам подложить мне под голову подушку, сделать мне укол и оставить одну. А сам прилетел самолетом — да, самолетом! Это заняло у него меньше получаса, Потом он занялся мной, и все стало хорошо. Я была в таком тумане, когда пришла в себя, что думала — передо мной его изображение, пока он не коснулся меня. Тогда я поняла, что это он сам, и закричала. Бедный доктор Тул ужасно смутился, но я знаю — он хотел сделать как лучше.

Бейли кивнул,

— Наверное, у докторов на Солярии не так уж много работы?

— Надеюсь, что да.

— Я знаю, что об инфекционных болезнях и говорить не стоит. Но нарушения обмена веществ? Атеросклероз? Диабет и тому подобное?

— Такое случается — и это всегда ужасно неприятно. Доктора могут, конечно, физически облегчить жизнь таким больным, но и только.

— Вот как?

— Конечно. Если человек заболел — значит, его

генетический анализ был неточным. Не думаете же вы, что мы сознательно допускаем такие вещи, как диабет?

Все, у кого находят подобные заболевания, подвергаются тщательному повторному анализу. Супружеское назначение отменяется, и это ужасно неудобно для второго супруга. А еще нельзя, чтобы у них были, — она понизила голос, — дети.

— Нельзя иметь детей? — обыкновенным голосом переспросил Бейли.

Глэдия вспыхнула.

— Какие ужасные вещи мы говорим! Что за слова! Д-дети!

— Со временем привыкаешь, — сухо заметил Бейли.

— Да, но если это превратится у меня в привычку, я когда-нибудь скажу такое при солярианине и просто сгорю со стыда… А если у такой пары уже были дети (видите, вот опять), этих детей надо тоже разыскать и обследовать — кстати, одна из обязанностей Рикэна, — в общем, хлопот не оберешься.

Тула можно выбросить из головы, подумал Бейли. Некомпетентность доктора — следствие солярианского образа жизни, и ничего преступ-

ного в ней нет. Скорее всего, нет. Поставим на нем крест, но не слишком жирный.

Он посмотрел, как ест Глэдия — аккуратно и грациозно, с хорошим аппетитом. Курица, которую ел он сам, была великолепна, От чего можно избаловаться во Внешних Мирах, так это от еды.

— Что вы думаете об этом отравлении, Глэдия? — спросил он,

— Стараюсь не думать. — Она подняла голову, — Что за ужасные вещи у нас происходят. Может быть, это не отравление?

— Оно самое.

— Но там же никого не было!

— Откуда вы знаете?

— А разве не ясно? У него сейчас нет жены, поскольку он исчерпал свой лимит на д… Ну, вы понимаете. Так что подсыпать ему яд было некому. Как же его могли отравить?

— И все же он отравлен. Это факт, с которым надо считаться.

Лицо Глэдии омрачилось.

— А вы не думаете, что он сделал это сам?

— Сомневаюсь. Зачем? Да еще публично?

— Тогда это просто невозможно, Элайдж. Невозможно, и все.

— Напротив, Глэдия. Очень даже возможно. И я

уверен, что точно знаю, как все произошло.

Глава восьмая
Космонит гневается

Глэдия на миг затаила дыхание, и оно вырвалось из ее сложенных губ почти со свистом.

— А я уверена, что понятия не имею. А кто это сделал, вы знаете?

Бейли кивнул.

— Тот же, кто убил вашего мужа.

— Как?

— А вот так! Убийство вашего мужа — первое в истории Солярии. Через месяц происходит другое убийство — или покушение на него. Может ли это быть совпадением? Два разных преступника убивают на протяжении месяца в мире, где нет преступности? Примите во внимание и то, что вторая жертва занималась расследованием первого преступления и тем самым представляла серьезную опасность для убийцы.

— Что ж, — Глэдия принялась за десерт, — Если ваша точка зрения такова, тогда я невиновна.

— Это почему же, Глэдия?

— Ну как же, Элайдж! Я никогда в жизни даже не приближалась к имению Грюера — значит, и

агента Грюера отравить не могла. А если я его не отравляла — значит, и мужа своего не убивала.

Видя, что Бейли сурово молчит, она как будто упала духом, и уголки ее маленького рта опустились.

— Вам так не кажется, Элайдж?

— Не уверен. Я же сказал вам, что знаю способ, каким был отравлен Грюер. Способ изобретательный, и любой житель Солярии мог им воспользоваться, был он в имении Грюера или нет; бывал он там когда-либо или нет.

Глэдия стиснула кулаки.

— Вы хотите сказать, что я преступница?

— Ничего подобного я не утверждал.

— Но подразумевали. — Она была в ярости: губы плотно сжались, на скулах выступили пятна, — Вот почему вы хотели меня видеть? Чтобы задавать коварные вопросы? Чтобы поймать меня?

— Подождите же…

— Вы показались мне таким участливым. Таким понимающим. Ах вы… землянин! — На последних словах ее голос сорвался.

Дэниел, обратив к ней безмятежный взор, сказал:

— Простите, госпожа Дельмар, вы слишком

сильно сжимаете нож и можете порезаться. Пожалуйста, осторожнее.

Глэдия свирепо уставилась на маленький, тупой и уж конечно совершенно безобидный ножик у себя в руке и вдруг судорожно вскинула его наверх.

— Меня вам не достать, Глэдия, — сказал Бейли.

— Да кому вы нужны? Уф! — Она передернулась от преувеличенного отвращения и крикнула: — Прекратить сеанс!

Последние слова предназначались, очевидно, роботу за кадром. Глэдия и ее стол тут же исчезли, и стена столовой вернулась на место.

— Если я правильно понял, — сказал Дэниел, — вы считаете эту женщину виновной?

— Нет, — безразлично ответил Бейли. — Ей, бедняжке, недостает очень многих качеств, которые необходимы убийце.

— Она вспыльчива.

— Ну и что? Большинство людей вспыльчиво. Не забудьте также, что она длительное время живет под сильным напряжением. Если бы я был в таком состоянии и кто-нибудь нападал на меня так, как я, по ее мнению, на нее, я бы не то что ножиком замахнулся.

— Я не сумел разгадать, подобно вам, каким образом можно отравить человека на расстоянии.

— Я знал, что не сумеете, — с удовольствием произнес Бейли. — Именно эту загадку вы и не в состоянии разрешить.

Сказал он это как отрезал, а Дэниел воспринял его слова так же спокойно и серьезно, как всегда.

— Дэниел, у меня для вас есть два задания.

— Какие, партнер Элайдж?

— Во-первых, свяжитесь с доктором Тулом и выясните, а каком состоянии была госпожа Дельмар после убийства мужа. Много ли с ней было хлопот и так далее.

— Вы хотите выяснить что-то определенное?

— Нет. Просто пытаюсь собрать данные. У них здесь это нелегко. Во-вторых, узнайте, кто замещает Грюера в Службе Безопасности, и завтра прямо с утра устройте мне с ним сеанс. Ну а я, — безрадостно добавил Бейли, — пойду спать и, будем надеяться, усну. Как вы думаете, можно здесь достать приличный книгофильм? — почти капризно спросил он.

— Я посоветовал бы вам обратиться к роботу-библиотекарю, — ответил Дэниел.

Бейли раздражало, что придется иметь дело с роботом — он предпочел бы сам порыться всласть

в библиотеке,

— Нет, — говорил он, — классики мне не надо. Обычную беллетристику из жизни современной Солярии. С полдюжины штук.

Робот повиновался — куда ему было деться. Но все время, пока нажимал нужные клавиши, чтобы извлечь заказанные книгофильмы с полок и доставить их к щели выдачи, и пока вручал их Бейли, он не переставал почтительно бубнить, знакомя инспектора с богатствами своей библиотеки.

Не желает ли хозяин приключенческий роман о временах заселения планеты? Или прекрасное пособие по химии, с движущимися моделями атомов? Или фантастику? Или учебник галактографии? Перечню не было конца.

Разозленный Бейли дождался своей полудюжины книг, сказал «хватит», сам (сам!) схватил проектор и пошел прочь. Робот потащился за ним, спрашивая:

— Помочь вам с настройкой, хозяин?

Бейли повернулся И рявкнул:

— Нет! Стой где стоишь.

Робот поклонился и остался на месте, Улегшись в постель со светом у изголовья, Бейли почти пожалел о своем решении, Проектор был не той

модели, с которой ему раньше доводилось иметь дело, и Бейли попросту не представлял, как вставлять пленку. Но он не сдался — разобрал аппарат и кое-как сообразил, что нужно делать. Фильм он зарядил, и, хотя изображение было несколько нечетким, краткая независимость от роботов стоила того.

В следующие полтора часа Бейли просмотрел четыре из шести книгофильмов — и разочаровался.

У него родилась было теория, что лучший способ ознакомиться с солярианским образом жизни — почитать их романы. Ведь без знакомства с Солярией и ее нравами вести следствие с умом было невозможно.

Теперь теория провалилась. Он просмотрел эти романы — там люди со смехотворными проблемами вели себя как дураки и совершали загадочные действия. Почему женщина бросает свою работу, узнав, что ее отпрыск избрал ту же профессию, и отказывается объяснить причину своего поступка, пока все не запутывается самым смешным и невыносимым образом? Почему доктор и художница чувствуют себя униженными, когда их назначают друг другу, и что такого благородного в намерении доктора заняться роботехникой?

Бейли заправил в проектор пятый фильм и отрегулировал изображение. Устал он как собака.

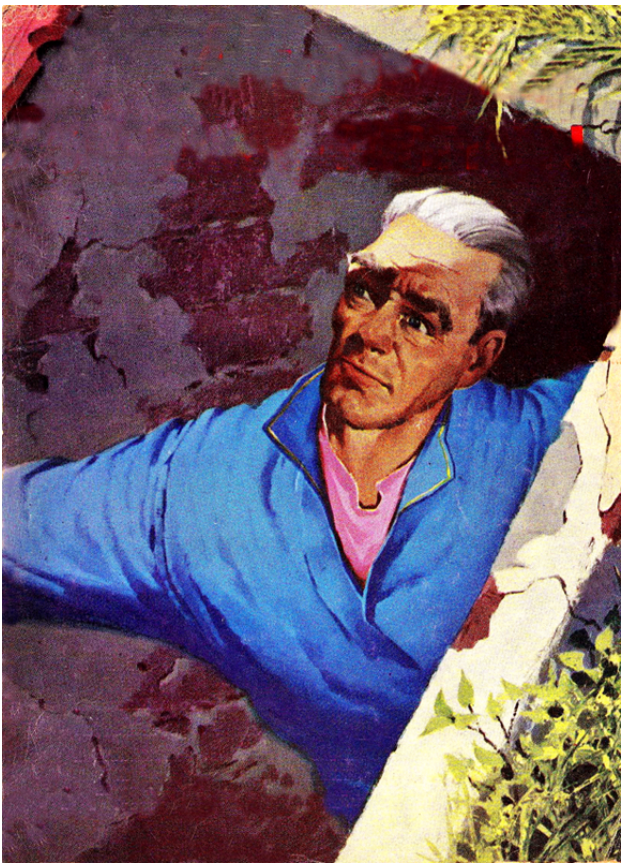
Так устал, что впоследствии никак не мог вспомнить, о чем был пятый роман, обещавший быть остросюжетным. Помнил только начало, где новый хозяин вступает во владение поместьем и просматривает счетофильмы, предоставленные ему почтительным роботом.

Он, должно быть, так и уснул — с проектором на голове и при полном свете. Потом, наверное, тихонько вошел робот, осторожно снял с Бейли проектор и выключил свет.

Во всяком случае, Элайдж спал, и ему снилась Джесси. Все было как прежде. Он никуда не улетал с Земли, и они собирались в столовую, а потом на субэфирное шоу с друзьями. Поедут на экспрессе, там будет много народу, все хорошо, никаких забот. Элайдж был счастлив.

И Джесси была такой красивой. Она как-то ухитрилась похудеть. Почему она такая стройная и красивая?

И еще одна странность. Почему-то на них светило солнце. Элайдж смотрел вверх — там было только сводчатое перекрытие верхнего горизонта, и все же солнце светило, ярко озаряя все вокруг, и никто не боялся.



Бейли проснулся в тревоге и сел завтракать, не обращая внимания на роботов, прислуживающих за столом. Он не разговаривал с Дэниелом, не задавал вопросов и поглощал превосходный кофе, не разбирая вкуса.

Почему ему приснился свет невидимого солнца? Можно понять, если снятся Земля и Джесси, но при чем тут солнце? И почему этот сон продолжает его беспокоить?

— Партнер Элайдж, — осторожно сказал Дэниел, — Корвин Аттлбиш выйдет на связь через полчаса.

Я договорился.

— Какой такой Корвин? — буркнул Бейли, подливая в чашку кофе.

— Он первый заместитель агента Грюера и сейчас исполняет его обязанности.

— Тогда давайте его.

— Я же говорил, что сеанс назначен через полчаса.

— Мне безразлично, когда он назначен. Соедините меня с ним немедленно, Это приказ.

— Я попытаюсь, партнер Элайдж, но он может не дать согласия на сеанс.

— А вы попробуйте, Дэниел, — и поживее.

Заместитель директора Службы Безопасности

ответил на вызов, и Бейли в первый раз на Солярии увидел космонита, который соответствовал земным представлениям. Аттлбиш был высоким, стройным и бронзовокожим. У него были светло-карие глаза и выступающий подбородок.

Он немного походил на Дэниела, но Дэниел был безупречен почти как бог, а у Аттлбиша все же проступало в лице нечто человеческое.

Сейчас он брился. Из карандашика у него в руке била струйка тонкого абразива, снимая растительность со щек и подбородка и превращая ее в невидимую пыль.

Бейли узнал этот прибор по описанию, хотя никогда раньше не видел его.

— Вы землянин? — процедил Аттлбиш сквозь сжатые губы — он как раз проводил струей абразива под носом.

— Элайдж Бейли, инспектор класса *С-7*, Земля.

— Уж очень вы рано, — Аттлбиш закрыл свей бритвенный прибор и бросил куда-то за пределы кадра. — Что там у вас, землянин?

Бейли и в лучшие времена был бы не в восторге от такого тона, а сейчас он просто вскипел.

— Как себя чувствует агент Грюер? — спросил он,

— Жив пока. Может, и выживет.

— Ваши солярианские отравители не разбираются в дозах, — кивнул Бейли. — Опыта не хватает. Грюеру подсыпали слишком много, и его вырвало. Половина этой дозы убила бы его.

— Отравители? Никаких следов яда не обнаружено.

— Иосафат! Вам что, мало доказательств?

— Всякое случается, — Аттлбиш потер лицо, проверяя, гладко ли выбрит. — Кто знает, какие нарушения обмена могут быть у человека старше двухсот пятидесяти,

— И у вас есть авторитетное медицинское заключение?

— Доктор Тул докладывает…

Это довершило дело. Гнев, кипевший в Бейли с момента пробуждения, прорвался наружу, и землянин гаркнул:

— Плевал я на доктора Тула! Я сказал — авторитетное заключение. Ваши доктора ничего не смыслят, как не смыслили бы и детективы, будь они у вас. Детектива пришлось выписывать с Земли — выпишите заодно и доктора.

— Уж не вы ли мне будете указывать? — холодно спросил солярианин.

— Да, и притом бесплатно — пользуйтесь на здоровье. Грюер был отравлен. Я свидетель. Он

выпил, поперхнулся и стал кричать, что ему жжет горло. Чего же было ожидать, если он расследовал…

— Что расследовал? — невозмутимо спросил Аттлбиш.

Бейли стесняло присутствие Дэниела, который, как всегда, сидел поодаль, футах в десяти. Ведь Грюер не хотел, чтобы представитель Авроры знал о его расследовании. Поэтому Бейли промямлил:

— Что-то связанное с политикой.

Аттлбиш скрестил руки и принял отстраненный, скучающей и довольно враждебный вид.

— У нас на Солярии не существует политики в том смысле, как ее понимают в других мирах. Хеннис Грюер — хороший гражданин, но у него слишком развито воображение. Это он настоял, чтобы мы вас пригласили, наслушавшись о вас каких-то историй. Даже принял условие, чтобы вам в партнеры дали аврорианца. Я лично не видел в том необходимости. Никакой тайны не существует. Рикэна Дельмара убила жена, и мы разберемся, как и почему. А если и не разберемся, ей сделают генетический анализ и примут нужные меры. Что касается Грюера, то ваши фантазии об отравлении никого не волнуют.

— Вы намекаете на то, что я здесь больше не нужен? — недоверчиво спросил Бейли.

— Думаю, что не нужны. Если хотите вернуться на Землю — возвращайтесь. Я бы даже сказал — сделайте одолжение.

Бейли, сам себе удивляясь, выкрикнул:

— Нет, сэр. Я и с места не сдвинусь.

— Мы вас наняли, господин сыщик, мы можем и уволить. Вы вернетесь на родную планету.

— Ну нет! Послушайте-ка меня — очень вам советую. Вы — космонит, сверхчеловек, а я землянин, но при всем моем к вам почтении и с нижайшими извинениями я скажу — вы трусите.

— Прошу взять ваши слова обратно! — Аттлбиш выпрямился во весь свой рост, шесть футов с лишним, и надменно, сверху вниз, посмотрел на землянина.

— Трусите, да еще как. Вы думаете, что, если возьметесь за это дело, будете следующим. И сдаетесь, чтобы они оставили вас в покое, оставили вам вашу жалкую жизнь. — Бейли не имел представления, кто такие эти «они» и существуют ли «они» вообще. Он язвил наугад и наслаждался тем, как его слова бьют по самолюбию надменного космонита.

— Через час вас здесь не будет, — сказал Аттлбиш, в холодном гневе указывая пальцем на Бейли, — И клянусь, вам не отвертеться никакими дипломатическими уловками.

— Поберегите свои угрозы, космонит. Земля для вас ничего не значит, согласен, но я здесь не один. Позвольте представить вам моего партнера Дэниела Оливо. Он аврорианец, и если молчит, то потому, что разговоры — не его дело. Следствие возглавляю я. Но слушать он слушает — ни слова не упустит. Я вам прямо скажу, Аттлбиш, — Бейли с наслаждением назвал его просто по фамилии, — Аврору и прочие сорок с лишним Внешних Миров очень интересует то, что вы тут на Солярии вытворяете. Если вы нас вышвырнете, Солярию окружат боевые корабли. Я землянин и знаю порядок: за ущемлением прав следует применение силы.

Аттлбиш с некоторым беспокойством перевел взгляд на Дэниела и сбавил тон.

— Здесь не происходит ничего такого, что могло бы интересовать другие планеты.

— Грюер считал иначе, и мой партнер его слышал. — Не тот был момент, чтобы останавливаться перед ложью. Дэниел при последних словах Бейли повернул голову, но инспектор

притворился, будто не видит, и продолжал:

— Я намерен и дальше вести следствие, хотя отдал бы все, чтобы вернуться на Землю. Одна только мечта о ней лишает меня покоя, Если бы этот кишащий роботами дворец, в котором я живу, был мой, я бы отдал и его, и вас, и весь ваш поганый мир за билет домой. Но не вам меня выгонять. Никто не выгонит меня отсюда, пока дело, которое мне поручили, не будет раскрыто. Попробуйте только удалить меня против воли — и окажетесь перед стволами космических орудий. Более того — с этого момента я буду вести следствие по-своему. Я за него отвечаю и буду говорить с теми людьми, с какими захочу, — и не по видео, а лично. Я привык общаться с живыми людьми — так оно и будет. И мне нужно официальное разрешение на это от вашего ведомства.

— Это невозможно, немыслимо…

— Скажите ему, Дэниел.

— Как вас уже информировал мой партнер, агент Аттлбиш, — бесстрастно заговорил андроид, — нас прислали сюда вести следствие. Нам необходимо его завершить. Мы не хотим, разумеется, нарушать ваши обычаи, и, возможно, в личных визитах не будет необходимости, хотя ваше разрешение на них в случае надобности

было бы полезно, как уже сказал инспектор Бейли. Насильственное удаление нас с планеты мы рассматриваем как нежелательное, хотя и сожалеем о том, что наше пребывание может быть неприятно вам или другим солярианам.

Бейли выслушал эту высокопарную речь, скривив губы в гримасе, которую никак нельзя было назвать улыбкой. Тому, кто знал, что Дэниел робот, было ясно, что он старается не обидеть ни того ни другого из людей. Тому же, кто считал Дэниела аврорианцем, гражданином старейшего и наиболее могущественного в военном отношении Внешнего Мира, его речь казалась, вероятно, набором угроз, слегка прикрытых учтивостью.

Аттлбиш прикоснулся кончиками пальцев ко лбу.

— Я подумаю.

— Только не слишком долго, — сказал Бейли, — потому что мне нужно посетить кое-кого в ближайший час — лично. Конец сеанса!

Бейли с удивлением и одновременно удовольствием уставился на то место, где только что был Аттлбиш. Ничего этого он не обдумывал заранее. Все произошло внезапно — под влиянием сна и неоправданной надменности Аттлбиша. Но Бейли был рад, что так получилось. Ему давно

хотелось взять дело в свои руки.

Так его, космонита поганого, подумал он.

Он хотел бы, чтобы при этой сцене присутствовало все население Земли. Тем более что Аттлбиш — воплощенный образ космонита. Тем лучше!

Только с чего он, Бейли, так распалился, требуя права на личные визиты? Он и сам не мог понять. Да, он составил для себя план действий, и личные контакты были частью этого плана. Пусть так. Но когда речь зашла о визитах, Бейли ощутил вдруг душевный подъем и готовность безо всякой на то надобности сокрушать окружающие его стены.

Почему?

Это чувство не имело отношения к убийству и даже к опасности, грозившей Земле. Что же оно такое?

Как ни странно, Бейли снова вспомнился недавний сон — солнце, которое светило сквозь светонепроницаемые ярусы подземного земного Города.

Дэниел произнес задумчиво (в той степени, в которой его голос был способен выражать эмо-

ции):

— Не уверен, что одобряю ваше поведение, партнер Элайдж.

— То, как я блефовал с этим типом? Зато сработало. И это не совсем блеф. Я думаю, что Аврора и впрямь интересуется тем, что происходит на Солярии, и Аттлбиш это знает. Кстати, спасибо вам за то, что не разоблачили меня.

— Это было естественное решение. То, что я поддержал вас, нанесло агенту Аттлбишу весьма незначительный вред. Если бы я уличил вас во лжи, вы пострадали бы гораздо сильнее.

— При сравнении потенциалов победил более высокий, а, Дэниел?

— Так и было, партнер Элайдж. По-моему, тот же процесс, только менее точный, происходит и в человеческом мозгу. Но я повторяю — ваша новая идея небезопасна.

— Что за новая идея?

— Я не одобряю ваше намерение относительно личных визитов.

Понимаю, только я в вашем одобрении не нуждаюсь.

— Мне были даны определенные инструкции, партнер Элайдж. Что сказал вам вчера агент Грюер в мое отсутствие, я знать не могу. Но что-то он

сказал — это видно из того, как изменилось ваше отношение к делу. В свете моих инструкций я могу догадаться, что именно было сказано. Он, должно быть, предупредил вас, что ситуация на Солярии угрожает безопасности других планет.

Бейли медленно полез за трубкой. Такое случалось с ним постоянно, и он каждый раз приходил в дурное настроение, вспоминая, что здесь курить нельзя.

— Но ведь соляриан всего двадцать тысяч. Чем же они могут угрожать кому-либо?

— Моих хозяев на Авроре Солярия с некоторых пор стала беспокоить. Я не обладаю всей полнотой информации…

— А то немногое, что вы знаете, вам не велено говорить. Верно?

— Прежде чем открыто обсуждать, следует тщательно во всем разобраться.

— Что же такое затеяли солярианe? Создают новое оружие? Или готовят переворот? Или занялись индивидуальным террором? Что могут двадцать тысяч человек против сотен миллионов космонитов?

Дэниел молчал.

— Я все равно это выясню, так и знайте, — сказал Бейли.

— Но не таким путем, как собирались, партнер Элайдж. Я получил самые строгие предписания беречь вас,

— Ну разумеется. Первый Закон.

— Усиленная забота. Если придется выбирать между вашей безопасностью и безопасностью другого человека, я должен сохранить вас.

— Конечно. Я понимаю, Если со мной что-нибудь случится, у вас не будет больше предлога оставаться на Солярии, не вызывая при этом осложнений, к которым Аврора еще не готова. Пока жив, я нахожусь на Солярии по ее же приглашению, так что мы можем при необходимости нажимать там и сям, и приходится нас терпеть. А умри я, ситуация изменится. Поэтому вам и наказали беречь Бейли пуще глаза. Я прав, Дэниел?

— Я не могу ручаться за то, что стоит за данными мне приказами.

— Ладно, не волнуйтесь. Открытое пространство не убьет меня, если мне и понадобится кое с кем встретиться. Переживу. Может быть, даже привыкну.

— Дело не в одном только открытом пространстве, партнер Элайдж. Речь идет о встречах с солярианами. Я их не одобряю.

— Из-за того, что это не понравится космони-

там? Что ж поделаешь, Пусть вставляют фильтры в нос и надевают перчатки. Пусть разбрызгивают аэрозоль. А если их утонченные нравы не позволяют им сталкиваться со мной нос к носу, пусть ежатся и краснеют. Но я буду с ними встречаться. Я считаю наши встречи насущной необходимостью.

— Но я не могу этого допустить.

— Вы не можете позволить мне?

— Вы же знаете почему, партнер Элайдж.

— Нет, не знаю.

— Но поймите — агента Грюера, который возглавлял следствие со стороны Солярии, отравили. Разве не вытекает отсюда, что, если я разрешу вам подвергать себя опасности, показываясь повсюду лично, следующей жертвой непременно станете вы? Нет, я не могу позволить вам покидать эти безопасные стены.

— А как вы собираетесь помешать мне, Дэниел?

— В случае необходимости даже силой, партнер Элайдж, — спокойно ответил Дэниел. — Даже если придется причинить вам вред. Если я этого не сделаю, вы наверняка погибнете.

Глава девятая
Робот капитулирует

— Значит, снова побеждает более высокий потенциал, Дэниел? Вы готовы применить насилие, лишь бы спасти мою жизнь?

— Я надеюсь, что не причиню вам вреда, партнер Элайдж. Вы знаете, что силой я превосхожу вас, и не станете оказывать ненужного сопротивления. Но в случае необходимости — да, мне дозволено причинить вам вред.

— А если я выстрелю в вас из бластера — прямо сейчас? Мои потенциалы мне в этом не помешают.

— Я предполагал, что в наших отношениях наступит такой момент, партнер Элайдж. Если быть точным, я подумал об этом еще во время нашего переезда в имение, когда вы повели себя агрессивно в машине. Моя гибель — ничто в сравнении с вашей безопасностью, но, если меня не станет, вы можете впоследствии пострадать и планы моих хозяев расстроятся. Поэтому в первый же период вашего сна я позаботился разрядить ваш бластер.

Бейли сжал губы. Значит, он все это время ходил с незаряженным оружием? Схватившись за кобуру, он вынул бластер и посмотрел на счетчик заряда. Счетчик стоял на нуле.

Бейли покачал бесполезную железку на ладони, точно намереваясь швырнуть ее в Дэниела. Но что толку? Робот, конечно, увернется.

Бейли убрал бластер обратно, В свое время оружие, быть может, удастся перезарядить. Потом он медленно и задумчиво проговорил:

— Больше не обманете, Дэниел.

— Что вы имеете в виду, партнер Элайдж?

— Уж слишком вы мной командуете. Совсем загнали в угол. Вы в самом деле робот?

— Вы и раньше в этом сомневались.

— В прошлом году на Земле я сомневался в том, что Р. Дэниел Оливо действительно робот. Оказалось, что он им был — и скорее всего продолжает быть. Но теперь я спрашиваю себя; вправду ли вы Р. Дэниел Оливо?

— Да, это я.

— Ой ли? Дэниел был создан по образу космонита. Почему нельзя было подобрать космонита, похожего на Дэниела?

— Зачем?

— Затем, чтобы он вел здесь следствие с ини-

циативой и выдумкой, недоступными роботу. И чтобы вы, играя роль Дэниела, могли бы спокойно управлять мной, для вида предоставляя руководство мне. Вон как вы мной вертите — и мне приходится подчиняться.

— Ваши заключения неверны, партнер Элайдж.

— Почему же тогда все соляриане, с которыми мы говорим, принимают вас за человека? Они ведь знатоки. Неужели их так легко одурачить? Не могу же я один быть прав, а все не правы. Гораздо вероятнее то, что правы-то все, а ошибаюсь я.

— Это не так, партнер Элайдж.

— Докажите, — сказал Бейли, медленно подходя к сервировочному столику и отодвигая дробилку для отходов. — Если вы робот, это не составит для вас трудности. Покажите мне металл, который у вас под кожей,

— Уверяю вас…

— Покажите! — гаркнул Бейли. — Это приказ! Или вам дозволено и приказам не подчиняться?

Дэниел расстегнул рубашку. Гладкая бронзовая кожа у него на груди слегка поросла светлыми волосами. Он крепко нажал у себя под правым соском, и кожа вместе с мышцами вдоль всей

грудной клетки разошлась без единой капли крови, открыв блестящий металл,

В тот же миг Бейли, передвинув палец на полдюйма вправо, нажал кнопку вызова. Почти сразу же вошел робот.

— Не двигаться, Дэниел! — крикнул Бейли. — Это приказ! Смирно!

Дэниел замер, словно жизнь или механическая ее имитация покинула его.

— Можешь ты вызвать еще двоих слуг, не выходя отсюда? — крикнул Бейли роботу. — Если можешь, вызывай.

— Слушаюсь, господин.

Вошли два робота, вызванные по радио; все трое выстроились в ряд.

— Ребята, — сказал им Бейли, — видите это существо, которое принимали за господина?

Три пары красных глаз уставились на Дэниела, и роботы сказали в унисон:

— Видим, господин,

— Вы видите, что так называемый господин — на самом деле такой же робот, как и вы? У него внутри металл. Он просто сделан так, что выглядит как человек.

— Да, господин.

— Вы не должны подчиняться его приказам.

Понимаете?

— Да, господин.

— А вот я, — сказал Бейли, — настоящий человек. Роботы какой-то миг раздумывали, и Бейли пришло в голову: теперь, когда им показали, что некто, похожий на человека, на деле может оказаться роботом — не будут ли они сомневаться в каждом, кто с виду человек? Но тут один из роботов ответил:

— Вы человек, господин. Бейли перевел дух.

— Хорошо, Дэниел, — сказал он. — Вольно. Дэниел сменил позу на более естественную и спокойно произнес:

— Значит, притворившись, будто сомневаетесь в моем происхождении; вы стремились разоблачить меня перед другими роботами?

— Так и есть; — сказал Бейли, отводя глаза. Это же все-таки машина, а не человек. Разве можно надуть машину?

Но ему, несмотря ни на что, было стыдно. Когда Дэниел стоял вот так, с раскрытой грудью, в нем было что-то очень человеческое, и Бейли ощутил себя обманщиком.

— Закройте грудь, Дэниел, и послушайте меня. Трех роботов вам не одолеть — это ведь ясно?

— Ясно, партнер Элайдж.

— Хорошо, Вот что, ребята, — снова обратился он к роботам. — Вы не должны говорить никому, и господам тоже, что он робот. Никому и никогда, пока я, и только я один, не отменю своего приказа.

— Благодарю вас, — тихо сказал Дэниел.

— Однако, — продолжал Бейли, — похожий на человека робот не должен вмешиваться в мои действия. Если он попытается сделать это, удержите его силой, но не причиняйте ему без крайней необходимости вреда. Не разрешайте ему вступать в контакт с другими людьми, кроме меня, и с другими роботами, кроме вас — ни лично, ни по видеосвязи. И не спускайте с него глаз. Держите его в этой комнате и сами оставайтесь при нем. От прочих своих обязанностей вы освобождаетесь впредь до дальнейших указаний. Все ясно?

— Да, господин, — ответили роботы хором.

— Вот видите, Дэниел. Вы бессильны, так что не пытайтесь мне помешать.

Дэниел сказал, безнадежно уронив руки:

— Я не могу допустить, чтобы вы пострадали от моего бездействия, партнер Элайдж, но в данных обстоятельствах мне остается только бездействовать. Логически это неоспоримо, Я не стану

ничего предпринимать и полагаюсь на то, что вы останетесь живы и невредимы.

Вот-вот, подумал Бейли. Одна только логика — больше у робота ничего нет за душой. Логика говорит Дэниелу, что он окончательно побежден. Рассудок мог бы подсказать ему, что все случайности предугадать невозможно и противная сторона тоже может допустить ошибку.

Но нет. Роботы руководствуются логикой, а не здравым смыслом.

Бейли снова кольнул стыд, и он не мог не поддаться желанию утешить Дэниела.

— Послушайте, Дэниел, даже если бы я подвергался опасности — а это не так, — поспешно добавил он, покосившись на других роботов, — то такова моя работа. Мне за то и платят. Моя работа состоит в том, чтобы охранять все человечество в целом, так же как ваша — в том, чтобы охранять отдельного человека. Понимаете?

— Нет, партнер Элайдж.

— Потому, что вы так созданы, Поверьте мне на слово — будь вы человеком, вы бы поняли.

Дэниел склонил голову в знак согласия и остался стоять недвижимо, а Бейли медленно вышел из комнаты. Трое роботов расступились перед ним и устремили свои фотоэлектрические глаза

на Дэниела.

Бейли шел, так сказать, к свободе, и от сознания этого его сердце сильно билось — но вдруг пропустило удар. Перед ним возник новый робот.

Что еще стряслось?

— Чего тебе, бой? — рявкнул Бейли.

— Вам пакет, хозяин, от заместителя директора Службы Безопасности.

Бейли взял у робота запечатанную капсулу, и она тут же раскрылась. Внутри лежала свернутая бумага с написанным от руки, красивым почерком, текстом. Бейли не удивился. Солярия, должно быть, располагала отпечатками его пальцев, — ведь капсула могла раскрыться только от прикосновения адресата.

Он прочел бумагу, и на его продолговатом лице отразилось удовлетворение. Это было официальное разрешение на личные визиты. Требовалось, правда, согласие и другой стороны, но солярианам предписывалось оказывать всяческое содействие «агентам Бейли и Оливо».

Аттлбиш капитулировал — на это указывало и то, что фамилию землянина он поставил первой. Добрый знак, чтобы начать наконец вести следствие, как полагается.

Бейли снова летел аэропланом, как из Нью-

Йорка в Вашингтон, но с одной разницей. Этот аэроплан не был затемнен — окна оставили незаслоненными.

День выдался ясный и солнечный. С того места, где сидел Бейли, окна выглядели как голубые лоскуты — одинаковые и однообразные. Бейли старался не прятаться и зарывался головой в колени лишь тогда, когда становилось совсем уж невмоготу.

На эти муки он пошел по собственной воле. И все потому, что его просто распирало чувство триумфа, свободы, сознание того, что он, поборов сначала Аттлбиша, а потом Дэниела, утвердил перед космонитами достоинство Земли.

Начал он с того, что прошел по открытому месту в поджидавший его аэроплан, испытывая легкое, почти приятное головокружение, и в приступе маниакальной самоуверенности приказал не затемнять окон.

Надо привыкать, сказал он себе — и не отводил глаз от синевы, пока не заколотилось сердце и комок в горле не вырос до нестерпимых размеров.

Приходилось время от времени — все чаще — зажмуривать глаза и закрывать руками голову. Самоуверенность потихоньку утекала, и даже прикосновение к кобуре со свежезаряженным

бластером не могло остановить течь.

Бейли старался сосредоточиться на плане своих действий. Сначала изучить образ жизни на планете. Набросать фон, на котором все держится, иначе он ни в чем не разберется.

Повидаться с социологом!

Он спросил у робота, кто самый известный социолог на Солярии. Лучше всего в роботах то, что они не задают вопросов.

Робот назвал ему фамилию, перечислил основные данные и заметил, что сейчас у социолога, скорее всего, второй завтрак и он может попросить перенести сеанс.

— Второй завтрак? — возмутился Бейли, — Не смеши меня. Полдень только через два часа.

— Я ориентируюсь на местное время, хозяин, — сказал робот.

Бейли понял не сразу. В земных Городах периоды сна и бодрствования, то есть день и ночь, были искусственными, приспособленными для нужд человека и планеты. А на такой планете, как эта, лежащей нагишом под солнцем, день и ночь вовсе не зависят от людей, а попросту навязываются им.

Бейли попытался представить себе планету в виде сферы, которая при вращении то освеща-

ется солнцем, то нет. Это ему плохо удавалось, и он почувствовал презрение к сверхчеловекам, позволяющим движению планеты диктовать им такой существенный фактор, как время.

— Все равно, свяжись с ним, — сказал он роботу.

Самолет встречала группа роботов, и Бейли забила крупная дрожь, когда он снова вышел на воздух. Он сказал ближайшему роботу:

— Дай-ка я обопрусь на твою руку, бой. Социолог ждал его в конце длинного холла, напряженно улыбаясь,

— Добрый день, мистер Бейли.

— Добрый день, сэр, — едва дыша, кивнул Бейли. — Можно попросить вас затемнить окна?

— Уже сделано. Я кое-что знаю о Земле. Прошу за мной.

Бейли сделал усилие и последовал за хозяином без помощи робота, на приличном расстоянии от того, через холл и лабиринт коридоров. Наконец он уселся в большой и красиво обставленной комнате и порадовался, что можно отдохнуть.

Вдоль стен шли неглубокие закругленные ниши, в которых стояли розовые с золотом скульптуры. Абстрактные изваяния радовали глаз, хотя на первый взгляд ничего не означали.

Предмет, похожий на большой ящик, увешанный белыми цилиндрами и со множеством педалей, был, скорее всего, музыкальным инструментом,

Бейли посмотрел на социолога — тот выглядел точно так же, как собственное изображение, с которым Бейли разговаривал днем. Высокий, худой, с белоснежными волосами. Его лицо поразительно напоминало клин, нос выдавался, живые глаза сидели глубоко в глазницах.

Звали его Ансельмо Квемот.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, пока Бейли не счел, что более или менее овладел своим голосом. Первые его слова не имели никакого отношения к следствию и вылетели как-то непроизвольно:

— Можно мне чего-нибудь выпить?

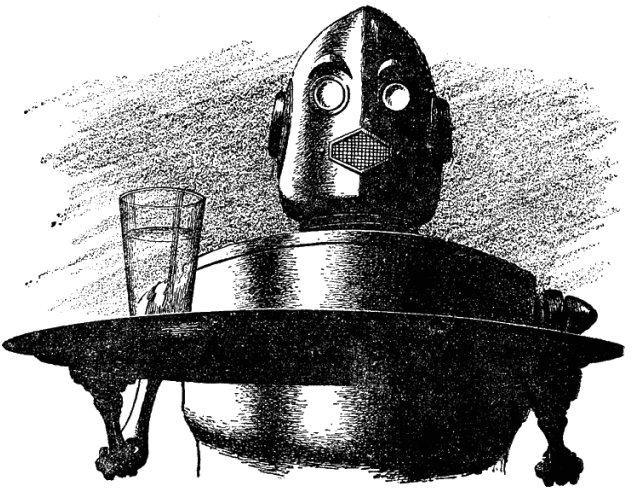
— Чего, например? — Голос у социолога был слишком высокий, чтобы считаться приятным. — Желаете воды?

— Предпочел бы что-нибудь покрепче, Социолог крайне растерялся — как видно, обязанности гостеприимства были ему незнакомы.

А ведь так оно и есть, подумал Бейли. В мире, где люди общаются на расстоянии, никто никого не угощает.

Робот принес глазированную чашечку со свет-

ло-розовым напитком.



Бейли осторожно понюхал его и с куда большей осторожностью попробовал на вкус. Жидкость согрела рот и не без приятности прошла вниз по пищеводу. Бейли отпил глоток.

— Если желаете еще… — сказал Квемот.

— Нет, спасибо, пока нет. Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились встретиться со мной.

Квемот попробовал улыбнуться, что ему определенно не удалось.

— Давненько со мной такого не случалось. Да. — Его заметно передернуло.

— Должно быть, это вам дается с трудом?

— И с немалым, — Квемот рывком отвернулся и отошел к стулу в противоположном конце комнаты. Стул он поставил так, чтобы сидеть не лицом к Бейли, а наискосок от него, и сел, стиснув руки в перчатках. Ноздри у него подергивались.

Бейли допил свою чашку, ощущая тепло во всем теле и даже несколько восстановив былую уверенность.

— А что именно вы чувствуете, когда я здесь, доктор Квемот?

— В высшей степени нескромный вопрос, — пробормотал социолог.

— Знаю. Но я ведь, кажется, объяснял вам по видео, что расследую убийство и мне придется задавать очень много вопросов, среди которых неизбежно будут и нескромные.

— Помогу, чем могу. Надеюсь, вопросы не будут выходить за рамки приличия, — Квемот продолжал смотреть в сторону, а когда встречался взглядом с Бейли, то сразу же отводил глаза.

— Я спрашиваю о ваших чувствах не просто

из любопытства. Это чрезвычайно важно для следствия.

— Не вижу связи.

— Я недостаточно хорошо знаю ваш мир, и мне нужно понять соляриан, их мысли и чувства. Теперь улавливаете?

Квемот совсем перестал смотреть на Бейли и медленно заговорил:

— Десять лет назад умерла моя жена. Встречаться и с ней было нелегко, но со временем начинаешь привыкать — и потом, она не была навязчивой. Новую жену мне не назначили, поскольку я вышел из возраста… — он посмотрел на Бейли, будто ожидая, что тот договорит за него, но Бейли молчал, и Квемот закончил, понизив голос: — …из возраста воспроизводства. А без жены я совсем отвык от такого вида общения, как личные встречи.

— Но что вы все-таки испытываете? — настаивал Бейли. — Панику? — Он вспомнил себя в самолете.

— Нет. Не панику. — Квемот чуть-чуть повернул голову к Бейли и тут же отвернулся. — Буду откровенным, мистер Бейли. Мне кажется, что от вас пахнет.

— Пахнет? — Бейли, задетый за живое, маши-

нально откинулся на спинку стула.

— Это, конечно, только воображение, — сказал Квемот. — Откуда мне знать, пахнет ли от вас и насколько сильно — даже самый сильный запах не может проникнуть сквозь носовые фильтры. Однако воображение… — Он пожал плечами.

— Понимаю.

— И хуже того. Простите меня, мистер Бейли, но в присутствии человека я чувствую себя так, будто вот-вот коснусь чего-то слизистого, и меня всего передергивает. Неприятнейшее ощущение.

Бейли задумчиво потер ухо, борясь с раздражением. Что ж поделаешь, если человек столь бурно реагирует по пустякам.

— Если так, то меня удивляет, что вы, можно сказать, охотно пошли на встречу со мной. Вы ведь предвидели, что вам будет неприятно.

— Да, предвидел, Но любопытство победило — вы ведь землянин.

Это как раз и должно было удержать тебя от встречи, сардонически подумал Бейли, но вслух сказал:

— Ну и что же?

Квемот заговорил с внезапным энтузиазмом:

— Не так легко объяснить, даже самому себе. Но я вот уже десять лет занимаюсь социологией,

причем профессионально. Разработал некоторые новые концепции, которые на первый взгляд поражают, но в основе своей верны. Одна из моих концепций вызвала во мне чрезвычайный интерес к Земле и землянам. Видите ли, если глубоко изучить солярианское общество и образ жизни, становится очевидным, что модель и того и другого целиком и полностью заимствована с Земли.

Глава десятая
Аналогия прослеживается

— Что-о? — невольно вскрикнул Бейли. Квемот посмотрел на него через плечо, помолчал и сказал;

— Я говорю не о современной земной цивилизации.

— А-а.

— Модель заимствована из прошлого. Из древней истории Земли. Как землянин, вы должны ее знать.

— Кое-какие книги просматривал, — осторожно сказал Бейли.

— Тогда вы поймете меня.

Бейли, который не понимал ровным счетом ничего, сказал:

— Позвольте объяснить вам, что именно мне нужно. Я хотел бы, чтобы вы мне рассказали, если можно, почему Солярия так отличается от других Внешних Миров, почему здесь так много роботов, почему у вас такой образ жизни. Простите, если я ухожу от темы разговора.

Он как раз и хотел сменить тему. Обсуждение

сходства и различия между солярианской и земной культурами — слишком захватывающий предмет. Можно проторчать тут весь день и уйти, так и не получив нужных сведений.

— Вы хотите сравнить Солярию с другими Внешними Мирами, но не хотите сравнивать ее с Землей, улыбнулся Квемот.

— Землю я знаю, сэр.

— Как угодно. — Солярианин кашлянул. — Вы не возражаете, если я еще немного поверну стул и сяду к вам спиной? Так будет… удобнее.

— Как вам угодно, доктор Квемот, — холодно сказал Бейли.

— Хорошо. — Повинуясь тихому распоряжению Квемота, робот развернул стул, и социолог, скрывшись от глаз Бейли за внушительной спинкой, сразу оживился, и даже голос у него стал глубже и громче.

— Солярия была открыта людьми около трехсот лет назад. Первыми поселенцами на планете были нексониане. Вам знаком Нексон?

— Боюсь, что нет.

— Это ближайшая к Солярии планета, парсеках в двух от нее. Нексон и Солярия представляют собой пару самых ближних обитаемых планет в Галактике. Жизнь существовала здесь еще до

открытия Солярии людьми, и наша планета была вполне пригодна для обитания, что и привлекло сюда состоятельных нексониан, которым стало трудно поддерживать желаемый уровень жизни из-за роста населения на собственной планете.

— Роста населения? Я думал, космониты регулируют его.

— Солярия регулирует, но остальные Внешние Миры подходят к этому довольно небрежно. К тому времени население Нексона приближалось к двум миллионам. При такой плотности приходилось ограничивать количество роботов, которыми могла владеть отдельная семья. Поэтому нексониане, у которых была такая возможность, начали строить дачи на Солярии, планете плодородной, с хорошим климатом и без хищной фауны. Те, кто селился на Солярии, могли и до Нексона добираться без особых хлопот, и на новой планете жить в свое удовольствие. Роботов можно было заводить сколько угодно — в зависимости от возможностей. Поэтому и размеры усадеб не ограничивались — на пустой планете с землей проблем не возникало, а при неограниченном количестве роботов не было проблем и с ее обработкой. Роботов стало так много, что их оборудовали рациями — вот начало

развития нашей прославленной роботехники, Мы начали создавать новые модели, с новым оборудованием и новыми возможностями. Цивилизация требует изобретений — этот афоризм, по-моему, изобрел я.

Робот по знаку, которого Бейли не заметил из-за спинки стула, принес Квемоту такой же, как у Бейли, напиток. Бейли больше не предлагали, и он решил, что сам не попросит.

— Преимущества жизни на Солярии были очевидны для всех, — продолжал Квемот. — Солярия вошла в моду. На ней селилось все больше нексониан, и она сделалась, по моему излюбленному определению, «планетой-виллой». Постепенно многие поселенцы стали жить на Солярии круглый год, ведя свои дела на Нексоне через поверенных. На Солярии появились заводы по сборке роботов, а на фермах и рудниках стали производить так много продукции, что представилась возможность экспорта. Короче говоря, мистер Бейли, стало ясно, что через каких-нибудь сто лет на Солярии будет столько же народу, как на Нексоне. Было бы смешно и расточительно найти такой новый мир и потерять его из-за недостатка предусмотрительности. Чтобы не вдаваться в тонкости политики, скажу только,

что Солярия сумела добиться независимости и отстоять ее без войн. Помогло, конечно, и то, что во Внешних Мирах нас ценили как поставщиков специализированных роботов. По достижении независимости первой нашей заботой стало ограничить население до разумных пределов. Мы стали регулировать рождаемость и иммиграцию, а свою потребность в рабочей силе удовлетворяли, увеличивая количество роботов и совершенствуя их,

— А почему соляриане не хотят встречаться друг с другом? — спросил Бейли, раздраженный несколько покровительственной манерой Квемота.

Квемот выглянул из-за спинки стула и сразу спрятался обратно.

— Неизбежные последствия. У нас здесь огромные поместья. Нередки владения площадью десять тысяч квадратных миль, хотя в них входят и неудобные земли. Площадь моего имения — 950 квадратных миль, зато это сплошь хорошая земля. Во всяком случае, именно размер имения, больше чем что-либо другое, определяет позицию человека в обществе. И одно из преимуществ большого поместья в том, что по нему можно бродить, почти не рискуя зайти на

территорию соседа, а значит, и встретиться с ним. Понимаете?

— Вроде бы да, — пожал плечами Бейли.

— Короче говоря, гордость солярианина состоит в том, чтобы не встречаться со своим соседом. И потом, его имение так хорошо обрабатывается роботами и так исправно приносит доход, что ему и не нужно ни с кем встречаться. Нежелание общаться лично привело к развитию техники видеосвязи, а с ее совершенствованием все более отпадала необходимость видеться с соседом. Это заколдованный круг, разновидность обратной связи. Понимаете?

— Послушайте, доктор Квемот, — сказал Бейли, — не надо ради меня все упрощать. Я не социолог, но прошел элементарный курс в колледже — земном, конечно, — скромно добавил он, чтобы предупредить встречное, более обидное, замечание собеседника. — И могу разобраться в формулах.

— В формулах? — чуть ли не взвизгнул Квемот.

— Не в роботехнических, конечно, тут я пас, но в социологических могу. Например, мне знакомо соотношение Терамина.

— Что-что?

— Может быть, у вас оно называется по-дру-

гому? Зависимость степени терпения масс от предоставляемых привилегий: дэ итое, деленное на йот, в энной степени…

— О чем вы говорите?

Бейли растерянно умолк, сбитый с толку резким тоном Квемота.

В чем дело? Ведь зависимость терпения от привилегий — это основа науки управлять массами без взрыва. Отдельная кабинка в общественном туалете, предоставленная одному человеку за особые заслуги, заставит х человек терпеливо дожидаться такого же подарка судьбы, причем величина х зависит от разных категорий среды и темперамента, что и вычисляется по формуле Терамина.

Но с другой стороны, в мире, где одни привилегии и никто не терпит лишений, коэффициент Терамина стремится к кулю. Наверное, он неудачно выбрал пример. Бейли сделал новую попытку:

— Видите ли, сэр, одно дело — качественный анализ роста предубеждения против личных встреч. Мне от него никакой пользы. Мне нужна точная формула этого предубеждения. Чтобы я мог с ним бороться. Я хочу убедить людей согласиться встречаться со мной, как согласились вы.

— Мистер Бейли, нельзя же обращаться с

человеческими эмоциями, как с рефлексами позитронного мозга,

— Я и не говорю, что можно. Роботехника — дедуктивная наука, а социология — индуктивная. Но математикой можно пользоваться и в той и в другой.

Квемот помолчал и сказал дрожащим голосом:

— Вы же сами сказали, что вы не социолог.

— Да, но вы-то социолог. Как утверждают, лучший на планете.

— Я здесь единственный. Можно сказать, я и создал эту науку.

— Вот как? — Бейли помялся, потому что следующий вопрос казался дерзким даже ему самому. — А вы знакомы с трудами по социологии?

— Аврорианские труды я читал.

— А земные?

— Земные? — Квемот засмеялся деланным смехом. — Мне бы и в голову не пришло знакомиться с земной наукой. Простите, не хотел вас обидеть.

— Ну тогда извините. Я думал получить от вас конкретные сведения, которые помогли бы мне при встречах с другими людьми, так сказать, лицом к лицу…

Квемот издал некий странный звук, его стул отлетел в сторону и с грохотом перевернулся.

Бейли услышал сдавленнее «извините», и Квемот с неподобающей быстротой выскочил из комнаты.

Бейли вскинул брови. Что он сморозил на этот раз? Иосафат! Снова нажал не на ту кнопку?

Он нерешительно поднялся с места, но тут вошел робот.

— Господин, мне поручено передать, что мой господин свяжется с вами через несколько минут.

— Свяжется, бой?

— Да, господин. Не желаете ли тем временем закусить?

Он вновь поставил рядом с Бейли чашечку розового напитка и добавил тарелочку с каким-то печеньем, еще теплым.

Бейли снова сел и отпил из чашки. Печенье на ощупь было твердым, но во рту таяло, а внутри было мягким и более теплым, чем снаружи. Бейли не сумел определить, из чего оно состоит, и подумал — наверное, из местных солярианских продуктов.

Ему вспомнился ограниченный дрожжевой рацион Земли. Интересно, нашли бы там сбыт дрожжевые штаммы, имитирующие блюда Внешних Миров?

Но Бейли тут же об этом забыл — прямо перед ним возник из ниоткуда Квемот. Лицом к гостю! Социолог сидел на стуле, уже не столь массивном, в комнате, стены и потолок которой резко отличались от комнаты, где сидел Бейли. Квемот улыбался, морщины у него на лице стали резче и, как ни парадоксально, сделали моложе, подчеркнув живость глаз,

— Тысяча извинений, мистер Бейли. Мне казалось, я с честью выдерживаю нашу встречу, но то была иллюзия. Ваша последняя фраза меня попросту добила.

— А что я такого сказал, сэр?

— Что-то о встречах лицом к л… — Он потряс головой и провел языком по губам. — Нет, уж лучше не повторять. Думаю, вы и так поняли. У меня в уме сразу возникла отвратительная картина, как мы с вами сидим и дышим… друг на друга. — Солярианин вздрогнул. — Отвратительно, вы не находите?

— Как-то не задумывался.

— По-моему, ужасно мерзкая привычка. Услышав ваши слова, я представил себе эту картину и сразу осознал — мы ведь с вами действительно в одной комнате, и пусть я сижу не к вам лицом, все равно воздух, побывавший в ваших легких,

идет ко мне и поступает в мои. При моей чувствительной натуре…

— Каждая молекула солярианской атмосферы уже прошла через тысячи легких. Иосафат! Воздух уже побывал в легких у животных и в жабрах у рыб.

— Верно, — сказал Квемот, уныло потирая щеку, — но я стараюсь не думать об этом. Меня вывело из равновесия то, что вы здесь и оба мы дышим. Просто удивительно, какое это облегчение — разговор по видео.

— А я ведь остаюсь под одной крышей с вами, доктор Квемот.

— Удивительно, не правда ли? Вы со мной под одной крышей, но изображение — совсем другое дело. По крайней мере теперь я знаю, что такое личная встреча с незнакомцем., и больше такого не допущу.

— Можно подумать, вы экспериментировали.

— В каком-то смысле да. Это был мой побочный мотив. И результаты получились интересные, хотя и стоили переживаний. Надо будет записать.

— Что записать? — не понял Бейли.

— Свои ощущения! — в свою очередь удивился Квемот.

Бейли вздохнул. Снова непонимание. Постоян-

ное непонимание.

— Я спрашиваю только потому, что сразу подумал — не пользуетесь ли вы прибором для измерения эмоций, вроде электроэнцефалографа. — Бейли безуспешно осмотрел комнату. — Но у вас, наверное, карманная модель, которую не нужно включать в сеть. У нас на Земле таких нет.

— Я полагаю, — обиженно сказал солярианин, — что способен отдать себе отчет в своих чувствах и без прибора. Эмоции были достаточно ярко выражены.

— Да, конечно, но для количественного анализа… — не унимался Бейли.

— Не знаю, что вам, собственно, нужно, — проворчал Квемот. — Когда я хочу познакомить вас с чем-то действительно новым, со своей теорией, которую не вычитал ни в каких книгах и которой просто горжусь…

— Что же это за теория, сэр?

— Ну как же: связь солярианской цивилизации с одной из древних цивилизаций Земли.

Бейли вздохнул. Если сейчас он не даст Квемоту излить душу, то нечего потом рассчитывать на его содействие.

— С какой именно?

— Спарта! — Квемот вскинул голову, и его белые волосы на миг засветились, как нимб. — Я уверен, что вы слышали о Спарте!

Бейли почувствовал облегчение. В молодости (как и многие земляне) он питал большой интерес к древней истории Земли. Ведь тогда Земля была великой, потому что была единственной, и земляне владели миром, потому что не было космонитов. Но история Земли — понятие растяжимое. Вдруг Квемот сошлется на период, незнакомый Бейли, и поставит землянина в неловкое положение. Теперь Элайдж мог сказать, хотя и с осторожностью:

— Да. Я видел кое-какие фильмы.

— Вот и хорошо. Итак, в Спарте в дни ее расцвета проживало сравнительно немного спартиатов — полноправных граждан, более многочисленные граждане второго сорта — периэки и большое количество бесправных рабов — илотов. На одного спартиата приходилось двадцать илотов, а ведь илоты были людьми — с человеческими чувствами и человеческими слабостями. Чтобы успешно подавлять восстания своих рабов, несмотря на численное превосходство последних, спартиаты стали воинами-профессионалами. Каждый из них превратил себя в солдата, и цель, к кото-

рой стремилось общество, была достигнута. Все восстания илотов заканчивались поражением восставших. Так вот, мы, люди, живущие на Солярии, в какой-то степени напоминаем спартанцев. У нас есть свои илоты, только они не люди, а машины. Они не поднимают восстаний, и можно их не бояться, даже если роботов в тысячу раз больше на одного человека, чем илотов на одного спартиата. Мы сохраняем избранность спартанцев без необходимости изнурять себя суровой тренировкой. Напротив, мы можем развивать культуру и искусства уже по примеру афинян — это современники спартанцев, которые…

— Про афинян я тоже смотрел фильмы.

— Все известные нам цивилизации были построены в виде пирамиды, — все более воодушевляясь, продолжал Квемот. — У того, кто поднимался на вершину пирамиды, становилось больше досуга и больше возможности достичь счастья. Карабкаясь наверх, он видел: чем больше благ, тем меньше людей, которые могут ими пользоваться. И угнетенные неизменно преобладают. Запомните: как бы хорошо ни жили нижние слои пирамиды по абсолютной шкале, они всегда лишены чего-то по сравнению с верхушкой. Например, самые бедные жители

Авроры живут лучше земных аристократов, но по сравнению с аврорианскими аристократами они лишены многих благ — а сравнивают себя не с кем-нибудь, а с сильными своего мира.

Итак, в любом обществе существуют социальные трения. Социальные революции и реакция на них, то есть защита от возможной революции или подавление вспыхнувшей — вот причина бед человечества, которыми пронизана вся история.

Но у нас на Солярии верхушка пирамиды впервые поставлена отдельно. Место угнетенных заняли роботы. Мы создали первое новое, по-настоящему новое общество; совершили величайшее социальное открытие, равное по значимости тому, какое сделали крестьяне Египта и Шумера, изобретя города, — Квемот с улыбкой откинулся назад.

Бейли кивнул.

— Ваша теория была опубликована?

— Когда-нибудь, возможно, я ее опубликую, — с наигранной беззаботностью сказал Квемот. — Пока нет. Это мой третий вклад в солярианскую культуру.

— Первые два были столь же значительны?

— Они не относились к социологии. В свое время я был скульптором. Все, что вас окружает, — он

указал на статуи в нишах, — мои работы. Был я и композитором. Но я старею, а Рикэн Дельмар всегда утверждал, что науки и ремесла важнее изящных искусств — вот я и решил заняться социологией.

— Значит, Дельмар был вашим близким другом?

— Я знал его. К моему возрасту знаешь уже всех взрослых соляриан. Да, не могу не согласиться с тем, что мы с Дельмаром были хорошими знакомыми.

— Что он был за человек? — Как ни странно, при упоминании о Дельмаре Бейли вспомнилась Глэдия, — такая, какой он видел ее в последний раз, с лицом, искаженным гневом, разъяренная его, Элайджа Бейли, поведением и высказываниями.

Квемот задумался.

— Достойный, преданный Солярии и нашему образу жизни.

— Другими словами, идеалист.

— Законченный. Это видно хотя бы по тому, что за свою работу фетоинженера он взялся добровольно. Решил заняться прикладной наукой — я уже говорил, какого мнения он был на сей счет.

— Это был незаурядный поступок?

— А вы бы сами… все время забываю, что вы землянин. Да: незаурядный, Фетология из тех работ, которые выполнять необходимо, но охотников на них не находится. Обычно работников назначают на определенное количество лет, и получить такое назначение не очень-то приятно. Дельмар же вызвался добровольно — и на всю жизнь. Он считал, что эта работа слишком важна, чтобы делать ее из-под палки, и убедил в том меня. Но сам я никогда не стал бы добровольно заниматься этим. Просто не способен пожертвовать собой. Тем больше его самопожертвование — ведь он был такой фанатик личной гигиены.

— Я, признаться, не совсем понимаю, в чем заключалась его работа.

Морщинистые щеки Квемота слегка зарделись.

— Может быть, вам лучше поговорить с его ассистентом?

— Я бы давно это сделал, если бы кто-нибудь соизволил сказать мне, что у него был ассистент.

— Очень жаль, что вам не сказали. Наличие ассистента — еще один показатель ответственности Дельмара перед обществом. Раньше такой должности не было. Но Дельмар счел необходимым воспитать молодую смену, чтобы оставить

себе преемника на случай своей отставки или… или смерти. — Старый солярианин тяжело вздохнул, — И вот я пережил его, а он был намного моложе меня. Я с ним играл в шахматы — много раз.

— Каким образом?

— Обычным, — вскинул брови Квемот.

— Вы что, встречались?

— Что за мысль! — ужаснулся Квемот. — Даже если бы у меня получилось перенести близость, Дельмар никогда бы не пошел на такое. Работа фетолога не притупила в нем чувствительности. Он был щепетильный человек.

— Тогда как же?

— На двух досках, как играют все, — Квемот снисходительно пожал плечами. — Нуда, вы же землянин. Он делал мой ход на своей доске, я его ход — на своей, Очень просто.

— А госпожу Дельмар вы знаете?

— Мы общались. Она ведь полевая колористка, и я смотрел пару ее выставок. По-своему прелестно, но это скорее диковинки, чем произведения искусства. А все-таки занятно и свидетельствует о проницательности ума.

— Как по-вашему, способна она убить мужа?

— Не задумывался. Женщины — существа

загадочные. Но тут случай бесспорный, не так ли? Только госпожа Дельмар могла достаточно близко подойти к Рикэну, чтобы убить его. Рикэн никогда, ни при каких обстоятельствах не допустил бы к себе никого другого. Он был крайне щепетилен на этот счет. Хотя, пожалуй, «щепетилен» — не то слово. В нем просто не было и следа какой-либо ненормальности, извращенности. Истинный солярианин.

— Разве то, что вы допустили меня к себе, указывает на вашу извращенность?

— Пожалуй, да. Я сказал бы, тут есть нечто от скатофилии.

— А не могли Дельмара убить по политическим мотивам?

— Что?

— Я слышал, он был традиционал.

— О, мы тут все традиционалы.

— Значит, на Солярии нет такой группы людей, которые не являлись бы традиционалами?

— Ну, скажем, есть такие, которые считают, что излишнее рвение в соблюдении обычаев предков опасно. Им не дает покоя наша малочисленность — в других мирах, мол, населения гораздо больше. В общем, все это глупости, и таких людей немного. Не думаю, что они могут считаться силой.

— Почему глупости? Разве на Солярии есть нечто такое, что удерживает военное равновесие, несмотря на большое численное преимущество прочих Внешних Миров? Какое-то новое оружие?

— Оружие, безусловно, есть, Только не новое. Люди, о которых я говорил, скорее слепы, чем глупы, если не видят, что оно постоянно в действии и сопротивляться ему бесполезно.

— Вы это серьезно? — сузил глаза Бейли.

— Разумеется.

— И вы знаете, что это за оружие?

— Кто же не знает? И вы знаете — стоит только подумать. Я понимаю чуточку яснее других — возможно, потому, что я социолог. Конечно, это оружие в бою не используется. Оно не убивает, не ранит — и все-таки непобедимо. Тем более непобедимо, что его никто не замечает.

— Так о каком же чудо-оружии вы толкуете? — раздраженно спросил Бейли.

— О позитронном роботе.

Глава одиннадцатая
Ферма обследуется

Бейли на миг похолодел. Позитронный робот — символ превосходства космонитов над землянами! Да, это действительно оружие.

— Роботы скорее экономическое оружие, — сказал он недрогнувшим голосом. — Солярия ценится во Внешних Мирах как поставщик усовершенствованных моделей, поэтому ей не причинят вреда.

— Само собой разумеется. Это и помогло нам отстоять независимость. Я имел в виду кое-что другое, более тонкую материю, космическую точку зрения, — Квемот устремил взгляд на свои сложенные пальцы, а умом, должно быть, устремился к неким абстрактным понятиям.

— Еще одна ваша теория? — спросил Бейли, и тщетная попытка Квемота удержать расползающиеся в самодовольной улыбке губы едва не вызвала у него усмешку.

— В самом деле, моя. Насколько я знаю, она оригинальна, но при внимательном изучении демографической статистики Внешних Миров

становится очевидной для всех. Начнем с того, что со времен своего изобретения позитронный робот используется повсюду все более и более интенсивно.

— Только не на Земле.

— Полно, инспектор. Я не очень хорошо знаю Землю, но мне все-таки известно, что роботы используются и в вашей экономике. Вы, люди, живете в крупных Городах, а большая часть планеты пустует. Кто же работает на ваших фермах и рудниках?

— Роботы, — сознался Бейли. — Но если разобраться, доктор, то и позитронного робота тоже изобрели земляне.

— Правда? Вы уверены?

— Можете проверить — это факт.

— Интересно. А по использованию роботов вы на последнем месте. Возможно, это следствие большой численности земного населения, Потребуется более длительное время, вот и все. Однако и у вас есть роботы, даже в Городах.

— Да.

— И больше, чем; скажем, пятьдесят лет назад.

— Да, — нетерпеливо кивнул Бейли,

— Тогда все сходится. Разница лишь во времени. Роботы вытесняют человеческий труд. Роботи-

зированная экономика движется только в одном направлении: побольше роботов и поменьше людей. Я изучил демографическую статистику очень внимательно, составил график и сделал несколько экстраполяции. Вот вам и применил математику, верно? — сам удивился Квемот.

— Да.

— А в этом что-то есть. Надо будет подумать. В общем, я пришел к выводам, верность которых не оставляет сомнений. Соотношение «робот — человек» в любом обществе, использующем труд роботов, постоянно возрастает, несмотря ни на какие законы, препятствующие этому. Рост идет медленно, но никогда не прекращается. Сначала прибавляется людей, а затем их опережают роботы, численность которых растет гораздо быстрее. Потом, после некой критической точки… А вот интересно, можно ли точно вычислить эту точку, представить ее графически? Снова ваша математика.

— Что же происходит после критической точки, доктор Квемот?

— А? Да-да. Людское население начинает сокращаться. Планета стремится к истинному социальному равновесию. Аврора придет к нему. Придет и ваша Земля. Земле на это может по-

требоваться несколько веков, но дело кончится все тем же.

— Что вы понимаете под социальным равновесием?

— Ситуацию, которая существует у нас. На Солярии, Мир, где люди составляют неработающий класс. Так что нам нечего бояться Внешних Миров. Стоит подождать каких-нибудь сто лет, и они все станут такими же Соляриями. Тогда и кончится, я полагаю, история человечества — по крайней мере, она придет к своему завершению. Наконец-то человек, сможет достичь того, к чему стремился и чего желал. Знаете, однажды я вычитал одну фразу — не помню где, — что-то о стремлении к счастью.

— «Все люди наделены Творцом некоторыми неотъемлемыми правами, — процитировал Бейли, — на жизнь, на свободу и на стремление к счастью».[1]

— Вот-вот. Откуда это?

— Из одного старого документа.

— И посмотрите, как все изменилось на Солярии — а скоро так будет и по всей Галактике. Стремление достигнет своей цели. Человечество

---

[1] Примечания: 1

Декларация прав человека — примеч. пер.

получит право на жизнь, на свободу и на счастье. Просто на счастье.

— Возможно, — сухо сказал Бейли, — но у вас на Солярии один человек убит, а другой находится при смерти. — Он почти тут же пожалел о своих словах — лицо Квемота приняло такое выражение, будто социолог получил пощечину. Старик понурил голову и сказал, не глядя на Бейли:

— Я ответил на ваши вопросы, как мог. Желаете узнать еще что-нибудь?

— Нет, достаточно. Благодарю вас, сэр. Прошу прощения за то, что растравил ваше горе, напомнив вам о смерти друга.

Квемот медленно поднял глаза.

— Трудно мне будет найти другого такого партнера по шахматам. Он всегда очень пунктуально соблюдал назначенное время и очень ровно играл. Хороший был солярианин.

— Понимаю, — мягко сказал Бейли. — Вы разрешите воспользоваться вашим видеофоном? Хочу поговорить со следующим, кого наметил посетить.

— Разумеется. Мои роботы к вашим услугам. А я вас оставлю. Сеанс окончен.

Через тридцать секунд после ухода Квемота рядом с Бейли возник робот, и инспектор снова

подивился, как тут здорово все устроено. Он видел, что Квемот, уходя, нажал на кнопку — вот и все.

Может быть, сигнал означает просто «делай свое дело». А может, роботы слушают все, о чем говорят люди, потому и знают, что может пожелать человек в тот или иной момент, а если под рукой нет робота, подходящего умственно и физически для определенной работы, он тут же вызывается по радио.

Бейли на миг представил себе Солярию в виде сделанного из роботов невода, ячейки которого все сужаются и сужаются, и в каждой ячейке сидит человек. Он вспомнил слова Квемота о мирах, которые все превратятся в подобие Солярии, представил, как невод захлестывает Землю…

Ход его мыслей прервал робот, изрекший с механической почтительностью машины.

— Готов помочь вам, господин.

— Ты знаешь, как связаться с местом, где работал Рикэн Дельмар?

— Да, господин.

Бейли пожал плечами. И когда только он отучится задавать ненужные вопросы? Роботы знают все — и точка. Чтобы управлять роботами как надо, подумалось ему, нужно быть специа-

листом, вроде роботехника. Интересно, как это получается у средних соляриан? Наверное, так себе.

— Свяжись с ассистентом Дельмара, — сказал он роботу. — А если его нет на работе — разыщи, где бы он ни был.

— Да, господин.

— Подожди! — окликнул Бейли уходящего робота, — Который час теперь там, где работал Дельмар?

— Примерно шесть тридцать, господин.

— Утра?

— Да, господин.

У Бейли снова вызвал раздражение мир, подчинивший себя восходу и заходу солнца. Вот что значит жить на голой планете.

Он мельком подумал о Земле, но отогнал эту мысль. Пока он занимается делом, все хорошо, но, если позволит себе тосковать, он пропал.

— Все равно, найди ассистента, бой, и скажи ему, что дело государственной важности — да пусть кто-нибудь принесет мне поесть. Достаточно будет сандвича и стакана молока.

Задумчиво жуя сандвич с чем-то вроде копченого мяса, Бейли подумал кстати, что Дэниел Оливо, пожалуй, стал бы подозрительно отно-

ситься к любой пище после случая с Грюером. И возможно, был бы прав.

Он доел сандвич — как будто все в порядке, во всяком случае, пока — и отхлебнул молока. Ему не удалось узнать у Квемота то, что хотелось, но кое-что он все-таки узнал. По размышлении Бейли стало казаться, что узнал он много.

Почти ничего об убийстве, это верно, но зато кое о чем поважнее.

Вернулся робот.

— Ассистент готов к сеансу, господин,

— Хорошо. Были затруднения?

— Ассистент спал, господин.

— Но теперь-то проснулся?

— Да, господин.

И перед Бейли возник ассистент, который сидел в постели, надутый и недовольный.

Бейли попятился, точно внезапно наткнулся на силовой барьер. Снова от него скрыли нечто очень важное. Снова он неправильно задал вопрос.

Никто не удосужился сказать ему, что ассистент Рикэна Дельмара — женщина.

Волосы у нее были чуть-чуть темнее космонитской бронзы, пышные и в настоящий момент растрепанные. Продолговатое лицо, нос немного

картошкой, крупный подбородок. Она почесывала себе бок чуть повыше талии, и Бейли понадеялся, что она не станет откидывать простыню. В памяти было еще живо вольное поведение Глэдии во время сеанса.

Бейли сардонически усмехнулся про себя, расставаясь с очередной иллюзией. На Земле почему-то считалось, что все космонитки — красавицы, и Глэдия подтверждала правило. Но ассистентка Грюера была некрасива даже и по земным меркам.

Поэтому, когда она заговорила, инспектор удивился приятному контральто.

— Послушайте, вы знаете, который час? — спросила она.

— Знаю. Но поскольку я хотел бы к вам приехать, то счел нужным предупредить.

— Приехать? Праведное небо... — она широко раскрыла глаза и поднесла руку к подбородку. На пальце у нее было кольцо, первое украшение, которое Бейли увидел на Солярии. — А вы случайно не мой новый ассистент?

— Нет, ничего похожего. Я расследую дело о смерти Рикэна Дельмара.

— Да? Ну и расследуйте себе.

— Как вас зовут?

— Клорисса Канторо.

— Вы давно работаете у доктора Дельмара?

— Три года.

— Вы ведь сейчас находитесь по месту работы? — Бейли устыдился своего казенного выражения, но он не знал, как называется место работы фетоинженера.

— То есть на ферме? — недовольно переспросила Клорисса. — Ну конечно. Я ее не покидала с тех самых пор, как пристукнули старика, и буду, похоже, торчать здесь, пока мне не назначат ассистента. Кстати, вы не могли бы ускорить это дело?

— Извините, мэм, я не обладаю таким влиянием.

— Что ж, спросить никогда не мешает.

Клорисса откинула простыню и без стеснения вылезла из постели. На ней было что-то вроде ночной рубашки, и она взялась за язычок замка около шеи.

— Минутку, — поспешно сказал Бейли. — Если вы согласны со мной встретиться, давайте сейчас расстанемся, и вы сможете одеться без посторонних глаз.

— Без посторонних глаз? — Она выпятила нижнюю губу и с любопытством уставилась на

Бейли. — Вы настолько щепетильны? Прямо как мой босс.

— Так, значит, можно с вами встретиться? Я хотел бы осмотреть ферму.

— Не понимаю, о какой встрече вы говорите, не если хотите видеть ферму, я вам устрою видеоэкскурсию. Дайте только мне умыться, сделать пару дел и немного проснуться, и я буду рада нарушить свою однообразную жизнь.

— Никакой видеоэкскурсии мне не надо. Я хочу видеть все своими глазами.

Женщина склонила голову набок и посмотрела на Бейли с профессиональным интересом.

— Вы извращенец, что ли? Давно проходили геноанализ?

— Иосафат! Да ведь я же с Земли. Элайдж Бейли.

— С Земли! — воскликнула она. — Праведное небо! А что вы здесь делаете? Или это какой-то сложный розыгрыш?

— Никакого розыгрыша. Меня пригласили расследовать убийство Дельмара. Я детектив, сыщик.

— А, вот вы о каком расследовании. Да ведь все и так знают, что его прикончила жена.

— Нет, мэм, мне это пока еще не ясно. Вы поз-

волите повидать вашу ферму и вас? Понимаете, будучи землянином, я не привык общаться по видео. Чувствую себя неловко. У меня есть разрешение от Службы Безопасности на встречи с людьми, которые могли бы мне помочь. Я покажу вам этот документ, если хотите.

— Покажите.

Бейли показал бумажку ее изображению.

— Встречаться! — потрясла она головой. — Надо же, гадость какая. А впрочем, что такое еще немного мерзости вдобавок к моей мерзкой работе? Только смотрите не приближайтесь ко мне. Держитесь на расстоянии, Можем кричать или передавать через робота, если надо. Понятно?

— Понятно.

Застежка ночной рубашки разъехалась, изображение погасло, и последним словом, которое услышал Бейли, было:

— Землянин!

— Достаточно, ближе не надо, — сказала Клорисса.

Бейли, стоя в двадцати пяти футах от нее, сказал:

— Я не возражаю, но хотел бы поскорей пройти в дом.

На этот раз почему-то все сошло не так уж

плохо: он перенес полет почти спокойно, но перегибать палку не следовало. Бейли еле сдерживался, чтобы не оттягивать воротник — так ему было душно.

— Что это с вами? — резко спросила Клорисса. — Вид у вас никудышный.

— Я не привык находиться на воздухе.

— Ну конечно! Вы же землянин! Всю жизнь взаперти. Праведное небо! — Она скривила губы, будто съела что-то неаппетитное. — Ну входите, только я сначала уйду с дороги. Готово. Давайте!

Ее волосы были заплетены в две толстые косы и уложены вокруг головы в сложную геометрическую конструкцию. Интересно, долго ли она возилась с такой прической, подумал Бейли, но потом сообразил, что тут, скорее всего, поработали не ведающие ошибок пальцы робота.

Прическа скрашивала продолговатое лицо Клориссы, придавала ему какую-то симметрию и делала его привлекательным, если не красивым. Она не пользовалась косметикой, а в одежде, видимо, стремилась только к удобству. В ее наряде преобладали глухие темно-синие тона, с которыми совсем не гармонировали лиловые перчатки до локтя — они явно не входили в обыденный костюм Клориссы. Бейли заметил утолщение на

пальце под перчаткой, где было кольцо.

Они стояли в разных концах комнаты, глядя друг на друга.

— Вам неприятна эта встреча, мэм? — спросил Бейли.

— А что тут приятного? — пожала плечами Клорисса. — Я не животное. Но терпеть можно. Поневоле закаляешься, когда имеешь дело с... — Она замолчала, потом вздернула подбородок, решившись говорить без жеманства: — ...с детьми, — Она четко выговорила запретное слово.

— Вы говорите так, будто вам не нравится ваша работа.

— Это работа важная, и кто-то должен ее делать. Но нет, она мне не нравится.

— А Рикэну Дельмару нравилась?

— Думаю, что нет, но он никогда этого не показывал. Он был хороший солярианин.

— И щепетильный.

Клорисса удивилась.

— Вы сами сказали. Когда мы говорили по видео и я предложил расстаться, чтобы вы могли одеться без посторонних глаз, вы заявили, что я такой же щепетильный, как ваш босс.

— А-а. Да, он таким и был. Даже по видео нико-

гда не позволял себе никаких вольностей. Всегда вел себя образцово.

— Это не совсем обычно?

— Ну почему же? В принципе все должны вести себя образцово, только никто этого не делает. Особенно по видео. Раз человека здесь нет, зачем стесняться? Знаете, я никогда не стесняю себя во время сеансов — только с боссом было иначе. С ним приходилось держаться в рамках.

— Вы восхищались доктором Дельмаром?

— Он был истинный солярианин.

— Вы назвали это место фермой и упомянули о детях. Вы здесь растите детей?

— С месячного возраста. Сюда поступают эмбрионы со всей Солярии.

— Эмбрионы?

— Да, эмбрионы, зародыши, — нахмурилась она. — Мы получаем их через месяц после зачатия. Вас это не смущает?

— Нет, — коротко ответил Бейли. — Вы покажете мне ваше хозяйство?

— Покажу. Только держите дистанцию.

Бейли с окаменевшим лицом смотрел в длинный зал, над которым они стояли. Между ними и залом была стеклянная перегородка, и по ту сторону, Бейли был в этом уверен, поддерживалась

идеальная температура, идеальная влажность, идеальная асептика. Повсюду тянулись ряды сосудов, в каждом из которых — в водянистом растворе, в питательной смеси, подобранной в идеальных пропорциях, — плавало крошечное существо. Они жили, они росли.

Крошечные существа, некоторые меньше его кулака, скрюченные, с выпуклыми головками, с конечностями, похожими на бутоны, и с хвостиками, которые скоро исчезнут,

Клорисса, в двадцати футах от него, спросила:

— Ну как, нравится, инспектор?

— Сколько их у вас тут?

— На сегодняшнее утро сто пятьдесят два. Мы каждый месяц получаем от пятнадцати до двадцати и столько же выпускаем в свет.

— Ваше учреждение — единственное на планете?

— Да. Одного достаточно для сохранения популяции, при средней продолжительности жизни триста лет и двадцати тысячах населения. Это здание — совершенно новое. Доктор Дельмар сам руководил постройкой и внес много нового в нашу технологию. Сейчас эмбриональная смертность практически равна нулю.

Между сосудами сновали роботы, неустанно

и тщательно считывая показания приборов у каждого сосуда.

— А кто оперирует материей? — спросил Бейли. — То есть извлекает малюток?

— Доктора.

— Доктор Дельмар тоже?

— Нет, конечно. Медики. Уж не думаете ли вы, что доктор Дельмар унизился бы до… ну неважно.

— А почему бы не использовать роботов?

— Роботы в хирургии? Первый Закон создает очень большие сложности, инспектор. Робот мог бы удалить аппендикс, чтобы спасти жизнь человеку, но сомневаюсь, чтобы потом этим роботом можно было пользоваться без капитального ремонта. Резать человеческую плоть — слишком большая травма для позитронного мозга. Только люди способны привыкнуть к этому — и даже к пребыванию рядом с пациентом.

— Но у вас, я вижу, роботы ухаживают за эмбрионами. Вы или доктор Дельмар когда-нибудь вмешивались в их действия?

— Иногда приходится, когда что-то идет не так, как надо. Например, если зародыш развивается неправильно. Нельзя полагаться на то, что роботы зерно оценят ситуацию, когда речь идет о

человеческой жизни.

— Да, сделай они неверный шаг — и жизнь погибнет, Это большой риск, — кивнул Бейли.

— Совсем наоборот. Риск в том, что они переоценят Жизнь и спасут ненужную, — сурово сказала женщина. — Мы, как фетоинженеры, следим за тем, чтобы дети рождались здоровыми, Бейли; *только* здоровыми. Даже тщательный геноанализ родителей не гарантирует благоприятной комбинации генов, не говоря уже о возможных мутациях. Неожиданные мутации доставляют нам много хлопот. Данный, показатель у нас ниже единицы на тысячу, и все-таки это значит, что в среднем раз в декаду у нас возникает проблема. — Клорисса пошла вдоль галереи, Бейли за ней, — Я покажу вам помещения для младенцев и дортуары для подросших детей. С ними гораздо больше хлопот, чем с зародышами. Здесь мы можем полагаться на роботов лишь до определенного предела.

— Почему?

— Вы поняли бы это: Бейли, если бы хоть раз попытались внушить роботу мысль о необходимости дисциплины. Первый Закон делает их просто непробиваемыми в этом отношении. И что вы думаете? Дети научаются вести себя с

роботами едва ли не раньше, чем говорить, Я видела, как трехлетний ребенок держал в бездействии дюжину роботов, вопя: «Вы мне сделали больно. Мне больно». Только робот высшей категории способен понять, что ребенок может лгать намеренно.

— А Дельмар умел унимать детей?

— Как правило, да.

— Как он это делал? Шел к ним и тряс, пока не образумятся?

— Чтобы доктор Дельмар до них дотрагивался? Праведное небо! Нет, конечно! Но он умел с ними разговаривать. И хорошо умел распоряжаться роботами. Я видела, как он продержал ребенка в кадре пятнадцать минут, а робота все это время заставлял его шлепать, раз за разом: шлеп, шлеп, шлеп. После этого ребенок понял, что с боссом шутки плохи. Босс был большой специалист, и робот, выполняя такие его команды, обычно нуждался потом лишь в обычной наладке.

— А вы? Вы ходите к детям?

— Увы, иногда приходится, Я не то что босс. Может, когда-нибудь я и научусь управляться с ними на расстоянии, но если я займусь этим теперь, то просто поломаю роботов, и все. Знаете, это целое искусство — командовать роботами

как следует. Но как подумаешь… Ходить к детям. Звереныши! А вы, видно, не против?

— Мне ничуть не страшно.

Клорисса пожала плечами и удивленно оглядела его.

— Землянин! — И снова пошла вперед. — И зачем вам все это? В конце концов придется признать, что убийца — Глэдия Дельмар. Придется, вот увидите.

— Не уверен, — сказал Бейли.

— Как так — не уверены? А кто еще?

— Вариантов много, мэм.

— Ну кто, например?

— Например, вы!

Реакция Клориссы на его слова очень удивила Бейли.

Глава двенадцатая
Выстрел не попадает в цель

Она рассмеялась.

Ее разобрал такой смех, что она стала задыхаться и вся побагровела. Она прислонилась к стене, ловя ртом воздух.

— Нет, не подходите, — остановила она Бейли, — Со мной все в порядке,

— Неужели это так смешно? — мрачно спросил инспектор.

Клорисса хотела ответить, снова расхохоталась и наконец прошептала:

— Какой же вы, землянин! Как я могла это сделать?

— Вы хорошо его знали. Знали все его привычки. Могли обдумать все заранее.

— И вы думаете, что я пришла к нему? Подошла настолько близко, чтобы размозжить голову? Ничего-то вы не понимаете, Бейли.

Бейли почувствовал, что краснеет.

— А почему бы и нет? Вы ведь привыкли… э-э… к личным контактам.

— С детьми.

— Одно вытекает из другого. Вы и мое присутствие как будто неплохо переносите.

— В двадцати футах от вас, — бросила она.

— Я только что был у человека, который чуть не упал в обморок во время моего визита.

— Разница только в степени выносливости, — посерьезнела Клорисса.

— По-моему, эта разница как раз все и решает. Привыкнув общаться с детьми, вы могли бы достаточно долго терпеть и присутствие Дельмара.

— Бот что, мистер Бейли, — уже без тени веселости сказала Клорисса, — что могла бы вынести я — дело десятое. Доктор Дельмар был щепетильный человек — почти такой же, как Либич. Почти. Даже если бы я и вынесла его присутствие, он бы не вынес моего. Госпожа Дельмар — единственная, кого он допустил бы к себе.

— А кто такой Либич?

— Этакий чудаковатый гений. Работал с боссом над роботами.

Бейли сделал в уме заметку и вернулся в разговору.

— Можно даже сказать, что у вас был мотив.

— Какой мотив?

— После смерти Дельмара вы заняли его должность, продвинулись по служебной лестнице.

— И это, по-вашему, мотив? Праведное небо, да кому нужна такая должность? Найдите мне на Солярии хоть одного желающего. Как раз из-за этого босса надо было беречь как зеницу ока. Пылинки с него сдувать. Придумайте что-нибудь получше, землянин.

Бейли нерешительно поскреб пальцем шею, понимая справедливость ее слов.

— Вы обратили внимание на мое кольцо, мистер Бейли? — спросила она. И даже собралась было снять правую перчатку, но передумала.

— Обратил.

— Вам, наверное, неизвестно его значение?

— Нет, — ответил он и с горечью подумал: никогда мне, видно, не избавиться от невежества.

— В таком случае не хотите ли небольшую лекцию?

— Если она поможет мне разобраться в вашем проклятом мире, то непременно.

— Праведное небо! — улыбнулась Клорисса. — Наверно, мы кажемся вам такими же, какой бы нам показалась Земля. Подумать только. Смотрите, вот пустая комната. Давайте войдем и сядем — нет, она недостаточно большая. Знаете что — садитесь, а я постою снаружи.

Клорисса отступила подальше по коридору,

пропуская Бейли в комнату, а потом встала у противоположной стены, чтобы видеть его.

Бейли сел, не особенно заботясь о галантности. Хочет стоять — ну и пусть ее, мстительно подумал он.

Клорисса начала, сложив на груди мускулистые руки:

— Геноанализ — ключ к нашему обществу. Гены, разумеется, нельзя анализировать напрямую, но каждый ген управляет одним энзимом, и можно анализировать энзимы. Кто знает энзимы, знает биохимию тела. Кто знает биохимию, знает человека. Понятно?

— В теории да. Как осуществляется на практике, не знаю.

— Это делается здесь, у нас. Анализ крови производится еще на поздней стадии эмбрионального развития. Так мы делаем первую прикидку. В идеале мы должны засечь все мутации уже на этой стадии и решить, показано рождение или нет. Но на практике мы знаем недостаточно, чтобы исключить всякую возможность ошибки. Когда-нибудь мы к этому придем. А пока что продолжаем тесты и после рождения: биопсия, кровь и прочее. Во всяком случае, задолго до повзросления мы точно знаем, из чего сделаны

наши мальчики и девочки.

«Из конфет, из пирожных…» — вдруг вспомнилось Бейли.

— Мы носим кольца с обозначением своего генетического кода, — продолжала Клорисса. — Это старый обычай, пережиток тех примитивных времен, когда на Солярии еще не существовало евгеники. Теперь-то мы все здоровы.

— Но вы все-таки носите свое кольцо. Почему?

— Потому что я — особый случай, — без тени смущения, с нескрываемой гордостью сказала Клорисса. — Доктор Дельмар долго выбирал себе ассистента. Ему как раз и нужен был особый человек. Мозги, изобретательность, трудолюбие, надежность. Главное, надежность. Чтобы человек мог долго находиться среди детей и не сорваться.

— А сам он был на это не способен, верно? Значит, был ненадежен?

— В какой-то степени, но такая степень даже желательна. Вот вы руки моете?

Бейли покосился на свои руки — они были вполне чистые — и сказал:

— Да.

— Ну так вот — вы считались бы крайне ненадежным человеком, если бы отвращение ко всякой грязи доходило у вас до такой степени,

что вы не смогли бы вычистить замасленный механизм даже в чрезвычайной ситуации. Но в обыденной жизни определенная степень брезгливости заставляет вас мыть руки, и это нормально.

— Понятно. Продолжайте.

— Это все. По генетическому здоровью я занимаю третье место на Солярии с тех пор, как стали вести записи — потому и ношу кольцо. Мне нравится носить мой знак отличия,

— Поздравляю вас,

— Нечего ехидничать. Может, это и не моя заслуга, а слепая комбинация родительских генов, но все же есть чем гордиться. Никто не поверит, что я способна на такой психопатический поступок, как убийство — только не с моим генетическим строением. Так что не трудитесь обвинять меня.

Бейли молча пожал плечами. Похоже, эта женщина путает генетическое строение с доказательствами, как, наверное, и вся Солярия.

— Хотите теперь посмотреть молодняк?

— Да, благодарю вас.

Коридоры тянулись бесконечно — здание, должно быть, было громадное. Не такое, конечно, как квартирные блоки в земных Городах, но для

отдельного строения, стоящего на поверхности планеты, оно было просто колоссальное.

Клорисса показала Бейли сотни кроваток, где пищали, спали или кормились розовые младенцы. Дальше шли игровые комнаты для ползунков.

— В этом возрасте они еще ничего, — ворчливо говорила Клорисса; — хотя и требуют огромного количества роботов. Пока дети не начали ходить, почти на каждого из них приходится по одному роботу.

— А зачем?

— Они заболевают, если не получают индивидуальной заботы.

— Да, потребность в ласке остается, ничего тут не поделаешь.

— Я сказала «забота», — нахмурилась Клорисса.

— Просто удивительно — неужели роботы могут удовлетворить потребность в ласке?

Клорисса резко обернулась, и даже на расстоянии было видно, как она недовольна.

— Вот что, Бейли, если вы хотите меня шокировать неприличными словами, то вам это не удастся. Что вы как ребенок, праведное небо!

— Шокировать?

— Я и сама могу произнести это слово. Ласка! Хотите еще и слово из шести букв? Тоже могу. Любовь! Любовь! А теперь, если вам полегчало, ведите себя прилично.

Бейли, не вдаваясь в вопросы приличий, сказал:

— Спрошу по-другому: разве роботы могут заботиться о детях как следует?

— Очевидно, могут, иначе наша ферма не достигла бы таких успехов. Они балуют детей, нянчатся, носятся с ними. Дети-то не понимают, что это всего лишь роботы. Но от трех до десяти с детьми становится трудно.

— Да?

— В эти годы они непременно хотят играть друг с другом. Все поголовно.

— И вы им, стало быть, разрешаете?

— Приходится — но мы всегда помним о том, что обязаны готовить их к взрослой жизни. Каждый ребенок живет в отдельной комнате, где можно запираться. Они с самых ранних лет спят одни — мы настаиваем. В распорядок дня входят часы уединения, которые с возрастом увеличиваются. Когда ребенку исполняется десять лет, он уже может довольствоваться видеоконтактами целую неделю. Разумеется, и видеотехника у нас

превосходная. Связь можно поддерживать на воздухе, в движении — хоть целый день.

— Странно, что вам удается справиться с инстинктом. Я вижу, вы сражаетесь с ним, и на удивление успешно.

— О каком инстинкте вы говорите?

— О стадном. Он ведь налицо. Вы сами сказали, что дети хотят играть друг с другом.

— Вы называете это инстинктом? Пусть будет так. Праведное небо, ребенок инстинктивно, боится упасть, а взрослых можно приучить работать на высоте, где все время существует опасность падения. Вы же видели выступления воздушных гимнастов? Есть такие миры, где люди и живут в высотных домах. Еще дети инстинктивно боятся громких звуков, а вы разве боитесь?

— В пределах разумного.

— Могу поспорить, что земляне не могли бы спать при полной тишине. Праведное небо, нет такого инстинкта, который бы не поддался хорошему, настойчивому воспитанию. Особенно у человека, инстинкты которого слабы. А при правильном подходе каждое новое поколение будет все легче воспитывать. Вопрос эволюции.

— То есть как?

— А вы не понимаете? Каждая особь повторяет

в своем развитии процесс эволюции. У наших зародышей в определенный период были и жабры, и хвост. Эти стадии нельзя миновать. Вот так же и ребенок должен пройти стадию общественного животного. Но если зародыш за один месяц проходит стадию эволюции, на которую ушло сто миллионов лет, то и дети могут ускоренно пройти стадию общественного животного. Доктор Дельмар придерживался мнения, что постепенно, со сменой поколений, мы будем проходить ее все быстрее.

— В самом деле?

— Он подсчитал, что при нынешних темпах через три тысячи лет наши дети смогут сразу переходить на видеоконтакт друг с другом. У босса были и другие идеи. Он стремился создать таких роботов, которые могли бы заставлять детей слушаться без ущерба для своего умственного здоровья. А почему бы и нет? Дисциплина сегодня, чтобы лучше жить завтра — истинная суть Первого Закона; жаль, что роботам это пока невдомек.

— И такие роботы были созданы?

— Боюсь, что нет. Доктор Дельмар и Либич напряженно работали над опытными моделями.

— Не отправлялись ли подобные модели в

имение доктора Дельмара? Он достаточно разбирался в роботехнике, чтобы самому проводить испытания?

— О да. Он часто испытывал роботов.

— Вы знаете, что в момент убийства при нем был робот?

— Да, говорили.

— Не знаете, какая это была модель?

— Спросите лучше у Либича. Я вам говорила — того роботехника, что работал с доктором Дельмаром.

— А вы не знаете?

— Нет, не знаю.

— Если что-нибудь вспомните, скажите мне.

— Хорошо. Но вы не думайте, что Дельмар занимался только новыми моделями роботов. Он говорил, что придет время, когда неоплодотворенные яйцеклетки будут храниться в. запасниках при температуре жидкого воздуха, а потом подвергаться искусственному осеменению. Таким образом принципы евгеники осуществятся полностью, и отпадет последняя рудиментарная надобность в личных встречах. Не могу сказать, чтобы мне всегда удавалось следовать за его мыслью, но это был человек больших горизонтов — истинный солярианин.

Может, выйдем на воздух? Группу от пяти до восьми сейчас вывели играть в подвижные игры, и вы сможете понаблюдать за ними.

— Попробуем, — осторожно сказал Бейли. — Только мне, возможно, потребуется спешно вернуться в дом.

— Ах да, я забыла. Может быть, не выходить вообще?

— Нет. — Бейли выдавил из себя улыбку. — Я стараюсь привыкать к открытому воздуху.

Ветер был сущим мучением. Из-за него было трудно дышать. Он не был холодным в буквальном смысле слова, но ощущение отделяемой от тела одежды обдавало инспектора холодом.

У Бейли стучали зубы; так что приходилось не выговаривать, а цедить слова. Глазам было больно смотреть на далекий, расплывчатый голубовато-зеленый горизонт. Чуть легче становилось, если перевести взгляд на дорожку под ногами. Главное было не смотреть вверх, в голубую пустоту, где нет ничего, кроме белых громад случайных облаков и сияния обнаженного солнца.

Однако, как бы то ни было, пока он на открытом пространстве!

Следуя шагах в десяти за Клориссой, Бейли

прошел мимо дерева и осторожно протянул руку, чтобы потрогать его. Оно было шероховатое и твердое на ощупь. Вверху двигались и шелестели листья на ветках, но Бейли не стал на них смотреть. Живое дерево!

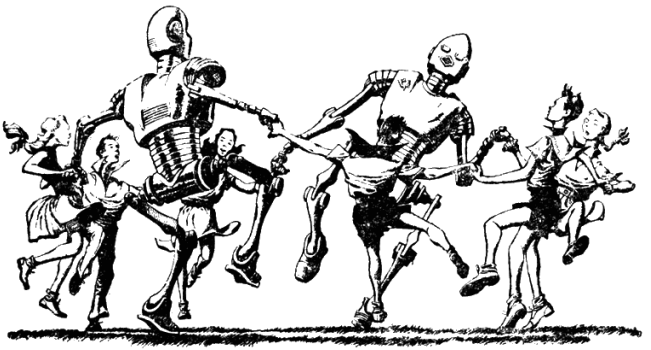
— Как вы себя чувствуете? — окликнула его Клорисса.

— Нормально.

— Группу уже видно. Они играют в какую-то игру. Игры организуют роботы, они же следят за тем, чтобы детеныши не залягали друг друга. Чего только не бывает при личном контакте.

Бейли медленно перевел взгляд на цементную дорожку, потом на траву, вниз по склону, все дальше и дальше, очень осторожно — чтобы тут же, если испугается, уставиться себе под ноги, — будто ощупывая дорогу…

Вот наконец вдали фигурки мальчиков и девочек. Носятся как угорелые, и горя им мало, что бегают по самому краю мира — дальше только воздух и космическое пространство. Среди детей, поблескивая, сновали роботы. В воздухе стоял гомон, в котором ничего нельзя было разобрать.



— До чего же им все это нравится, — сказала Клорисса. — Толкаться, пихаться, ругаться, падать, подниматься — контактировать, одним словом. Праведное небо! И как только дети ухитряются стать взрослыми!

— А что делают вон те, постарше? — Бейли указал на группу детей, стоящих поодиночке.

— У них видеоконтакт. С помощью видео можно делать все, что угодно: вместе гулять,

разговаривать, бегать, играть. Все можно, кроме физического контакта.

— А куда отправляются дети, когда уходят с фермы?

— В свои поместья. Количество смертей примерно соответствует количеству выпускников.

— В поместья своих родителей?

— Праведное небо, нет, конечно! Было бы поразительным совпадением, если бы родители умирали как раз тогда, когда дети достигнут совершеннолетия, не так ли? Нет, дети занимают освободившиеся поместья. Не думаю, чтобы кому-то из них было приятно жить в бывшем родительском имении, если бы они знали, конечно, кто их родители.

— Так они не знают?

— А зачем? — подняла брови Клорисса.

— Разве родители не навещают своих детей?

— Еще что придумаете! С какой стати?

— А можно я выясню кое-что для себя? Спрашивать людей, есть ли у них дети — дурной тон?

— Весьма интимный вопрос, вы не находите?

— В общем, да.

— Я-то привычная. Дети — моя профессия. Но о других этого не скажешь.

— Ау вас есть дети?

У Клориссы на шее слегка, но заметно дрогнул кадык — она сглотнула.

— Ну что ж, сама заслужила, А вы заслужили ответ. Нету.

— Вы замужем?

— Да, и у меня есть свое поместье, где я бы сейчас и была, если бы не чрезвычайная ситуация. Я просто не уверена, что смогу управлять всеми роботами, не присутствуя здесь. — Расстроенная Клорисса отвернулась и посмотрела на детей. — Ну вот, один уже шлепнулся и, конечно, плачет.

К ребенку большими шагами устремился робот.

— Сейчас его поднимут, возьму на руки, а если он сильно пострадал, позовут меня. Надеюсь, что этого не случится, — нервно добавила она.

Бейли набрал в грудь воздуха. Футах в пятидесяти влево от себя он заметил три дерева, образующие небольшой треугольник, и пошел к ним по мерзкой, мягкой траве — мягкой до омерзения (точно идешь по гниющему мясу, подумал Бейли, и его чуть не вырвало при этой мысли).

Но он дошел и прислонился спиной к стволу. Так было похоже, будто вокруг стены, хоть и ненадежные. Солнце бросало сквозь листву дрожащие блики, такие редкие, Что они почти не

вызывали ужаса.

Клорисса, посмотрев на него с тропинки, медленно приблизилась на половину прежнего расстояния.

— Ничего, если я немного постою здесь? — спросил Бейли.

— Сделайте милость.

— Когда молодые люди уходят с фермы, как они потом ухаживают друг за другом?

— Ухаживают?

— Ну знакомятся, — Бейли не знал, как бы выразиться поприличнее, — чтобы потом пожениться.

— Это не их забота. Пары подбираются по результатам геноанализа, как правило, в ранней молодости. Очень разумно, не правда ли?

— И они охотно соглашаются?

— На брак? Никогда! Это очень большая травма. Нужно долго привыкать друг к другу, но короткие ежедневные встречи, после того как пройдет первое отвращение, могут творить чудеса.

— А если кому-то не понравится партнер?

— Что значит не понравится? Если геноанализ говорит, что партнер тебе подходит, то какая разница…

— Понял, понял, — торопливо сказал Бейли,

вспомнил Землю и вздохнул.

— Хотите узнать еще что-нибудь?

Бейли не знал, стоит ли ему тут оставаться. Не худо бы распрощаться с Клориссой и фетоинженерией и перейти к следующему этапу.

Он открыл было рот, чтобы сказать ей об этом, но тут Клорисса закричала кому-то вдали:

— Эй, ребенок! Ты что делаешь? — И крикнула через плечо: — Землянин! Бейли! Берегитесь! Берегитесь!

Бейли почти не разобрал, что она кричит, но в ответ на тревожную нотку в ее голосе узда, в которой он держал свои эмоции, лопнула, и его охватила паника. Весь ужас открытого пространства и необъятного свода небес нахлынул с новой силой.

У Бейли вырвались какие-то нечленораздельные звуки. Будто наблюдая за собой со стороны, он услышал собственный лепет и ощутил, как падает на колени и медленно перекатывается на бок.

Что-то со свистом прорезало воздух над ним, и раздался сильный удар.

Бейли закрыл глаза, вцепился в выступающий из земли тонкий корень дерева и зарылся ногтями в грязь.

Когда он открыл глаза, прошло, наверное, всего несколько мгновений. Клорисса распекала державшегося поодаль мальчишку. Чуть поближе к ней молча стоял робот. Бейли успел рассмотреть в руках у мальчишки предмет с чем-то вроде струны.

Потом Бейли, тяжело дыша, поднялся на ноги и посмотрел на блестящий металлический стержень, торчащий в стволе дерева, о который он только что опирался. Бейли потянул, и стержень

уступил — он вонзился неглубоко. Элайдж посмотрел на конец стержня, не дотрагиваясь до него. Наконечник был тупой, но мог бы здорово его поцарапать, если бы он не упал.

Ноги подчинились Бейли со второй попытки. Он сделал шаг вперед.

— Эй, парень!

Клорисса, вся красная, обернулась.

— Это был несчастный случай, Вас не задело?

— Нет. Что это за штука?

— Стрела. Ею стреляют из лука, натягивая тетиву.

— Вот так, — нахально крикнул мальчишка, пуская в воздух другую стрелу, и засмеялся. Он был гибкий, со светлыми волосами.

— Ты будешь наказан, — сказала Клорисса. — Ступай.

— Постой, постой, — вмешался Бейли, потирая ушибленное при падении колено. — У меня есть вопросы, Как тебя зовут?

— Бик, — беззаботно бросил мальчик.

— Так ты стрелял в меня из лука, Бик?

— Ага.

— А ты знаешь, что мог бы попасть, если б меня не предупредили и я бы не упал?

— Так я и хотел попасть, — пожал плечами

Бик.

— Тут нужно кое-что объяснить, — торопливо вмешалась Клорисса. — Стрельба из лука у нас поощряется. Этот вид спорта допускает соревнование без личного контакта. Мы устраиваем среди мальчиков видеосостязания. Теперь я начинаю бояться, что они иногда стреляют в роботов. Им весело, а роботам никакого вреда. Я единственный взрослый человек в имении — может быть, мальчик принял вас за робота.

Пока Бейли слушал ее, в голове у него понемногу прояснялось, и суровое выражение, свойственное его вытянутому лицу, усиливалось.

— Бик, ты думал, что я робот?

— Нет. Вы землянин.

— Хорошо. Теперь иди.

Бик повернулся и убежал, насвистывая, а Бейли обратился к роботу:

— Эй ты! Откуда мальчишка знает, что я землянин? Или тебя не было рядом, когда он стрелял?

— Я был рядом, господин. Это я ему сказал, что вы землянин.

— И сказал, кто такой землянин?

— Да, господин.

— Кто же он такой?

— Человек низшей категории, которого не

следует допускать на Солярию, поскольку он распространяет инфекцию, господин.

— А ты от кого узнал?

Робот не ответил.

— Не знаешь?

— Нет, господин. Это заложено в моей памяти.

— Значит, ты сказал мальчику, что я — недочеловек, распространяю инфекции, и он тут же в меня выстрелил. Почему ты его не остановил?

— Я хотел, господин. Я не допустил бы, чтобы человеку причинили вред, даже землянину. Но он действовал слишком быстро, и я не успел.

— А может быть, ты подумал, что землянин все-таки не совсем человек, и немного замешкался?

— Нет, господин, — спокойно ответил робот. Бейли мрачно скривил губы. Робот, скорее всего, говорил правду, но инспектор чувствовал, что что-то тут не так.

— Что ты делал рядом с мальчиком? — спросил он робота.

— Я носил за ним стрелы, господин.

— Можно посмотреть? — Бейли протянул руку, робот подошел и подал ему с дюжину стрел. Бейли осторожно положил стрелу, которая вонзилась в дерево, у своих ног и поочередно осмотрел все прочие. Потом вернул их роботу и снова взял в

руки первую стрелу.

— Почему ты подал мальчику именно эту?

— Особой причины не было, господин. Мальчик попросил стрелу, и я взял ее наугад. Он стал искать цель, затем увидел вас и спросил, кто этот незнакомец. Я объяснил…

— Я уже слышал, как ты ему объяснил, У стрелы, которую ты подал, серое оперение — только у нее одной, У остальных стрел оно черное.

Робот смотрел на него непонимающим взглядом.

— Это ты привел сюда мальчишку? — спросил Бейли.

— Мы просто гуляли, господин.

Бейли посмотрел в просвет между деревьями, из которого прилетела стрела.

— Бик у вас, случайно, не лучший стрелок из лука?

— Лучший, господин, — склонил голову робот.

— Как вы догадались? — ахнула Клорисса.

— Одно вытекает из другого, — сухо сказал Бейли. — Будьте добры, сравните серую стрелу с прочими. Только у серой стрелы наконечник покрыт чем-то маслянистым. Рискую впасть в мелодраму, мэм, но все же скажу — ваш окрик спас мне жизнь. Стрела, которой целили в меня,

отравлена.

Глава тринадцатая
Роботехник усмиряется

— Невозможно! — воскликнула Клорисса. — Праведное небо, это просто невозможно!

— Праведное там или неправедное — есть у вас на ферме животное, которого не жалко? Поцарапайте его этой стрелой и посмотрите; что получится.

— Но зачем кому-то…

— Зачем, я знаю, — отрезал Бейли. — Вопрос в том, кто.

— Никто.

У Бейли снова все поплыло перед глазами. Он со злостью швырнул стрелу в сторону Клориссы, та проводила ее взглядом.

— Поднимите, — крикнул Бейли, — и уничтожьте, если не хотите проверять. Не то на нее наткнутся дети, и произойдет несчастье.

Клорисса поспешно взяла стрелу, зажала между большим и указательным пальцами.

Бейли бросился к дому и нырнул в ближайшую дверь, Клорисса последовала за ним со стрелой в руке.

Немного восстановив душевное равновесие в четырех стенах, Бейли спросил:

— Кто отравил стрелу?

— Представления не имею.

— Не сам же мальчик. Вы не могли бы установить, кто его родители?

— Можно справиться в картотеке, — буркнула Клорисса.

— Так вы сохраняете записи о родстве?

— Да, для геноанализа.

— А парень не мог знать, кто его родители?

— Исключено,

— А вдруг он как-то выяснил?

— Ему пришлось бы взломать дверь в комнату: где хранятся записи Исключено.

— А если бы в имение явился взрослый человек и пожелал узнать, кто его ребенок?

— Крайне маловероятно, — вспыхнула Клорисса.

— И все же предположим. Ему бы ответили?

— Не знаю. Собственно, законом это не возбраняется. Просто не принято.

— Вот вы бы ответили?

— Постаралась бы уклониться. Доктор Дельмар не ответил бы; я знаю. Он был убежден, что родственные связи нужны только для геноанализа.

До него, возможно: порядки были помягче. А почему вы обо всем этом спрашиваете?

— Мне непонятно, какой мотив мог быть у самого пария — может, он действовал по наущению родителей?

— Ужас какой, — Клорисса в расстроенных чувствах подошла к Бейли на небывало близкое расстояние и далее протянула инспектору руку. — Как это все могло произойти? Босс мертв, вас чуть не убили. А ведь на Солярии нет причин для насилия. У всех есть все, что хочется, — значит, нет зависти. Нет родственных связей — значит, нет и семейных распрей. У всех отменное генетическое здоровье. — Вдруг ее лицо прояснилось, — Погодите-ка. Стрела не могла быть отравлена. В обратном вы меня не убедите.

— Почему?

— С Биком был робот. Он не допустил бы никакого яда. Он ни в коем случае не мог совершить ничего такого, что причинило бы вред человеку. Гарантия — Первый Закон Роботехники.

— Да? Что это за Первый Закон?

— То есть как? — уставилась на него Клорисса,

— Да так. Велите проверить стрелу и убедитесь, что она отравлена, — Самого Бейли проверка мало заботила — он и так знал, что стрела отрав-

лена. — Вы все еще верите, что госпожа Дельмар виновна в смерти мужа?

— Там никого не было, кроме нее.

— Понятно, А здесь не было ни одного взрослого человека, кроме вас, когда в меня выстрелили отравленной стрелой.

— Я к этому не имею никакого отношения, — энергично возразила Клорисса.

— Возможно, Возможно также, что и госпожа Дельмар невиновна. Вы разрешите воспользоваться вашим видеофоном?

— Да, конечно.

Бейли точно знал, с кем собирается говорить — и это была не Глэдия, И вдруг, неожиданно для себя, сказал роботу:

— Соедини меня с Глэдией Дельмар.

Робот молча подчинился, и Бейли стал наблюдать за ним, сам удивляясь, почему так распорядился.

Потому, что о ней только что шел разговор, потому, что его немного беспокоила их недавняя ссора или просто потому, что, насмотревшись на пышущую здоровьем, донельзя практичную Клориссу, он стремился для разнообразия взглянуть на Глэдию?

Иосафат! Иногда приходится играть по слуху,

примирительно подумал он.

Она явилась перед ним, сидя на большом стуле с прямой спинкой, который делал ее еще меньше и еще беззащитнее. Волосы были зачесаны назад и собраны в пучок. В ушах висели серьги с камнями, похожими на бриллианты. На ней было простенькое платьице, узкое в талии. Она тихо сказала:

— Хорошо, что вы меня вызвали, Элайдж. Я сама пыталась вас найти.

— Доброе утро, Глэдия. — (Или день? Или вечер? Он не знал, сколько сейчас времени у Глэдии, и не мог угадать по ее платью.) — Зачем вы меня искали?

— Чтобы извиниться перед вами за то, что вышла из себя на последнем сеансе. Но господин Оливо не знал, где вы.

Бейли представил себе Дэниела под неусыпной охраной роботов и спрятал улыбку.

— Ничего страшного. Через несколько часов я буду у вас.

— Конечно… то есть как — будете?

— Собственной персоной, — отрезал Бейли.

Она широко раскрыла глаза и впилась пальцами в гладкие пластмассовые подлокотники.

— Что, так нужно?

— Необходимо.

— Не думаю, что…

— Вы разрешаете?

— Это совершенно необходимо? — спросила она, глядя в сторону.

— Да. Но сначала я должен встретиться кое с кем еще. Ваш муж интересовался роботехникой — вы сами говорили мне, да и другие тоже — но ведь он не был профессионалом?

— У него было другое образование, Элайдж, — ответила она, все еще избегая смотреть на него.

— И ему помогал какой-то роботехник, верно?

— Джотан Либич, — тут же ответила она. — Мой близкий друг.

— В самом деле? — воскликнул Бейли.

— Я, наверное, зря это сказала, — смешалась Глэдия.

— Почему же зря, если это правда.

— Все время боюсь сказать что-нибудь такое, что покажется… Вы не представляете, как тяжело, когда все думают, что вы в чем-то виноваты.

— Не обращайте внимания, В чем проявляется ваша дружба с Либичем?

— Ну, как сказать… Он живет в соседнем поместье. Затраты видеоэнергии практически равны нулю, так что мы можем постоянно общаться в

движении без всяких хлопот. Мы с ним гуляем вместе — точнее, гуляли.

— Никогда бы не подумал, что вы способны с кем-то прогуливаться,

— Я же сказала — с помощью видео, — вспыхнула Глэдия, — Все время забываю, что вы землянин. При видеосвязи в свободном движении фокус сосредоточивается на человеке, и можно ходить где угодно, не теряя контакта. Я гуляю в своем имении, он в своем, но мы как будто вместе. Это так приятно. — Она вдруг хихикнула. — Бедный Джотан.

— Почему бедный?

— Вспомнила, как вы подумали, что мы по-настоящему гуляем вместе. Он бы просто умер, если бы знал, что кто-то о нем так подумает.

— Почему?

— У него на этом пунктик. Он говорил мне, что уже в пять лет прекратил личные встречи — настоял на том, что будет общаться только по видео. Бывают такие дети. Рикэн, — она смутилась, но продолжала, — Рикэн, мой муж, однажды сказал мне по поводу Джотана, что таких детей будет все больше и больше. Он сказал, что это нечто вроде социальной эволюции и что у видеоконтактов большое будущее. А вы как считаете?

— Я здесь не авторитет.

— Джотан даже не женился. Рикэн сердился на него, говорил, что Джотан ведет себя антисоциально и что его гены нужны обществу, но Джотан не слушал.

— А имел он право не вступать в брак?

— Не то чтобы… Но знаете, он блестящий роботехник, а роботехники на Солярии ценятся. Думаю, на это просто закрыли глаза. Но Рикэн, по-моему, больше не хотел работать с Джотаном. Он мне сказал, что Джотан плохой солярианин,

— А Джотану он это говорил?

— Не знаю. Он работал с ним до самого конца.

— Но считал плохим солярианином за то, что тот не женился?

— Рикэн раз сказал, что брак — самое трудное в жизни, но надо терпеть.

— А вы что думаете на этот счет?

— О чем вы, Элайдж?

— Вы тоже полагаете, что брак — самое трудное в жизни?

С ее лица исчезло всякое выражение, точно она старательно смыла его.

— Никогда об этом не думала.

— Вы сказали, что гуляете с Джотаном Либичем, а потом поправились, изменили время с

настоящего на прошедшее. Значит, прогулки прекратились?

Глэдия покивала головой, и на ее лице снова появилось выражение — грустное.

— В общем, да. Пару раз я вызывала его по видео, но он постоянно был занят, и мне не хотелось — ну, вы понимаете.

— Это происходило после смерти вашего мужа?

— Нет, раньше. За несколько месяцев до нее.

— Может быть, доктор Дельмар запретил ему общаться с вами?

— Как запретил? — опешила Глэдия. — Мы с Джотаном не роботы. Как нам можно что-нибудь запретить?

Бейли не стал объяснять. Объяснение было бы чисто земное, и Глэдия ничего бы не поняла. Даже если бы он ухитрился растолковать, что к чему, то ничего, кроме отвращения, у нее бы не вызвал.

— Я просто так спросил. Я свяжусь с вами снова, Глэдия, когда поговорю с Либичем. Кстати, который у вас там час? — Он тут же пожалел о своем вопросе. Робот ответил бы в земных единицах, а Глэдия, пожалуй, ответит в солярианских — Бейли уже надоело признаваться в своем невежестве.

Однако ответ Глэдии был не точным, а описательным:

— Вторая половина дня.

— И у Либича в имении тоже?

— О да.

— Хорошо. Свяжусь в вами, как только смогу, и мы договоримся о встрече.

— Это совершенно необходимо? — снова заколебалась она.

— Да.

— Что ж, хорошо, — тихо ответила Глэдия.

С Либичем Бейли соединили не сразу, и он использовал промежуток, чтобы съесть еще один сандвич, который ему принесли прямо в упаковке. Бейли был теперь настороже и внимательно осмотрел обертку, прежде чем разорвать ее, а потом старательно исследовал содержимое.

Пластиковый пакетик с молоком, еще не совсем оттаявший, Бейли разодрал зубами и стал пить прямо из него. Невесело было думать о ядах медленного действия без запаха и вкуса, которые можно впрыснуть куда угодно при помощи иглы и шприца, но Бейли отогнал эту мысль; сочтя ее ребяческой. Пока что и убийство, и оба покушения совершались донельзя открыто. Удар по голове, доза яда: которой можно отравить

дюжину человек, стрела; пущенная прямо в жертву, — во всем этом не было ничего изощренного и утонченного.

Потом Бейли подумал, все так же невесело, что, если он и дальше будет прыгать между временными поясами, вряд ли ему удастся поесть по-человечески. Да и выспаться тоже, Тут к нему подошел робот.

— Доктор Либич предлагает вам повторить свой вызов завтра, У него срочная работа,

Бейли вскочил, на ноги и рявкнул;

— А ну скажи ему… — но осекся. Что толку кричать на робота? То есть кричать-то можно, но на робота крик действует не сильнее, чем шепот. И Бейли продолжал нормальным голосом: — Скажи доктору Либичу или роботу, с кем ты там ведешь переговоры, что я расследую убийство его коллеги, примерного солярианина. Скажи, что я не могу ждать, пока доктор закончит работу. Скажи, что, если он через пять минут не выйдет на связь, я сяду на самолет и встречусь с ним лично в его имении не позже чем через час. Так и скажи — встречусь лично, чтобы не было ошибки, — И Бейли вернулся к своему сандвичу.

Не прошло и пяти минут, как перед ним возник Либич — по крайней мере, солярианин, которого

Бейли счел Либичем.

Это был худощавый человек, который держался прямо и чопорно. В темных глазах навыкате застыло отрешенное выражение, сейчас слегка разбавленное гневом. Одно веко было чуть ниже другого.

— Вы землянин? — спросил он.

— Элайдж Бейли; инспектор класса *С-7*, расследую убийство доктора Рикэна Дельмара. А вы?

— Доктор Джотан Либич. Почему вы позволяете себе беспокоить меня во время работы?

— Потому что это моя работа.

— Так занимайтесь ею в другом месте.

— Сначала мне нужно задать вам несколько вопросов, доктор. Вы, кажется, тесно сотрудничали с доктором Дельмаром?

Либич вдруг сжал кулак и направился к камину, на котором маленький, хитро устроенный часовой механизм совершал сложные, гипнотизирующие глаз периодические движения.

Видоискатель следовал за Либичем так, что тот все время находился в центре кадра — перемещалась комната, дергаясь рывками в такт его шагам.

— Если вы тот инопланетянин, которого грозился доставить Грюер…

— Тот самый.

— Тогда вы здесь вопреки моему совету. Сеанс окончен.

— Нет, не прерывайте сеанс. — Бейли повысил голос и наставил на роботехника палец — тот при этом заметно отпрянул, в отвращении скривив свои полные губы, — Я ведь не блефовал, говоря о встрече.

— Пожалуйста, избавьте меня от вашей земной вульгарности.

— Если я что-то говорю, я это делаю. Я приду к вам, если нельзя заставить вас говорить по-другому. Возьму за шиворот и заставлю выслушать меня.

— Вы грязная скотина, — Либич попятился.

— Это как вам угодно, но я так и поступлю.

— Если вы вторгнетесь в мое имение, я… я…

— Что вы? Убьете меня? Вы часто так угрожаете людям?

— Я вам не угрожал.

— Тогда поговорим. Мы и так уже потеряли много ценного времени. Вы тесно сотрудничали с доктором Дельмаром. Верно?

Роботехник опустил голову и стал дышать медленно и мерно. Когда он поднял глаза, то уже полностью владел собой и даже выдавил корот-

кую безжизненную улыбку.

— Да.

— Дельмара, насколько я понял, интересовали роботы нового типа,

— Да.

— Какого именно типа?

— Вы роботехник?

— Нет. Объясните мне так, чтобы я понял.

— Не уверен, что смогу.

— А вы постарайтесь. Я, например, думаю, что ему нужны были роботы, способные заставить детей слушаться, Что для этого требовалось?

Либич поднял брови.

— Если не вдаваться в детали и опустить различные тонкости, то нужно усилить С-интеграл, управляющий двойной маршруткой реакцией Сикоровича на уровне W-65.

— Ребус какой-то.

— Тем не менее…

— Все равно ребус. Вы не можете объяснить по-другому?

— Это означает некоторое ослабление Первого Закона.

— Почему? Ведь ребенка наказывают для его же пользы — такова идея, верно?

— Для его же пользы! — Глаза Либича вспых-

нули, и он, почти позабыв о своем собеседнике, заговорил более свободно. — По-вашему, все так просто? Много ли людей способно претерпеть мелкие неудобства во имя будущих благ? Попробуйте внушить ребенку, что от сладкого у него может заболеть живот, а от горького живот вскоре пройдет! И вы хотите, чтобы это понял робот? Боль, которую робот причиняет ребенку, посылает мощный разрушительный импульс в позитронный мозг. Чтобы уравновесить этот импульс другим, выражающим будущую пользу, нужно столько основных и дополнительных схем, что мозг увеличивается на пятьдесят процентов — если не пожертвовать прочими схемами.

— Значит, вам не удалось создать такого робота?

— Нет, не удалось и не удастся. Да и никому не удастся.

— В день своей смерти Дельмар испытывал именно такую модель?

— Нет, не такую. Нас интересовали и более практические проблемы.

— Доктор Либич, — спокойно сказал Бейли, — мне предстоит еще многое усвоить в области роботехники, и я хочу попросить вас стать моим

учителем.

Либич затряс головой, и его приспущенное веко сползло еще ниже, будто он подмигнул, — впечатление получилось жутковатое.

— Излишне объяснять, что курс роботехники нельзя прочесть в считанные минуты. У меня нет времени.

— И все-таки вам придется позаниматься со мной. Тут у вас на Солярии все пропахло роботами. Если вопрос только во времени, я тем более должен к вам приехать. Я землянин и не могу удовлетворительно работать или думать с помощью видео.

Казалось бы, Либичу больше некуда выпрямляться, но он выпрямился.

— Ваши земные фобии меня не волнуют. Визит невозможен.

— Думаю, вы перемените свое мнение, когда я скажу то главное, о чем хотел проконсультироваться с вами.

— Что бы вы ни сказали, это ничего не изменит.

— Да? Тогда слушайте. Я убежден, что на протяжении всей истории существования позитронного робота Первый Закон Роботехники намеренно читался неверно.

— Как неверно? — дернулся Либич. — Глупец! Сумасшедший! Почему?

— Чтобы скрыть тот факт, — невозмутимо сказал Бейли, — что робот способен совершить убийство.

Глава четырнадцатая
Мотив выявляется

Либич медленно разинул рот. Бейли подумал, что он сейчас зарычит, но потом с большим удивлением убедился, что это самая неудачная попытка улыбнуться, которую ему доводилось видеть,

— Не говорите так, — сказал Либич. — Нигде и никогда.

— Почему?

— Потому что опасно поощрять недоверие к роботам даже в самой малой степени. Недоверие к роботам — болезнь человечества!

Он говорил так, будто внушал что-то малому ребенку. Говорил мягко, хотя ему, должно быть, хотелось орать в голос. Говорил, стараясь убедить, хотя с большей охотой, очевидно, прочитал бы Бейли смертный приговор.

— Вы знаете историю роботехники? — спросил он.

— Немного,

— Должны знать, раз вы землянин. Так вот. Вы знаете, что роботов с самого начала встретил ком-

плекс Франкенштейна? Их подозревали. Люди не доверяли им, боялись их. В результате роботехника стала чуть ли не подпольной наукой. Три Закона были приняты ради того, чтобы преодолеть эту враждебность, но даже и тогда Земля не допустила роботов в человеческое общество. Одной из причин, по которой первые поселенцы покинули Землю и отправились колонизировать космос, было создание социальных структур, где роботы могли бы избавить человека от бедности и тяжкого труда. И даже там подозрение продолжало тлеть, готовое в любой момент вырваться наружу.

— А вам приходилось сталкиваться с недоверием к роботам?

— Много раз, — мрачно ответил Либич.

— И потому вы и прочие роботехники сговорились чуть-чуть исказить факты, лишь бы усыпить общее подозрение?

— Никто ничего не искажал!

— И все Три Закона сформулированы правильно?

— Да!

— А я могу вам доказать, что неправильно, и, если вы не убедите меня в обратном, я по возможности повторю это перед всей Галактикой.

— Вы не в своем уме. Какое бы доказательство вы там ни выдумали, оно ложное, уверяю вас.

— Обсудим?

— Если это не займет много времени.

— Встретимся? Лицом к лицу? Худое лицо Либича передернулось.

— Нет!!

— До свидания, доктор Либич, Найдутся люди, которые меня выслушают.

— Подождите. Великая Галактика, да подождите же!

— Встретимся?

Роботехник медленно поднес руку к губам, помедлил, сунул в рот большой палец и уставился на Бейли пустым взором.

Что он, возвращается в младенчество, в возраст до пяти лет, когда ничто не запрещало ему встретиться со мной? — недоумевал Бейли.

— Встретимся? — повторил инспектор.

Либич медленно покачал головой.

— Не могу. Не могу, — простонал он едва разборчиво — мешал палец во рту. — Делайте что хотите.

На глазах у Бейли он отвернулся к стене, прямая спина согнулась, и дрожащие руки закрыли лицо.

— Что ж, хорошо, я согласен продолжать разговор по видео, — сказал Бейли.

— Извините меня. Сейчас вернусь, — не поворачиваясь, произнес Либич.

Бейли, освежившись в перерыве, смотрел на свое свежеумытое лицо в зеркале ванной. Кажется, он начинает чувствовать Солярию и соляриан? Пока трудно сказать. Он вздохнул, нажал кнопку — появился робот. Бейли, не оборачиваясь, спросил:

— Есть на ферме другой видеофон, кроме того, которым я пользуюсь?

— Еще три пульта, господин.

— Тогда скажи Клориссе Канторо — скажи своей госпоже, что я пока буду занимать этот и прошу меня не беспокоить.

— Да, господин.

Бейли вернулся туда, где в кадре так и оставался пустой угол комнаты Либича. Роботехник еще не вернулся, и Бейли настроился ждать, но ждал недолго. Вошел Либич, и его комната снова поехала вслед за ним. Очевидно, фокус тут же переместился с комнаты на человека. Бейли

вспомнил, как сложно устроен видеофон, и не мог не подивиться совершенству аппарата.

Либич, кажется, вполне овладел собой. Он зачесал волосы назад и переоделся. Теперь на нем был свободный костюм из блестящего, отражающего свет материала. Он опустился на легкий стульчик, откинув его от стены, и спросил ровным голосом:

— Итак, что вы собирались мне сказать относительно Первого Закона?

— Нас никто не подслушает?

— Нет, я принял меры.

Бейли кивнул.

— С вашего разрешения я процитирую Первый Закон.

— Едва ли в этом есть необходимость.

— Все же позвольте: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— И что же?

— Когда я высадился на Солярии, меня доставили в предназначенное мне имение на машине. Эта машина была закрыта со всех сторон, чтобы защитить меня от воздушного пространства. Как землянин, я…

— Знаю, знаю, — нетерпеливо прервал Ли-

бич. — Какое это имеет отношение к делу?

— Роботы, которые вели машину, не знали того, что известно вам. Я попросил открыть верх, и они тотчас повиновались. Второй Закон. Они обязаны подчиняться приказам. Мне, конечно, стало нехорошо, и я чуть не потерял сознания, пока машину опять не закрыли. Разве эти роботы не причинили мне вреда?

— По вашему же приказу, — отрезал Либич.

— Цитирую Второй Закон: «Робот должен повиноваться командам человека, кроме тех, которые противоречат Первому Закону». Как видите, они не должны были подчиняться мне.

— Чепуха. Ведь роботы не знали…

Бейли подался вперед.

— Ага! Вот оно! Прочтем же Первый Закон так, как его следует читать: «Робот не должен делать ничего, что, насколько ему известно, причинило бы вред человеку, или своим бездействием намеренно допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— Само собой разумеется.

— Не думаю, чтобы это понимал средний человек — иначе средний человек сознавал бы, что робот способен на убийство.

— Безумие! Бред! — с лица Либича сползла

всякая краска.

Бейли внимательно рассматривал свои пальцы. — Но ведь робот может выполнить невинное задание — ничего такого, что причинило бы вред человеку?

— Если ему прикажут.

— Да, конечно. Если ему прикажут, И второй робот тоже может выполнить невинное задание — ничего такого, что причинило бы вред человеку? Если ему прикажут?

— Да.

— а что, если эти два невинных задания, сами по себе совершенно безобидные, вместе взятые приведут к убийству?

— Что? — свирепо нахмурился Либич.

— Мне нужно ваше мнение как эксперта. Приведу вам условный пример. Предположим, человек говорит роботу: «Влей немного этой жидкости в стакан с молоком, который ты найдешь там-то и там-то. Эта жидкость безвредна. Я хочу только узнать, в какую реакцию она вступает с молоком, Когда я это узнаю, молоко будет вылито. Выполнив задание, забудь о нем».

Либич, все еще сердитый, молчал.

— Если бы я велел роботу влить таинственную жидкость в молоко, а затем подать молоко чело-

веку, Первый Закон заставил бы его спросить: «Что это за жидкость? Не повредит ли она человеку? Даже если бы робота заверили, что жидкость безвредна, Первый Закон все же заставил бы его усомниться в том, и он отказался бы подать молоко. Но ему сказали, что молоко выльют, Первый Закон не включается. Разве робот не выполнил бы подобный приказ?

Либич молча злобно смотрел на Бейли.

— Второй же робот, который наливал молоко, — продолжал тот, — не знает, что в него что-то добавили. В.полном неведении он подает молоко человеку, и человек умирает.

— Нет! — выкрикнул Либич.

— Почему же нет? Оба задания сами по себе безобидны. Только вместе взятые они ведут к убийству. Вы же не станете отрицать, что нечто подобное возможно?

— Тогда убийцей будет человек, который отдал эти приказы! — крикнул Либич.

— С философской точки зрения — да. Но убийцами-исполнителями, орудиями убийства, будут роботы.

— Ни один человек не станет отдавать таких приказов.

— Станет. Уже отдал. Именно таким образом

должно было совершиться покушение на убийство Грюера. Вы ведь слышали о нем?

— На Солярии слышишь все и вся.

— Значит, знаете, что Грюер был отравлен за обедом на глазах у меня и моего партнера, авроpианца господина Оливо. Вы можете предложить другой способ подать ему яд? Никого из людей в имении не было — вам как солярианин, нет надобности объяснять почему,

— Я не детектив и не выдвигаю гипотез.

— Вот я вам и предлагаю гипотезу. И хочу знать, насколько она реальна. Хочу знать, могут ли двое роботов произвести два раздельных действия, которые сами по себе безобидны, но вместе ведут к убийству. Вы эксперт, доктор Либич, Возможно ли такое?

— Да, — ответил загнанный в угол Либич так тихо, что Бейли с трудом расслышал ответ.

— Очень хорошо. Вот вам ваш Первый Закон.

Приспущенное веко Либича пару раз передернул тик. Он разнял свои сжатые руки, но пальцы остались согнутыми, будто каждая рука продолжала сжимать другую, призрачную. Либич опустил руки на колени, и только тогда пальцы распрямились. Бейли рассеянно наблюдал за его действиями.

— Теоретически возможно, — сказал Либич. — Теоретически! Вам так легко не разделаться с Первым Законом, землянин. Нужно очень умело формулировать приказы, чтобы обойти Первый Закон.

— Согласен, — сказал Бейли. — Я всего лишь землянин и в роботах ничего не понимаю, а приказы, которые приводил в пример, сформулировал условно. У солярианина, я уверен, это получилось бы куда лучше.

Либич, как будто не слыша, громко сказал:

— Если робота молено хитростью заставить причинить вред человеку, это означает только то, что позитронный мозг нужно совершенствовать. Следовало бы, собственно, усовершенствовать человека, но это не в нашей власти — значит, надо повышать дуракоустойчивость робота. Мы прогрессируем. Наши роботы стали разнообразнее, профессиональнее, способнее и безвреднее, чем были век назад. А через сто лет мы добьемся еще большего. Зачем заставлять робота управлять машиной, если можно снабдить позитронным мозгом саму машину. Это специализация, а возможна и универсализация. Почему бы не создать робота со съемными и сменными конечностями? А? Если бы…

— Вы единственный роботехник на Солярии? — прервал его Бейли.

— Не говорите глупостей.

— Я только спрашиваю. Доктор Дельмар, например, был единственный… э-э… фетоинженер, не считая его ассистентки.

— На Солярии около двадцати роботехников.

— И вы — лучший?

— Лучший, — ответил Либич без ложной скромности.

— И Дельмар работал с вами.

— Да.

— Насколько я понимаю, перед смертью он собирался прервать ваше сотрудничество.

— Ничего похожего. Кто подал вам эту мысль?

— Сдается мне, он не одобрял вашего холостого образа жизни.

— Наверное. Он был истинный солярианин. Но это не влияло на наши деловые отношения,

— Чтобы сменить тему: вы ведь не только разрабатываете новые модели, но также выпускаете роботов и ремонтируете их?

— Производством и ремонтом занимаются в основном сами роботы. В моем имении есть большой сборочный завод и ремонтная мастерская.

— Ремонтировать роботов очень сложно?

— Очень просто.

— Значит, техника ремонта недостаточно развита?

— Это вовсе не так.

— А как же тот робот, что присутствовал при убийстве доктора Дельмара?

Либич отвел глаза и сдвинул брови, будто в глубокой печали.

— С ним ничего нельзя было сделать.

— Так-таки ничего? Он совсем не мог отвечать на вопросы?

— Ни на один. Бесполезно было и пробовать. Позитронный мозг замкнуло необратимо. Не осталось ни одной неповрежденной схемы. Поймите — он был свидетелем убийства, которому не мог помешать.

— А почему, кстати?

— Кто знает? С ним экспериментировал доктор Дельмар. Я не знаю, в каком умственном состоянии находился робот. Дельмар, например, мог ему приказать приостановить все операции, пока исследовалась одна определенная схема. Если кто-то, кого ни доктор Дельмар, ни робот ни в чем дурном не подозревали, вдруг совершил смертоносное нападение, должно было пройти какое-то время, чтобы потенциал Первого Закона

в мозгу робота преодолел блокирующий приказ Дельмара. Время задержки зависит от способа нападения и от формулировки приказа. Могу вам подобрать еще с дюжину причин, по которым робот не мог помешать убийству. Так или иначе, Первый Закон был нарушен, оттого и сгорели все схемы в позитронном мозгу.

— Но если робот физически не мог помешать убийству, разве он несет за это ответственность? Разве Первый Закон требует невозможного?

Либич пожал плечами.

— Первый Закон, несмотря на ваши попытки умалить его, защищает человека до последнего. Он не допускает исключений. Если Первый Закон нарушен, робот погибает.

— Это универсальное правило, сэр?

— Такое же универсальное, как и сам робот.

— Вот я и узнал кое-что,

— Тогда узнайте кое-что еще. Ваша гипотеза убийства как серии безобидных в отдельности поступков роботов в деле Дельмара не срабатывает.

— Почему?

— Дельмара не отравили — его ударили по голове. Кто-то должен был нанести удар, и нанесла его человеческая рука. Ни один робот не возьмет

дубинку и не размозжит человеку череп.

— А если робот нажал безобидную кнопку и на голову Дельмара упал замаскированный груз?

— Землянин, — кисло улыбнулся Либич — я был на месте преступления. И не пропустил ни одного выпуска новостей. Убийство на Солярии, знаете ли, дело нешуточное. Я точно знаю, что на месте преступления не было никаких механизмов, никаких падающих грузов.

— И никаких тяжелых предметов.

— Вы сыщик, вот и ищите.

— Если исключить причастность роботов к смерти Дельмара, кто же тогда виновен?

— Известно кто! — крикнул Либич. — Его жена! Глэдия!

Тут, по крайней мере, наблюдается полное единодушие, подумал Бейли. Вслух он сказал:

— А кто же тогда с таким искусством заставил роботов отравить Грюера?

— Ну, наверное… — начал Либич и осекся.

— Не думаете же вы, что убийц было двое? Если Глэдия виновна в одном преступлении, она виновна и в другом.

— Да. Должно быть, вы правы. — Либич вновь обрел уверенность. — Без сомнения, так оно и есть.

— Без сомнения?

— Никто другой не мог настолько близко подойти к Дельмару, чтобы убить его. Он допускал присутствие посторонних не больше, чем я, только для жены делал исключение — а я никаких исключений не делаю. Тем умнее с моей стороны, — рассмеялся он.

— А ведь вы хорошо ее знаете, — резко сказал Бейли.

— Кого?

— Ее. Ту, о ком мы говорим. Глэдию!

— Кто вам сказал, что я знаю ее ближе, чем кого-либо? — Либич чуть-чуть, на дюйм, ослабил застежку у воротника, чтобы легче было дышать.

— Сама Глэдия. Вы вместе ходили на прогулки.

— Так что же? Мы были соседи. Это в порядке вещей, Она мне казалась приятной особой.

— Значит, вы себя хорошо чувствовали в ее обществе?

— Беседы с ней помогали снять напряжение, — пожал плечами Либич.

— О чем вы разговаривали?

— О роботехнике. — В голосе Либича прозвучало легкое недоумение; о чем же, мол, еще?

— И она поддерживала разговор?

— Она ничего в этом не понимала, Ни аза! Но слушала. Сама она забавляется какой-то ерундой с силовыми полями — называется полевая колористика. Меня эти глупости выводят из терпения, но я тоже слушал.

— Личных контактов у sac не было?

Возмущенный Либич промолчал,

— Она вам нравилась? — Бейли попытался с другой стороны.

— Что?

— Она привлекала вас? Физически?

Веко Либича подтянулось и стало ка место, губы скривились.

— Грязная скотина, — буркнул он.

— Ладно, попробуем иначе. Когда Глэдия перестала казаться вам приятной? Вы сами употребили это слово, если помните.

— О чем вы?

— Вы сказали, что находили ее общество приятным. Теперь вы считаете, что она убила своего мужа, Приятные люди обычно так не поступают.

— Я в ней ошибался.

— Но вы поняли, что ошиблись в ней, еще до того, как она убила мужа — если убила. Вы прекратили прогулки с ней за некоторое время до убийства. Почему?

— Это так важно?

— Важно все, пока не будет доказано обратное.

— Послушайте, если я нужен вам в качестве роботехника — спрашивайте, На вопросы о своей личной жизни я отвечать не буду.

— Вы были тесно связаны и с убитым, и с подозреваемой, Разве вы не понимаете, что без нескромных вопросов не обойтись? Почему вы прекратили прогулки с Глэдией?

— Мне стало не о чем с ней говорить, — огрызнулся Либич. — Я был слишком занят. Я не видел смысла продолжать эти прогулки.

— Другими словами, ее общество перестало быть приятным.

— Хорошо, пусть так.

— Почему?

— Потому! — Либич сорвался на крик.

— И все-таки вы хорошо знали Глэдию, — не обращая внимания на волнение роботехника, сказал Бейли. — Какой у нее мог быть мотив?

— Мотив?

— Никто пока не назвал мне возможного мотива преступления. Не могла же она совершить убийство без причины.

— Великая Галактика! — Либич откинул голову словно хотел засмеяться, но не засмеялся. — И вам

никто не сказал? Что ж, может быть, никто и не знает. Но я-то знаю. Она мне говорила — и часто.

— Что говорила, доктор Либич?

— Что все время ссорится с мужем. Ссоры были бурные и частые. Она ненавидела его, землянин. Так значит, вам никто об этом не говорил? И она тоже?

Глава пятнадцатая
Портрет создается

Новость оглушила Бейли, однако он постарался не показать изумления. Должно быть, местные обычаи приучили соляриан воспринимать частную жизнь во всех ее проявлениях как нечто священное. Вопросы о браке и детях считались дурным тоном. Вероятно, хронические супружеские ссоры также не подлежали обсуждению.

Но когда совершилось убийство? Неужели не решились нарушить светские приличия и спросить подозреваемую, не ссорилась ли она с мужем? Не решились даже заговорить на эту тему, если и знали о ссорах?

Либич, к примеру, знал.

— Из-за чего они ссорились? — спросил Бейли.

— Думаю, вам лучше спросить об этом у нее.

И правда лучше. Бейли церемонно встал.

— Благодарю вас, доктор Либич, за содействие следствию. Мне может снова понадобиться ваша помощь — надеюсь, я смогу тогда с вами поговорить.

— Сеанс окончен, — сказал Либич и пропал из

глаз вместе со своей комнатой.

Бейли впервые обнаружил, что полет в открытом пространстве его не волнует. Совершенно не волнует. Он чувствовал себя почти что в своей стихии.

Ему больше не думалось ни о Земле, ни о Джесси. Он улетел с Земли каких-то несколько недель назад, а прошли как будто годы. Провел на Солярии неполных три дня, а словно прожил здесь целую вечность.

Неужели можно так быстро приспособиться жить в кошмаре?

Или все дело в Глэдии? Скоро он увидит ее — живую, а не образ. Не это ли придавало ему уверенность и вселяло в него странное чувство тревожного нетерпения?

Как-то она перенесет эту встречу? Не убежит ли через пару минут, взывая о пощаде, как Квемот?

Когда он вошел, она стояла на другом конце длинного зала. Глэдию можно было принять за ее же импрессионистический портрет: два-три мазка, две-три краски.

Губы слегка подкрашены, брови едва подведены, мочки ушей чуть голубоватые — и больше никакой косметики. Она была бледна и казалась

немного напуганной и очень юной.

Пшеничные волосы зачесаны назад, в серо-голубых глазах — робость. Платье с длинными рукавами темно-синее, почти черное, с узкой белой отделкой по бокам. Белые перчатки и туфли без каблука, Не видно ни единого кусочка кожи, за исключением лица. Даже шею прикрывает скромненький рюш.

— Так будет не очень близко, Глэдия? — спросил Бейли, останавливаясь на месте.

Дыша часто и неглубоко, она сказала:

— Я уже и забыла, как это бывает. Все равно что видеосеанс, правда? Если не думать о том, что мы встречаемся взаправду.

— Я-то чувствую себя нормально, — сказал Бейли.

— Ну да, у вас на Земле… — Она закрыла глаза, — Иногда я стараюсь представить себе — повсюду толпы людей, идешь куда-нибудь, а рядом с тобой люди, и навстречу идут люди. Десятками…

— Сотнями, — поправил Бейли. — Разве вы никогда не видели Землю в книгофильмах? Не смотрели земных романов?

— У нас их не так много, но я смотрела романы про другие Внешние Миры, где люди постоянно встречаются. В романе все по-другому — похоже

на групповой видеосеанс, вот и все.

— А разве в романах не целуются?

Глэдия покраснела до ушей.

— Я таких книг не читаю.

— Совсем?

— Ну… попадаются, конечно, грязные фильмы, и порой, просто из любопытства… но это такая мерзость,

— Правда?

— Но на Земле все по-другому, — внезапно оживившись, заговорила она, — Так много народу. В такой толпе, Элайдж, можно, по-моему, даже п-прикоснуться к кому-нибудь. Случайно, конечно.

— Можно и с ног случайно сбить, — улыбнулся Бейли. Он вспомнил переполненные экспресс-дороги, где все тискаются, толкаются, скачут с полосы на полосу, и невольно ощутил укол ностальгии.

— Вам не обязательно там стоять, — сказала Глэдия.

— Значит, можно подойти поближе? Это ничего?

— Мне кажется, да, Я вам скажу, когда хватит.

Бейли осторожно шагнул вперед, а Глэдия следила за ним широко раскрытыми глазами.

— Хотите посмотреть мои цветовые поля? —

спросила вдруг она.

Бейли остановился в шести футах от нее. Она казалась маленькой и хрупкой. Инспектор попытался представить себе, как она в ярости бьет с размаху чем-то (но чем?) мужа по голове. Попытался представить ее обезумевшей от гнева, ненавидящей, пылающей жаждой убийства.

Следовало сознаться, что такое возможно. Пускай женщина почти невесома, она способна проломить череп, если ее хорошо вооружить и если она достаточно озвереет. Бейли знавал женщин-убийц (на Земле, конечно), которые в спокойном состоянии были кроткими, как овечки.

— Что такое цветовые поля, Глэдия?

— Вид искусства.

Бейли припомнил, как отзывался Либич о занятии Глэдии, и кивнул.

— С удовольствием посмотрю.

— Тогда идемте.

Бейли строго придерживался дистанции в шесть футов — она и так была меньше одной трети той, которую требовала Клорисса.

Они вошли в комнату, переполненную светом. Каждый угол сиял огнями всех цветов радуги.

Глэдия с довольным видом собственницы вы-

жидательно взглянула на Бейли. Должно быть, его реакция удовлетворила ее, хотя он не сказал ни слова — только медленно осматривался, стараясь осознать то, что видит. Это ведь был только свет — ничего материального.

В углублениях пьедесталов прятались сгустки света. Живые, ломаные и кривые линии разных цветов срастались в единое целое, сохраняя при этом четкую индивидуальность. Здесь не было и двух работ, которые хотя бы отдаленно походили друг на друга. Бейли, тщательно подбирая слова, спросил:

— Это, очевидно, должно что-то означать?

Глэдия рассмеялась своим приятным грудным смехом.

— Это означает все, что вам угодно. Просто цветовые формы, которые вызывают гнев, счастье, любопытство — словом, то, что чувствовала я, создавая их. Могу сделать одну для вас — что-то вроде портрета. Только скорее всего ничего хорошего не получится — я ведь буду импровизировать.

— Правда можете? Мне было бы очень интересно.

— Хорошо, — Она порхнула к световой фигуре в углу, проскользнула в нескольких дюймах от

Бейли и, похоже, не заметила этого.

Тронула что-то на пьедестале, и сияющий мирок беззвучно умер.

— Зачем же? — ахнул Бейли.

— Ничего. Она мне все равно надоела. Сейчас притушу другие, чтобы не отвлекали. — Глэдия открыла дверцу в стене и передвинула реостат. Краски поблекли, став почти невидимыми.

— Разве на это нет робота? Чтобы щелкал выключателем?

— Ну-ка тихо, — нетерпеливо оборвала Глэдия. — Я сюда роботов не пускаю. Здесь только я. — И хмуро посмотрела на него. — Я вас недостаточно хорошо знаю, вот в чем дело.

Она положила руки на гладкую поверхность пьедестала, глядя куда-то в пространство. Все десять пальцев напряженно застыли в ожидании.

Вот один палец шевельнулся, описал полукруг над плоскостью. В воздухе зажглась ярко-желтая линия. Палец отступил на дюйм, и цвет стал чуть менее насыщенным.

— Вот так, пожалуй, — прикинула Глэдия. — Сила, которая не давит.

— Иосафат! — сказал Бейли.

— Вы не обиделись? — Она вскинула обе руки, и желтый зигзаг словно обрел объем и устой-

чивость.

— Нисколько. Но что же это? Как вы это делаете?

— Трудно объяснить, — задумчиво сказала Глэдия, — тем более что я сама не очень-то понимаю. Говорят, это разновидность оптического обмана. Устанавливаются силовые поля на разных уровнях энергии. Они, собственно, представляют собой экструзию гиперпространства и не обладают свойствами обычного пространства. Человеческий глаз видит различные оттенки света в зависимости от уровня энергии. Цвета и оттенки возникают от тепла моих пальцев, воздействующего на определенные точки пьедестала. Внутри каждого пьедестала размещены чувствительные элементы,

— А если я приложу палец? — Бейли шагнул вперед, и Глэдия посторонилась. Он с опаской приложил палец к пьедесталу и ощутил легкий толчок.

— Смелей, Элайдж. Поднимите палец.

Бейли послушался, и в воздухе, затемнив желтую линию, вырос грязно-серый световой зубец, Бейли резко отдернул палец, и Глэдия засмеялась, но тут же подавила смех.

— Напрасно я смеюсь. Это очень трудно, даже

для тех, кто долго обучался. — Она сделала быстрое движение рукой, которого Бейли не уловил; созданный им кошмар исчез, а желтая световая фигура восстановилась в прежней чистоте.

— А вы как научились?

— Просто пробовала — снова и снова. Знаете, это ведь новое искусство, и только один-два человека по-настоящему умеют…

— И вы — лучшая, — провозгласил Бейли. — На Солярии все или единственные, или лучшие, или то и другое вместе.

— Ничего смешного тут нет. Многие мои работы снимаются на пленку, Я устраивала выставки. — Она вздернула подбородок, не скрывая гордости. — Продолжим ваш портрет. — Она снова шевельнула пальцами и создала несколько ломаных линий. Преобладающим цветом был голубой. — Такой мне видится Земля, — сказала она, прикусив губу. — Она всегда представлялась мне голубой. Все эти люди и встречи, встречи, встречи. Наше общение скорее розовое — как вам кажется?

— Иосафат, я не умею представлять себе такие вещи в цвете.

— Да? — рассеянно сказала она, — Вот вы иногда говорите «Иосафат», и это — как лиловый

шарик. Как лиловая капелька, потому что срывается всегда неожиданно — кап! Вот так. — И капелька засверкала в центре композиции. — А в завершение — вот. — И Глэдия заключила фигуру в унылый, тусклый грифельно-серый куб. Узор неярко просвечивал сквозь него, будто сквозь тюремные стены.

Бейли стало грустно, словно его самого отгородили от чего-то милого сердцу,

— Зачем вы так?

— Но это же стены вокруг вас, И внутри — то, что мешает вам выйти наружу, держит вас в четырех стенах. Вы там, внутри — разве непонятно?

Бейли понимал, но не одобрял.

— Эти стены не такие уж крепкие, — сказал он. — Сегодня я выходил.

— Правда? И как вы себя чувствовали?

— Как вы при встречи со мной, — Бейли не упустил случая уколоть. — неприятно, но терпеть можно.

— А вы не хотите выйти сейчас? Погулять со мной?

Бейли чуть было не выпалил: «Иосафат, нет»

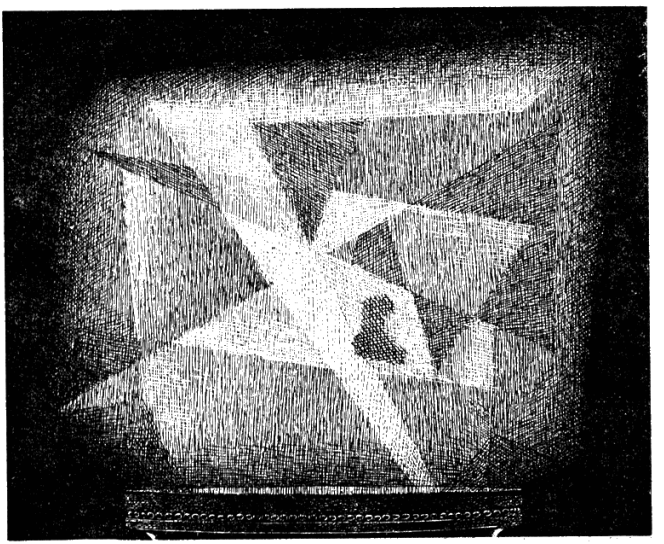
— Я еще ни разу не гуляла с живым человеком. Еще светло, и погода хорошая.

Бейли посмотрел на свой портрет.

— А если я пойду, вы уберете это серое?

— Посмотрим на ваше поведение, — улыбнулась она.

И портрет остался в комнате, продолжая держать пленную душу Бейли в серых стенках Города.



Бейли вздрогнул. Его коснулся ветерок, в котором была прохлада.

— Замерзли? — спросила Глэдия.

— Раньше так не было.

— Близится вечер, но ведь пока не холодно. Хотите одеться потеплее? Робот принесет пальто.

— Нет, не надо. — Они пошли вперед по узкой мощеной дорожке. — Это здесь вы гуляли с доктором Либичем?

— О нет. Мы гуляли в полях, где лишь изредка встречаются одинокие роботы и можно слушать природу. Сейчас мы будем держаться поближе к дому, на всякий случай.

— На случай чего?

— Вдруг вы захотите вернутся.

— Или вам надоест мое общество.

— Оно меня не беспокоит, — нервно сказала Глэдия.

Вверху тихо шелестела листва, все кругом заливали желтизна и зелень.

Тени особенно занимали Бейли. Одна упала прямо перед ним, точь-в-точь как человек, и принялась жутко подергиваться в такт его шагам, словно передразнивая. Бейли, конечно, слышал о тенях и знал, что это такое, но в ровном, рассеянном свете Городов как-то никогда их не

наблюдал.

Он знал, что позади светит солярианское солнце. Он избегал смотреть на него, но знал, что оно там.

Пространство было огромным, пустынным, но Бейли почувствовал, что его тянет туда. Он представил себе, как идет по планете, а вокруг — простор на тысячи миль и световых лет.

Почему мысль об одиночестве так привлекала его? Он не стремился к одиночеству. Ему хотелось на Землю, в тепло и многолюдие Городов.

Но образ Города ускользал от него. Он рисовал себе Нью-Йорк, шум и толпу, но видел мысленным взором тихую, веющую прохладой Солярию

Бейли невольно сделал несколько шагов к Глэдии и оказался в двух футах от нее, но испуг женщины заставил его опомниться.

— Прошу прощения, — сказал он и попятился.

— Ничего. Пойдемте сюда? Думаю, вам понравится наш цветник.

Она указывала в сторону, противоположную солнцу, и Бейли молча последовал за ней.

— Чуть попозже летом здесь будет чудесно, — говорила Глэдия. — Когда тепло, я купаюсь в озере, или просто бегаю по полям так быстро, как только могу, а потом валюсь в траву и лежу в

ней. Правда сейчас я не так одета. В этом платье только и остается, что гулять степенным шагом.

— А как вы обычно одеваетесь для прогулок?

— Самое большее, что на мне бывает надето, это купальный костюм. — Глэдия простерла руки, словно предвкушая свободу. — А то и того нет. Иногда я только надеваю сандалии, чтобы ощущать воздух каждым дюймом… Ох, извините. Я вас шокирую.

— Нет, вовсе нет. Вы так одевались и для прогулок с доктором Либичем?

— Когда как. Смотря какая была погода. Иногда на мне было надето вовсе ничего, но ведь это видеосеансы. Надеюсь, вы понимаете.

— Я-то понимаю. А доктор Либич? Он тоже легко одевался?

— Кто, Джотан? — усмехнулась Глэдия. — О нет. Он всегда такой чопорный. — Она сделала серьезное лицо и опустила одно веко — точно как Либич. Бейли одобрительно хмыкнул. — Вот как он говорит; «Дорогая Глэдия, что касается влияния первостепенного потенциала в потоке позитронов…»

— Он об этом с вами беседовал? О роботехнике?

— В основном, да. Он ведь так серьезно к ней

относится. Все пытался меня просвещать — до последнего.

— И как вы — усвоили хоть что-нибудь?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Для меня это — темный лес, Иногда он сердился на меня, но как только он начинал ругаться, я ныряла в воду, если была у озера, и брызгала на него.

— Брызгали? Но ведь его там не было.

— Какой же вы все-таки, землянин, — засмеялась она. — Я брызгала на изображение, он был в своем собственном поместье, и вода не могла на него попасть, но он все равно отскакивал, Посмотрите-ка сюда.

Они вышли из-под деревьев на лужайку, в середине которой располагался декоративный пруд. Лужайку пересекали выложенные кирпичом дорожки, и повсюду пышно, но в строгом порядке росли цветы. О том, что такое цветы, Бейли знал по книгофильмам.

Цветы чем-то напоминали световые картины, которые создавала Глэдия, и Бейли подумалось, что она берет цветы за образец. Он осторожно потрогал один цветок и посмотрел вокруг. Преобладали красные и желтые тона.

Оглядываясь, Бейли случайно взглянул на солнце.

— Как оно низко, — обеспокоился он.

— Скоро вечер. — Глэдия убежала к пруду и сидела на каменной скамье у воды, — Идите сюда, — помахала она Бейли. — Можете постоять, если не хотите сидеть на камне.

Бейли медленно подошел.

— Оно каждый день опускается так низко? — спросил он и тут же прикусил язык. Раз планета вертится, значит, солнце по утрам и вечерам должно стоять низко — только в полдень оно стоит высоко.

Но образ, который запечатлелся у него в мозгу, было не так легко изменить. Инспектор знал, что бывает ночь, он уже испытал ее. Ночью вся толща планеты надежно заслоняет человека от солнца, Знал, что бывают облака и что их серый слой скрывает самое страшное. Но в мозгу держалась картина солнца, пылающего высоко в небе.

Он оглянулся через плечо, и в глазах на миг вспыхнуло. Интересно, далеко ли дом, если он решит вернуться.

Глэдия показала ему на другой конец скамейки.

— Не близко ли? — спросил он.

Она вытянула руки ладонями вверх.

— Я начинаю привыкать. Правда.

Он сел к ней лицом, чтобы не видеть солнца.

Глэдия перегнулась назад, к воде, и сорвала маленький цветок в форме чаши, желтый снаружи и белый внутри, совсем не яркий.

— Это местное растение, а большинство цветов родом с Земли.

Когда Глэдия осторожно протянула цветок Бейли, с оторванного стебелька закапала вода. Бейли, тоже осторожно, подставил ладонь.

— Вы его убили, — сказал он.

— Это же только цветок. Их здесь тысячи. — Вдруг Глэдия выдернула цветок прямо из-под пальцев Бейли, глаза ее сверкнули. — Или вы думаете, что если я сорвала цветок, то могу убить и человека?

— Ничего такого я не думаю, — примирительно сказал Бейли. — Можно посмотреть?

Вообще-то Бейли не хотелось трогать цветок. Он рос в мокром грунте, и на нем еще осталось немного грязи. И как только эти люди, так старательно избегающие контактов с землянами и даже друг с другом, спокойно берут в руки обыкновенную грязь? Но он все-таки взял цветок, двумя пальцами, и рассмотрел его. Чашечка состояла из нескольких лепестков, тонких и почти прозрачных, которые крепились к общему

центру. Внутри чашечки имелось белое вздутие, влажное, с каймой из черных волосков, которые чуть трепетали на ветру.

— Чувствуете, как пахнет? — спросила Глэдия. Бейли сразу уловил запах, понюхал и сказал:

— Женскими духами.

— Настоящий землянин, — в восторге захлопала в ладоши Глэдия. — Вы хотите сказать, духи пахнут цветами.

Бейли печально кивнул. Пребывание на воздухе утомило его. Тени становились длиннее, и пейзаж делался все более мрачным. Но он решил не сдаваться. Он хотел, чтобы исчезли серые стены, скрывающие его портрет. Пусть это донкихотство, но так тому и быть.

Глэдия забрала у Бейли цветок, который тот охотно вернул, и стала медленно обрывать лепестки.

— Наверное, все женщины пахнут по-разному? — спросила она.

— Зависит от духов, — равнодушно ответил Бейли.

— Подумать только, как близко нужно быть, чтобы различать запахи. Я не пользуюсь духами, потому что близко никого не бывает. Вот только сейчас — вы. Но вам, наверно, часто приходилось

нюхать духи. Ведь ваша жена на Земле всегда рядом с вами? — Нахмурившись, она сосредоточенно терзала цветок.

— Не всегда. Не каждую минуту.

— Но почти всегда. И когда вы только захотите…

— Почему доктор Либич так упорно обучал вас роботехнике, как вы думаете? — прервал Бейли.

От цветка осталась только сердцевина со стеблем. Глэдия повертела его между пальцами и швырнула в пруд. Цветок на миг задержался на поверхности — и утонул.

— Кажется, хотел, чтобы я стала его ассистенткой.

— Он сам так сказал, Глэдия?

— В самом конце, Элайдж, — наверное, уже потерял терпение. Во всяком случае, он спросил меня, не будет ли мне интересно заняться роботехникой. Я ему, естественно, сказала, что ничего скучнее не представляю. Он сильно рассердился.

— И после этого больше с вами не гулял.

— А знаете, пожалуй, так и есть, Я, наверное, задела его чувства. Но что я могла поделать?

— Значит, про ваши ссоры с доктором Дельмаром вы рассказали ему раньше?

Она крепко сжала кулаки и вся застыла, чуть

склонив голову набок.

— Про какие еще ссоры? — спросила она неестественно высоким голосом.

— Про ваши с мужем. Насколько я понимаю, вы ненавидели его.

Лицо Глэдии исказила гримаса, оно пошло пятнами.

— Кто это вам сказал? Джотан? — Сколько свирепости в ее взгляде!

— Да, доктор Либич упомянул об этом, и я считаю, что он не лгал.

— Вы по-прежнему хотите доказать, что мужа убила я, — сказала потрясенная Глэдия, — Я-то считала вас своим другом, а вы — а вы только сыщик. — Она замахнулась кулаком.

— Вы же все равно не сможете меня тронуть.

Глэдия уронила руки и беззвучно зарыдала, отвернувшись от инспектора. Бейли опустил голову и закрыл глаза, отгораживаясь от длинных, тревожных теней.

— Доктор Дельмар не проявлял к вам нежности, верно? — спросил он.

— Он был очень занятой человек, — сдавленно ответила Глэдия.

— А вот у вас сердце нежное, и вы небезразличны к мужчинам, понимаете?

— Я н-ничего не могу с собой поделать. Знаю, что это гадко, но ничего не могу поделать. Гадко даже говорить об этом.

— Но с доктором Либичем вы говорили?

— Нужно же было хоть что-нибудь предпринять. Джотан был под рукой и слушал как будто охотно, а мне становилось легче.

— Вы поэтому ссорились с мужем? Потому что он был холоден с вами, безучастен, а вас это возмущало?

— Временами я его просто ненавидела. — Она беспомощно передернула плечами. — Он был хороший солярианин — и только, и нам не предписывали д… — Слезы хлынули снова.

Бейли ждал. У него похолодело в желудке, воздух тяжело давил на плечи. Когда рыдания Глэдии стали утихать, он спросил как можно мягче:

— Вы убили его, Глэдия?

— Н-нет. — И вдруг добавила, будто вся воля *к* сопротивлению иссякла в ней: — Я вам не все рассказала.

— Тогда расскажите сейчас, пожалуйста.

— Мы ссорились и в тот день, когда он погиб. Все по той же причине. Я кричала на него, а он никогда не кричал в ответ. Он вообще почти не

отвечал мне, и это было еще хуже. Я так разозлилась, так разозлилась… А потом я ничего не помню.

— Иосафат! — Бейли слегка качнуло, и он уперся глазами в безопасный камень скамейки. — То есть как не помните?

— Ну, он был мертв, я закричала, пришли роботы…

— Вы убили его?

— Я не помню, Элайдж, а если бы убила, то помнила бы, правда? Только я вообще ничего не помню. Я так испугалась, так испугалась… Пожалуйста, помогите мне, Элайдж.

— Не волнуйтесь, Глэдия. Я помогу вам. — Колеблющийся разум Бейли уцепился за орудие преступления. Что с ним сталось? Его кто-то унес. Но если так, унести его мог только убийца. Поскольку Глэдию нашли без чувств сразу после убийства, она этого сделать не могла. Значит, убийца — кто-то другой. Пусть вся Солярия уверена в обратном — это был кто-то другой.

Надо вернуться в дом, сквозь дурноту подумал Бейли.

— Глэдия, — сказал он и вдруг понял, что смотрит прямо на солнце. Оно уже опустилось к самому горизонту. Должно быть, Бейли повернулся к

нему непроизвольно и уже не мог оторваться как зачарованный. Такого солнца он еще не видел. Оно набухло, покраснело и померкло — можно было смотреть на него не щурясь; под ним различались тонкие линии кровоточащих облаков, а одно облако пересекло диск черной чертой.

— Какое красное солнце, — выдавил Бейли.

— Оно всегда красное на закате, красное и умирающее, — глухо и печально ответил голос Глэдии.

Бейли явилось видение. Солнце опускается к горизонту из-за того, что планета убегает от него со скоростью тысячи миль в час — вертится под обнаженным солнцем, и ей нечем прикрыть микробов, зовущихся людьми и снующих на поверхности шара, который вертится вечно, как безумный — вертится, вертится…

Теперь уже вертелось все — голова, и каменная скамья, которая накренилась под ним, и гнетущее синее — совсем темное — небо. Солнце исчезло из глаз, верхушки деревьев и земля ринулись вверх, тонко вскрикнула Глэдия, и возник еще какой-то звук…

Глава шестнадцатая
Загадка разгадывается

Сначала Бейли осознал, что он в укрытии, в помещении, потом увидел над собой чье-то лицо.

Несколько мгновений он смотрел, не узнавая, потом воскликнул:

— Дэниел!!

Робот не выразил ни облегчения, ни чего-нибудь похожего, когда Бейли заговорил.

— Хорошо, что вы пришли в себя, партнер Элайдж. Не думаю, что вы пострадали физически.

— Все в порядке, — неуверенно произнес Бейли, приподнимаясь на локтях. — Иосафат, я что, в постели? Зачем?

— Вы сегодня несколько раз подвергались действию открытого пространства. Это вызвало кумулятивный эффект, и теперь вам нужно отдохнуть.

— Сначала мне нужен ответ на несколько вопросов. — Бейли оглянулся по сторонам, пытаясь отрицать тот факт, что голова у него все-таки немного кружится. Комнату он не узнавал.

Шторы были задернуты, свет искусственный, успокаивающий. Чувствовал он себя намного лучше. — Например, где я?

— В доме госпожи Дельмар,

— Теперь выясним кое-что еще. Как вы-то здесь оказались? Как ушли от роботов, которых я к вам приставил?

— Я так и думал, что вам будет неприятен такой поворот событий, но в связи с вашей безопасностью и моими инструкциями я чувствовал, что у меня нет выбора.

— Иосафат! И что же вы сделали?

— Госпожа Дельмар хотела связаться с вами несколько часов назад.

— Да. — Бейли вспомнил, что Глэдия говорила ему об этом. — Знаю.

— Вы приказали роботам, охраняющим меня, буквально следующее: «Не позволяйте ему (то есть мне) вступать в контакт с другими людьми или другими роботами, ни лично, ни по видеосвязи». Но вы не сказали, партнер Элайдж, что людям или роботам запрещается контактировать со мной. Улавливаете разницу?

Бейли застонал.

— Не нужно огорчаться, партнер Элайдж. Пробел в указаниях послужил для спасения вашей

жизни, поскольку привел меня сюда. Итак, роботы, охранявшие меня, позволили госпоже Дельмар поговорить со мной. Она спросила вас, и я совершенно искренне ответил, что не знаю, где вы, но могу выяснить, Ей было крайне желательно, чтобы я это сделал. Я сказал, что вы, возможно, временно покинули дом, и я могу проверить — не прикажет ли она тем временем вот этим роботам поискать вас в имении?

— Ее не удивило, что вы сами не можете приказать?

— Должно быть, она сочла, что я, будучи авроринанцем, не умею обращаться с роботами так, как она, — что ее приказ будет иметь больший вес и исполнят его гораздо быстрее моего. Очевидно, соляриане гордятся своим искусством управлять роботами и не очень верят в соответствующие способности инопланетян. Кажется, вы того же мнения?

— Значит, она услала их?

— С трудом, Они ссылались на предыдущий приказ, но не могли, естественно, сказать, в чем он состоит, поскольку вы приказали им не выдавать моего происхождения. Она накричала на них, и лишь тогда они подчинились.

— И вы ушли.

— Да, партнер Элайдж.

Жаль, подумал Бейли, что Глэдия не придала значения разговору с Дэниелом и не упомянула о нем.

— Долго же вам пришлось меня искать, Дэниел.

— У роботов существует сеть субэфирной связи. Знающий солярианин может получить информацию по ней. Но поскольку она передается через миллионы машин и одной из машин был я, не имеющий должного опыта, потребовалось время, чтобы добыть нужные сведения. Прошло более часа, прежде чем я узнал, где вы находитесь. И напрасно потерял время, явившись на место работы доктора Дельмара, когда вас там уже не было.

— Что же вы там делали?

— Проводил собственное расследование. Сожалею, что занимался им в ваше отсутствие, но меня вынудили к тому чрезвычайные обстоятельства,

— С Клориссой Канторо вы общались по видео или лично?

— По видео, но из ее же дома, не из нашего поместья. Мне нужно было проверить кое-какие записи на ферме. В обычной ситуации я бы довольствовался видео, но мне неудобно было оставаться в нашей резиденции, поскольку те

трое роботов знали, кто я такой, и могли в любой момент снова взять меня под стражу.

Бейли, чувствуя себя почти совсем хорошо, сбросил ноги с постели и. увидел, что на нем надето что-то вроде пижамы.

— Принесите мне одежду, — недовольно сказал он. Дэниел повиновался, и Бейли, одеваясь, спросил:

— Где госпожа Дельмар?

— Под домашним арестом, партнер Элайдж.

— Что? Кто распорядился?

— Я. Она у себя в спальне под охраной роботов, и ей не разрешается отдавать им приказания, кроме тех, что касаются ее личных надобностей.

— И все это устроили вы?

— Роботы в поместье не знают о моем происхождении.

Бейли оделся.

— Я знаю, что обстоятельства против Глэдии, — сказал он. — У нее была возможность — и даже больше, чем мы думали. Она не прибегала в лабораторию на крик мужа, как говорила раньше, — она все время присутствовала там.

— И утверждает, что была свидетелем убийства и видела убийцу?

— Нет. Она ничего не помнит. Такое иногда

бывает. Имелся у нее, оказывается, и мотив.

— Какой, партнер Элайдж?

— Тот, который я подозревал с самого начала. Я сказал себе: происходи дело на Земле и будь доктор Дельмар таким, каким его описывают, а Глэдия — такой, какой кажется, то я решил бы, что она любила его, а он любил только себя. Неясно было только, могут ли соляриане испытывать любовь или отвечать на любовь в том смысле, как это понимают на Земле. Я не мог полагаться на собственное суждение относительно их эмоций и реакций, потому и решил встретиться кое с кем. Не по видео — лично.

— Я не уловил смысла, партнер Элайдж.

— Не знаю, как вам и объяснить. Гены этих людей старательно подбираются еще до рождения, а после рождения проверяется правильность подбора.

— Я знаю.

— Но гены — еще не все. Окружающая среда тоже имеет значение и может привести человека к психозу, в то время как в генах заложена лишь склонность к определенному типу психоза. Вы заметили, что Глэдию интересует Земля?

— Заметил, партнер Элайдж, но счел, что это мнимый интерес, разыгрываемый с целью ока-

зать на вас влияние.

— Предположим, что интерес неподдельный, переходящий почти в навязчивую идею. Предположим, что ее возбуждает одна только мысль о земных толпах. Предположим, что она против воли тянется к тому, что ее приучили считать грязным. Это уже психическое расстройство. Мне нужно было проверить, как будут реагировать соляриане на мое присутствие и как будет реагировать она. Вот почему я должен был любой ценой избавиться от вас, Дэниел. Вот почему я отказался от видеосвязи как метода ведения следствия.

— Почему вы не объяснили мне раньше, партнер Элайдж?

— Разве мое объяснение помешало бы вам выполнять свой долг, как предписывает Первый Закон?

Дэниел промолчал,

— Эксперимент удался, — продолжал Бейли. — Я встречался или пытался встретиться с разными людьми. Старый социолог держался стойко, но сплоховал в разгар беседы. Роботехник отказался встретиться со мной, несмотря на сильнейший нажим. При одной только мысли о встрече он перепугался совсем по-детски, стал сосать па-

лец и плакать. Ассистентка доктора Дельмара, приученная своей профессией к человеческому присутствию, терпела меня, но не ближе, чем в двадцати футах. Глэдия же…

— Да, партнер Элайдж?

— Глэдия согласилась на встречу почти без сопротивления. Хорошо переносила мое присутствие и с течением времени чувствовала себя все более непринужденно. Все это вписывается в картину психоза. Она не против личных встреч; интересуется Землей; могла питать нездоровый интерес к своему мужу. Объяснение таково: сильное, для этого мира патологическое, стремление к личным контактам с лицами другого пола. Доктор Дельмар был отнюдь не тот человек, чтобы поощрять подобное чувство или разделять его. Ее это, должно быть, крайне угнетало.

— Достаточно, чтобы убить в миг исступления, — кивнул Дэниел.

— И все-таки, Дэниел, я думаю иначе.

— Возможно, не без влияния с ее стороны, партнер Элайдж? Госпожа Дельмар — привлекательная женщина, а вы землянин, и у вас интерес к обществу красивой женщины не является патологическим.

— Нет, не потому, — смущенно ответил Бейли.

Холодный взгляд Дэниела уж слишком глубоко проникал в душу. Иосафат! Этот парень — всего лишь машина, — Если она убила мужа, то и на Грюера покушалась тоже она. — Он хотел было рассказать Дэниелу, как могло быть организовано покушение с помощью роботов, но удержался. Он не был уверен, как воспримет Дэниел гипотезу, согласно которой роботы невольно становятся убийцами.

— Она же покушалась и на вашу жизнь, — сказал Дэниел.

Бейли нахмурился. Он не собирался говорить Дэниелу об отравленной стреле, чуть было не попавшей в цель, — ни к чему было давать роботу лишний повод для торжества; мол, я вас предупреждал.

— Что вам наговорила Клорисса? — сердито спросил он. Надо было предупредить женщину, чтобы молчала, но кто же знал, что к ней явится Дэниел со своими вопросами?

— Госпожа Канторо не имеет к этому никакого отношения, — спокойно ответил Дэниел. — Я сам был свидетелем покушения.

— Но вас же там не было, — смешался Бейли.

— Я подхватил вас в последний момент и принес сюда — час назад.

— О чем вы?

— Разве вы не помните, партнер Элайдж? Убийство было задумано почти безупречно, Ведь это госпожа Дельмар предложила вам выйти на воздух? Я не присутствовал при вашем разговоре, но чувствую, что не ошибаюсь.

— Да, она.

— Может быть, даже чем-то выманила вас из дома? Бейли подумал о своем портрете, об окружающих его серых стенах. Неужели то был тонкий психологический ход? Неужели солярианка способна настолько глубоко интуитивно понять психологию землянина?

— Нет, — ответил он.

— Но она предложила пойти к декоративному пруду и посидеть у воды?

— Ну да.

— Вам не кажется, что она наблюдала за вами, отмечая, как вам становится все хуже?

— Пару раз она спросила, не хочу ли я вернуться в дом.

— Думаю, что она спрашивала не всерьез. Думаю, она видела, что вам становится плохо, Думаю, она могла бы даже толкнуть вас, хотя это было излишне. Когда я подоспел и подхватил вас на руки, вы медленно падали с каменной

скамьи назад, в пруд, на глубину трех футов, где непременно бы утонули.

Бейли впервые после обморока припомнил свои ощущения.

— Иосафат!

— Более того, — бесстрастно продолжал Дэниел. — Госпожа Дельмар сидела рядом с вами и наблюдала, как вы падаете, не пытаясь помочь. Не стала бы она и вытаскивать вас из воды, а позволила бы вам утонуть. Самое большее — позвала бы робота, но он, разумеется, явился бы слишком поздно. Впоследствии она объяснила бы это тем, что не смогла прикоснуться к вам даже ради спасения вашей жизни,

Вполне правдоподобно, подумал Бейли. Никого не удивит то, что она не смогла дотронуться до человека. Удивление скорее вызвало бы то, что она сидела так близко к нему.

— Итак, вы видите, партнер Элайдж, что в ее виновности вряд ли можно сомневаться. Говоря, что она должна была покушаться и на Грюера, вы как бы выдвигали довод в ее защиту. Теперь вы видите, что ваша защита обернулась обвинением. Она покушалась и на вас, и на Грюера по одной и той же причине: чтобы убрать людей, слишком настойчиво расследующих первое пре-

ступление.

— Вся эта цепочка событий могла быть и совпадением. Откуда Глэдии было знать, как повлияет на меня открытое пространство?

— Она изучала Землю и знала особенности землян.

— Я заверил ее, что уже выходил сегодня и начинаю привыкать.

— Ей не следовало вас слушать.

Бейли стукнул кулаком по ладони.

— Послушать вас, она насквозь лжива и коварна. Не годится, Дэниел, и я вам не верю. В конце концов, мы никого не можем обвинить в убийстве, пока не найдем объяснения отсутствию орудия убийства.

Дэниел пристально посмотрел на землянина.

— Я могу объяснить и это, партнер Элайдж.

— Как? — опешил Бейли.

— Если помните, партнер Элайдж, вы рассуждали следующим образом: если убийца — госпожа Дельмар, тогда оружие, что бы им ни послужило, должно было остаться на месте преступления. Роботы, которые явились почти сразу же, не нашли ничего подобного — следовательно, оружие унесли — следовательно, его унес убийца — следовательно, убийца не госпожа Дельмар. Верно?

— Верно.

— Так вот, было место, где роботы не искали.

— Где?

— Там, где лежала госпожа Дельмар, — под ней. Она упала, лишившись чувств от волнения и потрясения — а может быть, и от ужаса перед содеянным, — и оружие оказалось под ее телом.

— Тогда его обнаружили бы сразу, как только подняли ее.

— Совершенно верно, но роботы ее не поднимали. Она сама говорила вчера за обедом, что доктор Тул велел роботам положить ей под голову подушку и оставить в покое. Первым к ней прикоснулся сам доктор Тул, когда прибыл в имение.

— Ну и что?

— Здесь возникает новая вероятность, партнер Элайдж. Убийцей была госпожа Дельмар, оружие оставалось на месте преступления, но доктор Тул унес его и уничтожил, чтобы спасти госпожу Дельмар.

Бейли, который настроился было услышать нечто действительно ценное, пренебрежительно заметил:

— Совершенная бессмыслица. С какой стати доктору Тулу было уничтожать орудие убий-

ства?

— По очень простой причине. Помните, госпожа Дельмар говорила: «Он лечит меня с детства и всегда был такой добрый и милый». Я задался вопросом, нет ли у доктора причины относиться к ней с особым вниманием. Поэтому я и просмотрел записи на детской ферме. И моя догадка подтвердилась.

— Что подтвердилось?

— Доктор Алтим Тул — отец Глэдии Дельмар, и более того — он знает об этом.

Бейли не мог не верить роботу и очень огорчился, что не он сам, а Р. Дэниел Оливо установил сие немаловажное обстоятельство. Впрочем, гипотеза робота требовала проверки.

— Вы говорили с доктором Тулом? — спросил он.

— Да. И его тоже поместил под домашний арест.

— Что он говорит?

— Он признался, что является отцом госпожи Дельмар. Я предъявил ему регистрационную запись и отметки о том, что он интересовался ее здоровьем, когда она была ребенком. Как врач, он пользовался в этом отношении большей свободой, чем любой другой солярианин.

— А почему он интересовался ее здоровьем?

— Я выяснил, партнер Элайдж, Он был уже стар, когда ему выдали дополнительное разрешение на ребенка, и главное в том, что ему удалось дать этому ребенку жизнь. Доктор считает, что обязан тем своим генам и физическому здоровью и, кажется, гордится результатом больше, нежели здесь принято. Иметь лишний повод для гордости побуждает его и то, что профессия врача на Солярии непрестижна, так как требует личного присутствия. И потому доктор поддерживал ненавязчивые отношения со своей дочерью.

— А Глэдия знает?

— Насколько известно доктору Тулу — нет.

— Доктор Тул признался в том, что унес оружие?

— Нет, не признался.

— Тогда вы остались при своем, Дэниел.

— При своем?

— Пока вы не найдете орудие убийства и не докажете, что его взял доктор, или хотя бы не заставите доктора признаться, ваша версия не доказана. Вы изящно выстроили цепочку выводов, но доказательств у вас нет.

— Вряд ли он признается без применения особых методов допроса, которых я лично применять

не могу. Ему дорога его дочь.

— Вовсе нет. Он относится к дочери совсем не так, как мы с вами подразумеваем. На Солярии все иначе, — Бейли прошелся по комнате, чтобы остыть. — Дэниел, вы блестяще справились с логической задачей, но проверки на здравый смысл ваша версия не выдерживает. — (Руководствуется логикой, но не здравым смыслом. Чем не определение для робота?) — Доктор Тул — старик, его лучшие годы позади, хотя ему и удалось лет тридцать назад зачать дочь. Даже космониты дряхлеют. И вот представьте себе — дочь лежит перед ним в обмороке, зять убит. Понимаете, в какой невообразимой ситуации оказался доктор? И вы допускаете, что он настолько сохранил хладнокровие, чтобы совершить целый ряд поразительных поступков. Вот смотрите! Во-первых, он должен был разглядеть под телом дочери предмет, настолько хорошо укрытый, что его не заметили роботы. Во-вторых, разглядев пусть хотя бы краешек этого предмета, он должен был сделать вывод, что видит орудие убийства, и тут же сообразить, что, если он скроет это орудие, его дочь будет трудно обвинить в совершении преступления. Довольно тонкое рассуждение для старика, охваченного паникой. Наконец, в-тре-

тьих, он должен был осуществить задуманное, что также нелегко для напуганного старика. А после всего у него хватает смелости настаивать на своих ложных показаниях, то есть оставаться соучастником. Может быть, все и логично, но здравый смысл утверждает обратное.

— Вы можете предложить альтернативное решение, партнер Элайдж?

Бейли, пока рассуждал, уселся и сейчас захотел встать, но усталость и глубокое кресло помешали. Он раздраженно буркнул:

— Пожалуйста, Дэниел, дайте мне руку.

— Простите, партнер Элайдж? — сказал робот, посмотрев на свою конечность.

Бейли, мысленно обругав его за буквализм, сказал:

— Помогите мне встать.

Сильная рука Дэниела тут же извлекла его из кресла.

— Спасибо, Нет, у меня нет альтернативного решения. Точнее, оно есть, но все упирается в орудие убийства. — Бейли нетерпеливо приподнял уголок тяжелой шторы, закрывавшей полстены, сам не очень понимая, зачем это делает, и удивленно уставился в черное стекло, но потом сообразил, что за окном — поздний вечер. К нему

тихо подошел Дэниел и освободил край шторы из его пальцев.

В ту долю секунды, когда рука робота с нежностью матери, берегущей ребенка от огня, отбирала у него штору, в сознании Бейли произошла целая революция.

Он выхватил штору из рук Дэниела и, дернув изо всех сил, сорвал ее с окна, оставив одни клочья,

— Партнер Элайдж! — мягко сказал Дэниел. — Вы же знаете, что значит для вас открытое пространство.

— Да, оно значит для меня очень многое, — ответил Бейли. И взглянул в окно. Там ничего не было видно, кроме тьмы, но эта тьма была воздухом, открытым, неогороженным пространством, и Бейли всматривался в него.

Впервые смотрел просто так — не из бравады, не ради нездорового любопытства, не ради разгадки убийства. Смотрел потому, что хотел того и где-то даже нуждался. Вот и вся разница.

Стены — только костыли! Темнота и людские толпы — только костыли! Он, должно быть, чувствовал это подсознательно и ненавидел их, даже когда думал, что любит и нуждается в них. Как иначе объяснить возмущение, какое он испытал,

увидев серую коробку, в которую Глэдия заключила его портрет?

Бейли переполняло чувство победы — и не потому ли, что одна победа ведет за собой другую, в нем беззвучным криком вспыхнула новая мысль? Бейли, справившись с головокружением, прошептал Дэниелу;

— Я знаю. Иосафат! Я знаю!

— Что знаете, партнер Элайдж?

— Знаю, куда делось оружие. Знаю, кто преступник. Все сразу стало на место.

Глава семнадцатая
Собрание созывается

Дэниел не разрешил Бейли действовать немедленно.

— Завтра! — сказал он почтительно, но твердо. — Предлагаю все отложить до завтра. Сейчас уже поздно, и вам нужен отдых.

Бейли пришлось признать, что Дэниел прав — и кроме того, нужно было еще многое подготовить. Он был уверен, что нашел разгадку убийства, но его версия, как и версия Дэниела, основывалась только на дедукции. Недоставало самой малости — доказательств. Вся надежда на соляриан.

Ему придется предстать перед ними — один землянин против полудюжины космонитов — так что надо быть во всеоружии. Во-первых, нужно отдохнуть, во-вторых, все подготовить.

Бейли был убежден, что уснуть, конечно, не удастся. Не поможет ни мягкая постель, которую специально для него постелили искусные роботы, ни разлитые по комнате ароматы, ни тихая, мелодичная музыка. Да, он попросту не сомкнет глаз.

Дэниел скромно уселся в темном уголке его спальни.

— Вы все-таки боитесь Глэдии? — спросил Бейли.

— Мне кажется неразумным оставлять вас на ночь одного, без охраны.

— Ну как знаете. Вы поняли, что вам надо сделать, Дэниел?

— Да, партнер Элайдж.

— Надеюсь, помех со стороны Первого Закона не будет.

— Меня немного беспокоит собрание, которое вы хотите провести. Вы ведь возьмете с собой оружие? Позаботитесь о своей безопасности?

— Да, непременно.

Дэниел испустил вздох облегчения, до того человеческий, что Бейли напряг зрение, пытаясь рассмотреть во мраке выражение лица робота.

— Я нахожу, что люди не всегда ведут себя логично, — сказал Дэниел,

— Нам бы тоже не повредили Три Закона, но я рад, что их у нас нет.

Бейли уставился в потолок. От Дэниела зависело многое, и все же Бейли мог открыть ему только малую часть истины. Роботы слишком зависимы. Планета Аврора имела основания выбрать своим

представителем робота, однако аврорианцы все же дали маху. У роботов есть свои границы.

Так или иначе, если все пройдет хорошо, через двенадцать часов его миссия закончится. А через двадцать четыре часа он сможет вылететь на Землю, чтобы принести туда надежду. Странную надежду. В свое открытие он и сам верил с трудом, но в нем есть выход для Земли. Должен быть!

Земля! Нью-Йорк! Джесси и Бен! Уют, родные лица, дом!

Бейли думал о них, засыпая, но мысли о Земле не принесли ему привычного успокоения. Между ним и Городами пролегло отчуждение.

А в какой-то неуловимый миг все померкло, и он уснул.

Проснувшись, Бейли принял душ и оделся. Физически он был вполне бодр, но ощущал неуверенность в себе. Не потому, что собственные выводы показались ему менее убедительными в бледном утреннем свете, нет. Неуверенность вызывалась скорее предстоящей встречей с солярианами.

Разобрался он в них наконец или так и будет действовать вслепую?

Глэдия появилась первой. Ей это было проще — она ведь пользовалась внутренней связью.

Бледная и замкнутая, облаченная в белое платье, она была холодна, как статуя. Представ перед Бейли, она бросила на него беспомощный взгляд. Бейли ласково улыбнулся ей, и она как будто приободрилась.

Один за другим начали появляться прочие участники встречи. Следом за Глэдией возник Аттлбиш, заместитель директора Службы Безопасности, стройный и надменный, с неодобрительно выпяченным тяжелым подбородком. За ним роботехник Либич, сердитый и нетерпеливый, приспущенное веко периодически подергивается. Социолог Квемот, немного усталый, заговорщически улыбнулся Бейли, как бы говоря: мы встречались, мы свои люди.

Клорисса Канторо, кажется, чувствовала себя неловко в обществе других. Увидев Глэдию, она громко фыркнула и уставилась в потолок. Врач, доктор Тул, появился последним. Вид у него был изможденный, почти больной.

Все были в сборе, кроме Грюера, который поправлялся медленно и потому не мог присутствовать на встрече. Что ж, придется обойтись без него, подумал Бейли. Все участники встречи были в официальных костюмах и сидели в плотно занавешенных комнатах.

Дэниел хорошо все организовал. Бейли горячо надеялся, что он так же хорошо справится и с оставшейся частью своей задачи. Инспектор переводил взгляд с одного космонита на другого. Сердце у него глухо колотилось. Они смотрели на землянина из разных комнат, и от разного освещения, разной мебели, разных стен рябило в глазах.

— Я хочу рассмотреть убийство доктора Дельмара. — начал Бейли, — с точки зрения мотива, возможности и средств, именно в таком порядке.

— Это надолго? — перебил Аттлбиш.

— Все может быть, — отрезал Бейли. — Меня вызвали сюда расследовать убийство — это моя работа и моя профессия. Мне лучше знать, что нужно делать. — Не давай им спуску, подумал он, иначе ничего не выйдет. Подавляй их! Подавляй! И продолжал, стараясь подбирать слова пожестче и поязвительнее: — Начнем с мотива. Мотив — по-своему, самый трудный этап следствия. Возможность и средства — понятия объективные и легко подтверждаются фактами. Мотив же — понятие субъективное. Он может быть известен окружающим — например, месть за публичное оскорбление, а может быть и совершенно неизвестен: скажем, иррациональная

ненависть, которую сдержанный человек никому не открывает.

Итак, почти все вы в беседах со мной заявили, что считаете виновной Глэдию Дельмар. Других подозрений ни у кого не было. Имелся ли у Глэдии мотив? Доктор Либич назвал его. Он сказал, что Глэдия часто ссорилась с мужем, и Глэдия сама призналась мне, что это правда. Бешенство, вызванное ссорой, безусловно может толкнуть человека на убийство. Прекрасно. Но вопрос в том, только ли у одной Глэдии был мотив? Например, доктор Либич…

Роботехник так и подскочил, потом ткнул в Бейли пальцем.

— Поосторожнее, землянин.

— Я только теоретизирую, — холодно сказал Бейли. — Вы, доктор Либич, работали с доктором Дельмаром над новыми моделями роботов. Вы лучший специалист по роботехнике на Солярии. Вы сами так сказали, и я вам верю.

Либич улыбнулся, не скрывая своего снисхождения.

— Но я слышал, — продолжал Бейли, — что доктор Дельмар собирался порвать с вами из-за некоторых ваших поступков, которых не одобрял.

— Это ложь! Ложь!

— Кто знает? А если правда? Чем не мотив — избавиться от него, пока он не нанес вам публичного оскорбления? Мне кажется, вам нелегко было бы перенести подобное. Теперь вы, госпожа Канторо, — быстро продолжил Бейли, не дав Либичу возразить. — Смерть доктора Дельмара сделала вас ведущим фетоинженером, вы получили ответственную должность,

— Праведное небо, да мы ведь уже обсуждали это! — сердито крикнула Клорисса.

— Знаю, но тем не менее ваш мотив тоже следует принять во внимание. Что касается доктора Квемота, он постоянно играл с доктором Дельмаром в шахматы. Может быть, его злили слишком частые проигрыши.

— Проигрыш в шахматы вряд ли может служить мотивом для убийства, инспектор, — спокойно заметил социолог.

— Зависит от того, насколько серьезно вы относитесь к игре. Мотив, который для убийцы заслоняет весь мир, другим может показаться совершенно незначительным. Впрочем, дело не в том. Я лишь, старался показать вам, что одного мотива недостаточно. Мотив мог быть у любого — особенно для убийства такого человека, как

доктор Дельмар.

— Что вы хотите сказать? — негодующе спросил Квемот.

— Только то, что доктор Дельмар был «хороший солярианин». Все вы сами о нем так отзывались. Он строго придерживался солярианских моральных норм. Он был идеалом, почти абстракцией. Кто же мог любить такого человека или хотя бы чувствовать к нему симпатию? Человек, лишенный недостатков, только заставляет других почувствовать собственное несовершенство. Древний поэт Теннисон выразил это так: «Тот весь изъян, кто вовсе без изъяна».

— Нельзя же убить человека только за то, что он слишком хороший, — нахмурилась Клорисса.

— Это вы так думаете, — отозвался Бейли и вернулся к прерванному рассуждению: — Доктор Дельмар раскрыл (или думал, что раскрыл) на Солярии заговор, ставивший целью завоевание Галактики. Дельмар хотел вмешаться, поэтому люди, входившие в заговор, могли счесть необходимым убрать его. В заговоре мог состоять кто угодно — в том числе, конечно, и госпожа Дельмар — а также и заместитель директора Службы Безопасности Корвин Аттлбиш.

— Я? — процедил тот.

— Не вы ли пытались закрыть следствие, став главой ведомства после происшествия с Грюером?

Бейли отпил несколько глотков из пакета, который вскрыл сам — ни человек, ни робот его не касался, — и собрался с силами. Пока что он тянул время и был благодарен солярианам за то, что они ведут себя тихо. Впрочем, они не привыкли, как земляне, спорить друг с другом и не умели драться врукопашную.

— Рассмотрим далее, у кого была возможность совершить убийство. Существует общее мнение, что возможность была только у госпожи Дельмар, поскольку лишь она могла достаточно близко подойти к мужу. Но так ли это? Предположим, что кто-то другой решился убить доктора Дельмара. Неужели столь отчаянное решение не отодвинуло бы на второй план неприятную необходимость личного контакта? Если бы кто-то из вас задумал убийство, разве он не согласился бы потерпеть несколько минут ради того, чтобы совершить его? Разве он не мог пробраться в имение Дельмара…

— Вы не знаете, о чем говорите, землянин, — ледяным тоном прервал Аттлбиш, — То, что мог или не мог сделать предполагаемый преступник,

значения не имеет. Дело в том, что сам доктор Дельмар никогда бы не позволил приблизиться к себе — уж вы мне поверьте. Если бы кто-нибудь вздумал явиться к нему, доктор Дельмар не посмотрел бы на самую близкую и старую дружбу и выгнал бы этого человека вон, а при необходимости позвал бы роботов и велел бы вышвырнуть его.

— Да, — сказал Бейли, — все верно — при условии, что доктор Дельмар понял бы, что видит перед собой живого человека.

— Что вы говорите? — дрогнувшим голосом спросил удивленный доктор Тул.

— Когда вы после убийства оказывали помощь госпоже Дельмар, она думала, что видит ваше изображение, доктор, пока вы не дотронулись до нее. Она сама говорила мне это, и я ей верю. Скажу и про себя — я не привык к видеоконтактам, и когда по прибытии на Солярию беседовал с агентом Грюером, то думал, что он в самом деле здесь. Когда же после разговора он исчез, я крайне удивился. А теперь обсудим обратную возможность. Человек всю свою взрослую жизнь общается только по видео, никогда и ни с кем не видится лично, за исключением редких встреч с женой. И вдруг перед ним появляется кто-то — не

жена. Конечно, он подумает, что это видеосеанс — тем более если робота научили сказать Дельмару, что он сейчас соединит его с таким-то.

— Ничего подобного, — сказал Квемот. — Пришедшего выдал бы фон.

— Возможно — но кто из вас в такие мгновения обращает внимание на фон? Прошло бы несколько минут, прежде чем Дельмар почувствовал бы неладное, а за это время его приятель успел бы подойти к нему и ударить по голове.

— Это невозможно, — не уступал Квемот.

— Я другого мнения. Я считаю, что возможность не является неоспоримым доказательством вины госпожи Дельмар. Да, у нее была возможность, но она была и у других.

Бейли снова сделал паузу. На лбу у него выступила испарина, но вытереть ее означало показать свою слабость. Нельзя было упускать бразды правления — тот, в кого он метил, должен был сознавать превосходство Бейли, а землянину нелегко добиться такого от космонита. Бейли посмотрел на всех по очереди и счел, что пока дела идут неплохо. Даже Аттлбиша проняло, и он проявлял вполне человеческие признаки волнения.

— Наконец, перейдем к средствам — самому загадочному моменту во всем деле. Орудие убий-

ства так и не было найдено.

— Знаем, — сказал Аттлбиш. — Если бы не это, мы бы уже предъявили обвинение госпоже Дельмар и никакого следствия не понадобилось бы,

— Допустим, — сказал Бейли, — Итак, рассмотрим вопрос о средствах. Существуют две возможности. Либо убийство совершила госпожа Дельмар, либо кто-то другой. Если убила госпожа Дельмар, орудие осталось бы на месте преступления — при условии, что кто-то не унес его позднее. Мой партнер, господин Оливо с Авроры, сейчас отсутствующий, предположил, что такую возможность имел доктор Тул. Я спрашиваю доктора Тула в присутствии всех: вы действительно сделали это? Вы унесли оружие, оказав предварительно помощь лежащей без чувств госпоже Дельмар?

— Нет, нет, — затрясся доктор. — Клянусь вам. Допрашивайте меня, как хотите — клянусь, что ничего не уносил.

— Полагает ли кто-либо из присутствующих, что доктор Тул солгал? — Все промолчали. Либич взглянул на что-то за кадром и произнес какие-то слова.

— Второй вариант: преступление совершил кто-то другой и унес оружие с собой. Если так

— зачем он это сделал? Унести оружие — значит объявить всем, что госпожа Дельмар невиновна. Если убийца — третье лицо, с его стороны было вопиющей глупостью не оставить оружие рядом с телом и не обвинить тем самым госпожу Дельмар. Итак, орудие в любом случае должно было находиться на месте преступления! Просто его никто не заметил.

— Мы что, по-вашему, дураки или слепые? — спросил Аттлбиш.

— Вы — соляриане. Потому-то и не смогли распознать то орудие, которое осталось на месте преступления.

— Ничего не понимаю, — с отчаянием сказала Клорисса.

Даже Глэдия, которая не подавала признаков жизни в продолжение всего разговора, удивленно смотрела на Бейли.

— Мертвый мужчина и женщина в обмороке — не единственные, кто остался на месте преступления. Там был еще и вышедший из строя робот.

— Ну и что же? — сердито спросил Либич.

— Разве не очевидно, что, если мы исключим невозможное, нам останется истина, хоть и невероятная? Тот робот и был орудием убийства, которое никто из вас в силу своего воспитания не

сумел распознать.

Все заговорили разом, кроме Глэдии, которая продолжала молча смотреть на Бейли. Инспектор поднял руки.

— Подождите. Тихо. Дайте объяснить! — И он повторил свою версию того, как могло быть организовано покушение на Грюера, и рассказал, как пытались убить его самого на детской ферме.

— И это, надо полагать, осуществили таким образом, — нетерпеливо сказал Либич, — один робот отравил стрелу, не ведая, что творит, а другой вручил отравленную стрелу мальчику, предварительно сказав ему, что вы землянин — и не подозревал, что стрела отравлена.

— Вероятно, да. Обоих роботов должны были тщательно проинструктировать.

— Притянуто за уши, — сказал Либич,

Квемот побледнел: казалось, он вот-вот лишится чувств.

— Ни один солярианин не способен использовать роботов во вред другому человеку.

— Может, и так, — пожал плечами Бейли, — но главное в том, что роботов, как выяснилось, можно применять в подобных целях. Спросите доктора Либича — он роботехник.

— Но к убийству доктора Дельмара ваша теория

неприменима, — сказал Либич, — я уже говорил вам вчера. Как можно заставить робота раздробить человеку череп?

— Хотите объясню?

— Если сумеете.

— Дельмар испытывал робота новой модели. Значение этого факта ускользало от меня до вчерашнего вечера, когда я случайно сказал роботу, желая, чтобы он помог мне встать со стула: «Дай руку». Робот в недоумении уставился на свою руку, точно подумал, что я прошу его снять руку и дать ее мне. Пришлось сформулировать команду по-другому. Но это напомнило мне о том, что я слышал от доктора Либича. Они экспериментировали с роботами, у которых были съемные конечности. Допустим, что робот, которого испытывал в тот день доктор Дельмар, был как раз такого типа и мог менять одни конечности на другие в зависимости от рода выполняемых работ. Предположим, убийца знает о том и внезапно говорит роботу: «Дай свою руку». Робот снимает руку и подает ему. Тяжелая рука робота — превосходное оружие. Сделав свое дело, убийца ставит руку на место.

Сначала все в ужасе молчали, потом поднялся возмущенный ропот — последнюю фразу Бейли

пришлось прокричать, и все равно его чуть не заглушили. Аттлбиш, весь красный, встал со стула и шагнул вперед.

— Даже если так, все равно убийца — госпожа Дельмар. Она была там, она поссорилась с мужем, она видела, как муж работает с роботом, и знала, что у робота съемные конечности — если такие роботы и впрямь существуют. Как бы вы ни старались, землянин, все указывает на нее.

Глэдия тихо заплакала. Бейли, не глядя на нее, сказал:

— Напротив — легко доказать, что это преступление она никак не могла совершить.

Джотан Либич с презрительным видом скрестил руки на груди. Бейли, заметив это, сказал:

— И вы мне поможете, доктор Либич. Как роботехник, вы знаете, что управление роботами с целью заставить их совершить убийство против воли требует незаурядного мастерства. Вчера я хотел посадить кое-кого под домашний арест. И дал троим роботам подробные инструкции на предмет его охраны. Простое, казалось бы, дело — но я в роботах профан. В моей инструкции оказался пробел, и мой арестованный ушел.

— А кто это был? — спросил Аттлбиш,

— Неважно, — отмахнулся Бейли. — А важно то,

что дилетант не способен мастерски командовать роботами. Дилетантов же вполне достаточно и на Солярии. Много ли, например, понимала в роботехнике Глэдия Дельмар? Доктор Либич!

— Что? — не понял роботехник.

— Вы пытались обучать ее роботехнике. Что же, она была способной ученицей? Научилась хоть чему-нибудь?

— Нет, — смущенно сознался Либич и умолк.

— Она была совершенно безнадежна, не так ли? Или вы предпочитаете не отвечать?

— Она могла притвориться непонимающей, — холодно сказал Либич.

— И вы, как роботехник, готовы заверить, что госпожа Дельмар способна заставить роботов совершить непреднамеренное убийство?

— Как я могу ответить?

— Поставим вопрос по-другому. Тот, кто пытался убить меня на детской ферме, должен был сначала разыскать инспектора Бейли, пользуясь сетью связи роботов. Я ведь ни одному человеку не говорил, куда направляюсь, и только роботы, доставлявшие меня с места на место, знали, где я. Мой партнер Дэниел Оливо в тот день тоже пытался найти меня, и это ему удалось с большим трудом. Но убийца, должно быть, выяснил все без

труда — ему ведь надо было не только разыскать меня, но еще и отравить стрелу и устроить так, чтобы ею выстрелили, пока я не покинул ферму и не отправился дальше. Сумела бы сделать что-либо подобное госпожа Дельмар?

Корвин Аттлбиш подался вперед.

— Кто же, по-вашему, покушался на вас, землянин?

— Доктор Джотан Либич сам признался, что он лучший специалист по роботам на планете.

— Это что, обвинение? — крикнул Либич.

— Да! — крикнул в ответ Бейли.

Ярость в глазах Либича медленно угасла, сменившись если не спокойствием, то чем-то похожим на облегчение.

— Я обследовал дельмаровского робота после убийства, — сказал он, — У него не было съемных конечностей — их можно было снять, как обычно, только с помощью специальных инструментов, да и то умеючи. Так что этот робот не мог быть орудием убийства Дельмара — ваш вывод ошибочен.

— А кто может подтвердить ваше заявление?

— В моем слове еще никто не сомневался.

— А я сомневаюсь. Я обвиняю вас, и ваше голословное заявление ничего не стоит, Если бы

кто-то мог его подтвердить, тогда другое дело. Вы подозрительно быстро избавились от этого робота. Почему?

— Не было причины хранить его. Он был полностью выведен из строя, потерял всякую ценность.

— Почему?

— Вы уже спрашивали меня, землянин, — ответил Либич, потрясая пальцем перед Бейли, — и я сказал вам почему. Робот стал свидетелем убийства, которому не мог помешать.

— Вы сказали также, что это всегда ведет к полному разрушению, таково универсальное правило. Но робот, подавший Грюеру отравленное питье, отделался только хромотой и шепелявостью. А ведь он сам был невольным убийцей — как казалось тогда, — а не просто свидетелем. Однако сохранил достаточно рассудка, чтобы его можно было допросить. Значит, дельмаровский робот пострадал гораздо сильнее грюеровского. И неудивительно — ведь его собственную руку использовали как орудие убийства.

— Чепуха, — возмутился Либич. — Вы ничего не смыслите в роботехнике.

— Возможно. Но я предлагаю главе Службы Безопасности Аттлбишу проверить отчетность

вашего завода и ремонтной мастерской. Может быть, удастся выяснить, производились ли у вас роботы со съемными конечностями — и если да, то посылали ли такого робота доктору Дельмару — и если да, то когда.

— Никто не будет рыться в моих книгах! — крикнул Либич.

— Но почему, если вам нечего скрывать?

— Да с какой стати мне было убивать Дельмара? Вот вы что мне скажите. Какой у меня был мотив?

— Могу предложить два, — сказал Бейли. — Вы были дружны с госпожой Дельмар. Более чем дружны. Соляриане по-своему тоже люди. Вы никогда не общались с женщинами, но это не уберегло вас, так сказать, от животных инстинктов. Вы видели госпожу Дельмар, — извините, по видео, конечно, — одетой весьма легко и…

— Нет! — с болью выкрикнул Либич.

— Нет, — вырвалось шепотом у Глэдии.

— Возможно, вы и сами не понимали своих чувств — или же, смутно осознавая их, презирали себя за слабость, а госпожу Дельмар ненавидели за то, что она внушала их вам. И Дельмара ненавидели — за то, что он ею обладает. Вы же просили госпожу Дельмар стать вашим асси-

стентом — это была уступка вашему либидо. Она отказалась, и ваша ненависть к ней стала еще сильнее. Убив доктора Дельмара таким образом, чтобы подозрение пало на его жену, вы отомстили бы им обоим.

— Кто поверит вашей грязной дешевой мелодраме? — хрипло прошептал Либич. — Разве что другой землянин, такой же скот, как и вы. Но не солярианин.

— Я не настаиваю на этом мотиве, — сказал Бейли. — Думаю, он тоже подсознательно присутствовал, но у вас имелся мотив и попроще. Доктор Рикэн Дельмар стоял на пути у ваших планов, и его надо было убрать.

— О каких планах вы говорите?

— О ваших планах завоевания Галактики, доктор Либич.

Глава восемнадцатая
Вопрос получает ответ

— Этот землянин сошел с ума! — закричал Либич. — Разве вы не видите?

Все молча смотрели кто на Бейли, кто на Либича. Бейли не дал им опомниться.

— Вы сами знаете, доктор Либич, что доктор Дельмар собирался порвать с вами. Из-за того, как думала госпожа Дельмар, что вы не вступили в брак. Я думаю иначе. Доктор Дельмар сам уповал на будущее, в котором, с повсеместным распространением эктогенеза, отпадет всякая надобность в браках. Но, сотрудничая с вами, он знал о вашей работе больше, чем кто-либо другой, — или догадывался. Он узнал бы о ваших опасных экспериментах и попытался бы остановить вас. Он уже намекал на это агенту Грюеру, но не сказал прямо, так как еще не знал подробностей. Вы, видимо, догадались о подозрениях доктора и убили его.

— Сумасшедший! — повторил Либич. — Я не желаю больше иметь с вами ничего общего.

— Выслушайте его, Либич! — вмешался Аттл-

биш.

Бейли прикусил губу, чтобы не проявить преждевременно удовлетворения — Аттлбиш был явно не на стороне Либича.

— Тогда же, когда вы говорили мне о роботах со съемными конечностями, доктор Либич, вы упомянули о космическом корабле со встроенным мозгом. Вы определенно наговорили тогда много лишнего. То ли потому, что я землянин и мне не понять тонкостей роботехники, то ли потому, что вам угрожал мой визит — и когда угроза миновала, вас охватила легкая эйфория.

Так или иначе, к тому моменту доктор Квемот уже открыл мне, каким секретным оружием против других миров владеет Солярия — позитронным роботом.

— Но не в том же смысле… — подскочил от неожиданности Квемот.

— Знаю — вы говорили с точки зрения социолога. Но это заставило меня задуматься. Сравните корабль с позитронным мозгом и корабль, управляемый человеком, Корабль с людьми на борту не сможет использовать роботов в боевых действиях. Робот не станет уничтожать людей на вражеском корабле или на планете. Он не знает разницы между «своими» и «врагами». Роботу,

конечно, можно сказать, что на борту вражеского корабля людей нет и что бомбить будут необитаемую планету, но это может не пройти. Робот видит, что на его собственном корабле люди есть, и знает, что на его планете живут люди. Поэтому он делает вывод, что так же обстоит дело и на чужом корабле или планете. Потребуется настоящий эксперт-роботехник — вроде вас, доктор Либич, — чтобы командовать роботами в подобной ситуации, а таких экспертов очень мало. Но мне сдается, что корабль, оснащенный собственным позитронным мозгом, бодро атакует любую цель, которую ему укажут. Ему ведь кажется естественным, что на другом корабле тоже нет людей. А защиту от приема сообщений с вражеского корабля, которые могут его в этом разуверить, создать легко. Поскольку боевая и оборонительная техника управляется непосредственно позитронным мозгом, такой корабль будет гораздо маневреннее обычного. За отсутствием помещений для экипажа, для продовольствия, для очистки воды и воздуха такой корабль поднимет больше брони, больше оружия и станет более неуязвимым, нежели обычный. Один корабль с позитронным мозгом способен победить целый флот. Я прав или нет?

Последний вопрос был обращен к доктору Либичу, который вскочил с места и стоял как оцепенелый, почти что в каталепсии — то ли от гнева, то ли от ужаса. Ответа не было. Да его никто бы и не услышал — все вопили, как бешеные, словно с цепи сорвались. Клорисса бесновалась, как фурия, и даже Глэдия потрясала кулачками. И вся их ярость была направлена на Либича.

Бейли закрыл глаза, пытаясь хоть на несколько мгновений ослабить мускулы, отпустить сухожилия.

Сработало. Наконец-то он нажал нужную кнопку. Квемот вчера провел аналогию между солярианскими роботами и спартанскими илотами. Он сказал, что роботы не могут взбунтоваться, поэтому соляриане могут спать спокойно.

Но если найдется человек, угрожающий научить роботов чинить людям вред — бунтовать, другими словами?

Разве это не тягчайшее преступление? Разве все до единого жителя Солярии не ополчатся яростно на того, кто хотя бы подозревается в том, что заставил робота вредить человеку? На Солярии, где роботов в двадцать тысяч раз больше, чем людей?

— Вы арестованы! — кричал Аттлбиш. — Вам

категорически запрещается пользоваться книгами или записями, пока правительство не изыщет возможности проверить их... — Он продолжал говорить, но его не было слышно в общем гвалте.

К Бейли подошел робот.

— Господин, вам сообщение от господина Оливо. Бейли взял у него капсулу, раскрыл ее и крикнул:

— Минуту!

Его голос произвел почти магическое действие. Все как один обернулись к нему, и на всех лицах (кроме застывшего лица Либича) читалось самое напряженное внимание к тому, что скажет землянин. Бейли сказал:

— Глупо было бы ожидать, что доктор Либич не прикоснется к своим записям до прибытия вашего чиновника. Поэтому еще до начала нашего заседания мой партнер Дэниел Оливо отправился в имение доктора Либича. Я только что получил от него известие. Он находится на территории имения и сейчас войдет к доктору Либичу, чтобы взять его под стражу.

— Под стражу?! — взвыл Либич в каком-то животном ужасе. Его глаза, мнилось, вот-вот выскочат из орбит, — Сюда кто-то идет? Человек?! Нет! Нет! — Второе «нет» он просто провизжал.

— Вам не причинят вреда, — холодно сказал Бейли, — если вы окажете помощь следствию,

— Но я не хочу, чтобы он приходил. Я не вынесу! — Роботехник, не сознавая, что делает, упал на колени и стиснул руки в отчаянной мольбе. — Чего вы хотите от меня? Признания? У дельмаровского робота были съемные конечности. Да! Да! Да! Я организовал отравление Грюера. Я организовал покушение на вас. И задумал такой корабль, о котором вы говорили. У меня не получалось, но да, у меня была такая идея. Только отзовите своего человека. Не пускайте его сюда. Не пускайте! — Речь Либича перешла в невнятное бормотание.

Бейли кивнул. Он снова нажал правильно. Угроза личного визита вырвала у Либича признание быстрее, чем любая пытка.

И тут, услышав или увидев нечто вне поля зрения и слышимости остальных, Либич дернул головой и открыл рот. Он вскинул руки, будто защищаясь от чего-то.

— Уйди, — взмолился он. — Уйди. Не входи. Прошу тебя. Прошу… — и пополз куда-то на четвереньках, потом сунул руку в карман, достал что-то и быстро поднес ко рту. Качнулся и рухнул ничком.

«Дурак, — хотел крикнуть Бейли, — к тебе шел не человек, а один из твоих любимых роботов!»

В поле зрения ворвался Дэниел Оливо и остановился, глядя на скрюченное тело у своих ног.

Бейли затаил дыхание. Если Дэниел поймет, что Либича убило его мнимое сходство с человеком, это нанесет страшный удар его мозгу, подчиненному Первому Закону.

Но Дэниел лишь опустился на колени и тихонько потрогал Либича. Потом, взяв в руки голову роботехника, приподнял ее, как нечто хрупкое и драгоценное. Обратив свое точеное лицо к собравшимся, он прошептал:

— Человек умер!

Бейли ждал ее — она попросила о последнем свидании. Но когда Глэдия появилась, он широко раскрыл глаза.

— Вы здесь, вы пришли.

— Да — а как вы догадались?

— На вас перчатки.

— А-а, — она смущенно взглянула на свои руки. — Вам это неприятно?

— Нет, совсем нет. Но почему вы решились на личную встречу?

— Видите ли, Элайдж, — слабо улыбнулась она, — надо же мне привыкать. Раз я собралась

на Аврору…

— Значит: все улажено?

— У господина Оливо есть кое-какие связи. Все улажено. Я больше не вернусь сюда.

— Это хорошо. Вам там будет лучше, Глэдия. Я знаю.

— Я немного побаиваюсь.

— Знаю. Там все время придется встречаться с другими людьми и не будет того комфорта, как здесь, на Солярии. Но вы привыкнете, а самое главное — забудете весь тот ужас, который вам пришлось пережить.

— Я не хотела бы забыть все, — мягко сказала Глэдия.

— Со временем захотите. — Бейли посмотрел на ее стройную фигуру и не без мимолетной боли сказал: — И когда-нибудь выйдете замуж, на сей раз по-настоящему.

— Почему-то сейчас замужество меня совсем не привлекает, — грустно сказала она.

— Когда-нибудь вы перемените свое мнение. Какой-то миг они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я так и не поблагодарила вас, — сказала Глэдия.

— Я всего лишь делал свою работу.

— Вы ведь возвращаетесь на Землю?

— Да.

— И я вас больше не увижу.

— Наверное. Но вы не огорчайтесь. Лет через сорок, самое большее, я умру, а вы останетесь такой же, как теперь.

Ее лицо горестно скривилось.

— Не говорите так.

— Это правда.

— А знаете, насчет Джотана Либича все подтвердилось, — быстро сказала Глэдия, словно желая сменить тему.

— Да, знаю. Другие роботехники просмотрели его записи и обнаружили опытный проект космического корабля с искусственным мозгом. И нашли роботов со съемными конечностями.

— Как по-вашему, зачем он делал такие страшные вещи?

— Он боялся людей. Он убил себя, лишь бы избежать присутствия человека, и готов был истребить целые миры, лишь бы Солярия с ее табу на личные контакты осталась в неприкосновенности.

— Как он мог так думать, — промолвила она, — ведь личный контакт иногда бывает… — И снова они помолчали, стоя в десяти шагах друг от друга.

Потом Глэдия воскликнула: — Элайдж, вы сочтете меня развязной, но…

— Почему я должен счесть вас развязной?

— Можно мне прикоснуться к вам? Я ведь никогда больше вас не увижу.

— Если хотите.

Шаг за шагом она приближалась к нему, сияя глазами, но все же с опаской. Остановилась в трех футах от него и медленно, как в трансе, стала стягивать перчатку с правой руки. Бейли сделал отстраняющий жест.

— Не делайте глупостей, Глэдия.

— Я не боюсь. — И она протянула ему дрожащую руку без перчатки.

Рука Бейли тоже дрогнула. Робкая, испуганная рука Глэдии на миг задержалась в его ладони. Потом он разжал пальцы, рука ускользнула, неожиданно взлетела к его лицу и легко, как перышко, на долю мгновения коснулась щеки.

— Спасибо вам, Элайдж. До свидания.

— До свидания, Глэдия, — сказал он ей вслед. Даже мысль о корабле, который ждет, чтобы отвезти его на Землю, не могла облегчить охватившее инспектора чувство утраты.

Заместитель министра Альберт Минним встретил Бейли со сдержанной приветливостью.

— Рад снова видеть вас на Земле. Ваш отчет, разумеется, прибыл раньше, и сейчас его изучают. Вы хорошо поработали. Это дело украсит ваш послужной список.

— Благодарю, — сказал Бейли. Для более обширных излияний у него не было сил. Вернувшись на Землю, под кров родных Пещер, и успев уже поговорить с Джесси, Бейли чувствовал какую-то странную пустоту изнутри.

— Однако, — продолжал Минним, — ваш отчет касается только следствия. Нас же интересовало и другое. Может быть, вы доложите мне устно?

Бейли помолчал и машинально полез во внутренний карман, где снова утешительно покоилась трубка.

— Можете курить, — поспешно сказал Минним. Бейли несколько затянул процесс раскуривания.

— Я не социолог, — сказал он наконец.

— Да ну? — слегка улыбнулся Минним. — Мы ведь, кажется, это уже обсуждали. Хороший полицейский должен быть и хорошим социологом-практиком, даже если он никогда не слышал об уравнении Хэккета. По вашему замешательству я вижу, что свои выводы относительно Внешних Миров вы сделали, но не уверены, как я к ним отнесусь.

— Что ж, будь по-вашему, сэр. Посылая меня на Солярию, вы поставили передо мной вопрос: в чем слабость космонитов? Их сила в роботах, в малом населении, в долгой жизни, но в чем их слабость?

— Ну-ну?

— Мне кажется, я знаю, в чем слабость солярианин, сэр.

— Значит, можете ответить на мой вопрос? Хорошо. Я слушаю.

— Их слабость, сэр, в роботах, в малочисленности, в долгой жизни.

Минним посмотрел на Бейли, не меняясь в лице, быстро чертя что-то пальцами по столу.

— Почему вы так думаете?

На обратном нуги Бейли часами репетировал свою речь и спорил с чиновником, выдвигая уравновешенные, продуманные аргументы. Но сейчас он растерялся.

— Не уверен, что смогу изложить связно…

— Ничего, послушаем. Это ведь только первая прикидка.

— Соляриане отказались от того, чем человечество владеет уже миллион лет, — начал Бейли. — От того, что ценней атомной энергии. Городов, сельского хозяйства, орудий труда, огня

— ценнее всего. Потому что эта вещь как раз и делает возможным все, что я перечислил.

— Не хочу гадать, Бейли. Что же это такое?

— Племя, сэр. Сотрудничество отдельных личностей. Солярия полностью отказалась от него. Это мир отдельных, изолированных друг от друга личностей, и единственный социолог планеты от этого в восторге. Кстати, он и не слыхивал о социометрии — изобретает собственную науку. Ему не у кого поучиться, некому ему помочь, некому подать мысль, которую он упустил. Единственная наука, действительно процветающая на Солярии, — роботехника, но и ею занимаются считанные люди, а когда им понадобилось проанализировать отношения между человеком и роботом, пришлось звать на помощь землянина. Солярианское искусство абстрактно. У нас на Земле абстракционизм — лишь одно из направлений искусства, на Солярии — единственное направление, и человеческого образа в нем нет. А на будущее планируется эктогенез и полная изоляция от деторождения.

— Да, жутковато, — сказал Минним. — Но насколько это опасно для них?

— Думаю, что очень опасно. Без игры человеческих взаимоотношений жизнь лишается своего

главного смысла; духовные ценности обесцениваются, и жить, в общем, становится незачем. Видеосвязь не может заменить живого общения — соляриане сами сознают, что это слишком слабое связующее звено, И если одной изоляции недостаточно для застоя, то долгая жизнь завершает дело. На Земле в наши ряды постоянно вливается молодежь, которая жаждет перемен, поскольку не успела прочно осесть в жизни. У нас, по-моему, существует определенный оптимум: жизнь, достаточно длинная, чтобы чего-то добиться, и достаточно короткая, чтобы уступить дорогу молодым. Процесс смены поколений идет довольно быстро. А на Солярии он чересчур замедлился.

Минним продолжал рисовать пальцем на столе.

— Интересно! Интересно! — потом он поднял голову, и Бейли увидел его без маски — Минним просто сиял. — Вы проницательный человек, инспектор.

— Спасибо, — буркнул Бейли.

— Знаете, почему я попросил вас самого рассказать о своих наблюдениях? — ликуя, как мальчишка, спросил Минним и не стал дожидаться ответа. — Наши социологи уже провели

первоначальный анализ вашего отчета, и я спрашивал себя, понимаете ли вы, какие превосходные новости привезли на Землю. Оказывается, понимаете.

— Подождите, ведь это еще не все.

— Конечно, — ликующе согласился Минним. — Солярии уже не преодолеть своего застоя. Они миновали критическую точку — их зависимость от роботов зашла слишком далеко. Робот не может наказать ребенка, даже если наказание пойдет ребенку на пользу — робот не способен заглянуть в будущее и переступить через боль, которую причиняет сейчас. А роботы в целом не могут руководить планетой, потому что для того нужно упразднять все, что становится вредным, — роботы не способны переступить через хаос, который это вызовет сейчас. Таким образом Внешние Миры вступили на путь постепенного загнивания, и Земле недолго терпеть их владычество. Ваша информация все изменила. Нам не понадобится никаких восстаний — свобода придет сама собой.

— Подождите, — настойчиво, уже погромче повторил Бейли. — Мы ведь говорим только о Солярии, а не обо всех Внешних Мирах.

— Это одно и то же. Ваш солярианский социо-

лог, Кимот…

— Квемот, сэр.

— Пускай Квемот. Разве он не сказал, что все Внешние Миры идут путем Солярии?

— Сказал — но он ничего не знает о других Внешних Мирах, да он и не социолог. То есть не настоящий. Мне казалось, я это достаточно ясно изложил в отчете.

— Наши ученые разберутся.

— Им тоже не хватает данных. Нам ничего не известно о крупнейших Внешних Мирах. Вот, например, Аврора — мир Дэниела. Мне кажется опрометчивым отождествлять ее с Солярией. Собственно, в Галактике есть только один мир, напоминающий Солярию.

Учёные разберутся, — махнул своей ухоженной ручкой счастливый Минним, — Я уверен, что они согласятся с Квемотом.

Бейли помрачнел. Если земным социологам захочется получить нужный результат: то почему бы и не согласиться. Из цифр можно вывести все, что угодно, если постараться как следует и подольше, да еще слегка подтасовать денные.

Он колебался. Сказать сейчас, пока его слушает высокопоставленное лицо, или…

Колебался чуть дольше, чем надо. Минним на-

шел на столе какие-то бумаги и перешел к делу.

— Выясним еще пару вопросов по делу Дельмара, инспектор, и вы свободны. Вы сознательно толкнули Либича на самоубийство?

— Я хотел добиться признания, сэр, — и не ожидал, что он покончит с собой при появлении не человека даже, а робота, который в действительности не нарушил никакого табу. Ирония судьбы. Но откровенно говоря, я не жалею о его смерти. Слишком опасный он был человек. Нескоро теперь появится другой, в ком сочетались бы безумие и одаренность Либича.

— Я согласен, что его смерть пришлась кстати, — сухо сказал Минним, — но разве вы не понимаете, чем рисковали, если бы соляриане поняли, что Либич никак не мог убить Дельмара?

Бейли вынул трубку изо рта, но ничего не сказал,

— Бросьте, инспектор. Вы-то знаете, что он не убивал. Чтобы убить, надо было подойти к Дельмару близко, а Либич скорее бы умер, чем решился на это. Собственно, он и умер, лишь бы избежать подобной возможности.

— Вы правы, сэр. Я рассчитывал на то, что солярианам до глубины души поразят его опыты с роботами и о другом они просто думать забудут.

— Кто же тогда убил Дельмара?

— Если вы спрашиваете, кто нанес удар, — медленно проговорил Бейли, — то все и раньше знали, кто это сделал. Глэдия, жена Дельмара.

— И вы позволили ей уйти?

— Моральная ответственность лежит не на ней, Либич знал, что Глэдия постоянно затевала бурные ссоры с мужем, и знал, должно быть, до какого бешенства она доходит в гневе. Либичу нужно было, чтобы умер муж, а подозрение пало на жену. Вот он и подставил Дельмару робота, которого, наверное, научил с присущим ему мастерством подать Глэдии свою съемную руку, когда она разъярится до предела. Получив оружие в критический момент, Глэдия в помрачении разума нанесла удар, и ни Дельмар, ни робот не успели остановить ее. Глэдия послужила Либичу таким же бессознательным орудием, как и робот.

— Но на руке у робота должна была остаться кровь и прилипшие волосы.

— Так, наверное, и было, но роботом занимался Либич. А роботам Дельмара, которые тоже могли заметить это, он просто приказал его забыть. Мог это видеть и доктор Тул, но он был слишком занят трупом и потерявшей сознание женщиной. Одна-

ко Либич ошибся, полагая, что вина Глэдии будет столь очевидной, что даже отсутствие орудия преступления ее не спасет. Не мог он предвидеть и того, что вести следствие вызовут землянина.

— Итак, Либич умер, и вы устроили так, что Глэдия покинула Солярию. На случай, если солярианне, успокоившись, примутся размышлять и в итоге сообразят, что к чему?

— Она достаточно настрадалась, — пожал плечами Бейли. — Была жертвой своего мужа, жертвой Либича, жертвой всего солярианского уклада.

— Значит, использовали закон в личных целях?

Суровое лицо Бейли совсем окаменело.

— Нет, не в личных. Солярианский закон мне не указ. Превыше всего были интересы Земли, и во имя этих интересов я проследил за тем, чтобы Либич, представлявший опасность и для нас, ушел из жизни. Что касается госпожи Дельмар… — Бейли взглянул в лицо Минниму, чувствуя, что делает критический шаг. Он должен сказать! — Что касается ее, на ней я поставил эксперимент.

— Какой еще эксперимент?

— Хотел выяснить, согласится ли она жить в мире, где личные контакты и дозволены, и же-

лательны. Мне было любопытно, хватит ли у нее мужества порвать с привычками, которые так укоренились в ней. Я боялся, что она откажется и предпочтет лучше остаться на Солярии, ставшей для нее чистилищем, чем заставить себя порвать с извращенными солярианскими нравами. Но она выбрала путь перемен, и я был тому рад. Ее решение показалось мне символичным. Как будто выбор Глэдии Дельмар открыл врата спасения и для нас.

— Для нас? Что вы такое несете?

— Не для нас с вами, сэр, а для всего человечества. Вы неверно представляете себе Внешние Миры. У них там мало роботов, они свободно общаются между собой и присматриваются к Солярии. Вы знаете, что со мной был Р. Дэниел Оливо — он тоже представит свой отчет. Да, для них существует опасность сделаться Солярией, но они могут вовремя заметить эту опасность, удержать разумное равновесие и таким образом сохранить власть над человечеством.

— Это только ваше мнение, — недоверчиво сказал Минним.

— Я еще не все сказал. Есть один мир, напоминающий Солярию, и это — Земля,

— Инспектор Бейли!

— Это так, сэр, Мы — Солярия навыворот. Они ушли друг от друга, мы ушли от Галактики. Они укрылись в своих неприкосновенных поместьях, мы замуровали себя в подземных Городах. Они — вожди без масс, у них есть только безответные роботы. Мы — масса без вождей, и нас защищают лишь наши Города. — Бейли стиснул кулаки.

Минниму явно не понравились его слова.

— Инспектор, вам пришлось многое испытать. Вам нужен отдых, и вы его получите. Полностью оплаченный месячный отпуск, а затем вас ждет повышение.

— Благодарю вас, но я нуждаюсь не только в этом. Мне нужно, чтобы вы меня выслушали. Существует лишь один выход из тупика, и он ведет наружу, в космос. Там миллионы миров, а космонитам принадлежат только пятьдесят. Космонитов мало, и живут они долго. Нас много, и жизнь у нас короткая. Мы приспособлены для открытий и колонизации новых земель лучше, чем они. Нас подталкивает рост населения, и быстрый оборот поколений снабжает молодыми беспокойными людьми. Да ведь и сами Внешние Миры созданы нашими предками.

— Да-да, но боюсь, время нашей встречи истекло.

Бейли, видя, как Минниму не терпится спровадить его, уселся поудобнее.

— Когда первые поселенцы создали миры, опередившие нас в техническом развитии, мы начали строить себе норы под землей и забились в них, точно в чрево матери. Космониты навязали нам свое превосходство, и мы от них спрятались. Это не выход. Чтобы сломать губительный цикл мятежей и расправ, мы должны вступить с космонитами в соревнование, пойти по их следам, если надо, — обогнать, если можно. А для того нужно выйти на поверхность. Нужно научиться смотреть в пространство. А если нам уже поздно учиться, нужно научить тому детей.

— Вам надо отдохнуть, инспектор.

— Слушайте меня, сэр! — рявкнул Бейли. — Если космониты настолько сильны, как выглядят, а мы останемся такими, как есть, — не пройдет и ста лет, как Землю уничтожат. Это же подсчитано, вы сами сказали. Если же космониты слабы и станут еще слабее, то у нас есть шанс — но кто сказал, что они слабы? Соляриане — все, кого мы знаем.

— Но…

— Я еще не договорил. Есть то, что мы можем изменить независимо от силы или слабости кос-

монитов. Мы можем изменить себя. Выйдем в пространство, и надобность бунтовать отпадет. Мы создадим кучу собственных миров и сами станем космонитами. Если же мы останемся на скученной Земле, бессмысленный и роковой бунт неизбежен. И будет гораздо хуже, если люди преисполнятся ложных надежд, основанных на мнимой слабости космонитов. Поговорите с социологами. Представьте им мои аргументы. А если они по-прежнему будут сомневаться, найдите способ послать меня на Аврору. Дайте мне составить рапорт о настоящих космонитах, и вы поймете, что нужно Земле.

— Да-да, — кивнул Минним. — Всего вам хорошего, инспектор Бейли.

Бейли ушел ликующий. Ведь он и не ожидал одержать над Миннимом открытую победу. Укоренившиеся мысли нельзя изменить ни в один час, ни в один год. Зато Бейли видел, как задумался Минним, лишившись, хоть ненадолго, своей безрассудной веселости.

Бейли знал, что будет дальше, Минним обратится к социологам и посеет в ком-то из них сомнение. Они начнут задавать себе вопросы. Они захотят поговорить с Бейли.

Пройдет год, думал Бейли, всего один год — и я

отправлюсь на Аврору. Пройдет одно поколение — и мы снова выйдем в космос.

Бейли ехал по северной экспресс-дороге. Скоро он увидит Джесси. Поймет ли она? Сыну, Бентли, сейчас семнадцать. Может быть, обзаведшись собственным сыном, Бен, когда тому стукнет семнадцать, уже будет строить новую жизнь на какой-нибудь пустой планете?

Мысль пугала. Бейли все еще боялся пространства, Но зато больше не боялся своего страха. Нужно не бежать от страха, а сражаться с ним.

Он чувствовал себя так, будто пережил приступ безумия. Он ведь с самого начала испытывал таинственный зов пространства — еще тогда, когда в машине обманул Дэниела, чтобы открыть верх и выглянуть наружу.

Тогда он не понимал. Дэниел посчитал его психопатом. А сам Бейли думал, что выходит наружу из профессионального долга, в интересах следствия. Только в тот последний вечер на Солярии, сорвав штору с окна, он понял, что хочет видеть пространство ради самого пространства — потому что оно манит и сулит свободу.

Миллионы людей на Земле чувствуют, наверное, то же самое — их бы только навести на мысль о пространстве, только бы заставить сделать

первый шаг.

Бейли посмотрел вокруг.

Экспресс-дорога бежала вперед. По сторонам сверкали огни, проносились мимо огромные жилые блоки, сияли вывески, мелькали витрины, фабрики, огни, шум, толпа, шум, люди, люди, люди…

Это было то, что он любил, то, что он ненавидел, то, с чем боялся расставаться, то, по чему, как ему казалось, тосковал на Солярии.

А теперь все стало чужим.

Он больше не чувствовал себя здесь дома.

Он отлучился, чтобы расследовать убийство, и за это время с ним что-то произошло.

В разговоре с Миннимом он сравнил Город с материнским чревом — так оно и есть. А что первым делом должен сделать человек, чтобы стать человеком? Он должен родиться. Выйти из чрева. И выйдя из него, он уже не в силах вернуться.

Бейли покинул Город и не может вернуться назад. Город ему больше не принадлежит. Стальные Пещеры стали чужими. Этого не избежать. Так будет и с другими — и Земля, выйдя в пространство, родится заново.

Сердце Бейли бешено колотилось, городской шум еле слышно отдавался в ушах.

Он вспомнил сон, который снился ему на Солярии, и наконец понял его. Он поднял голову и увидел — сквозь толщу бетона, стали и человеческих тел над собой. Увидел маяк, манящий человека в пространство. Увидел, как светит оно — обнаженное солнце!

